МАГИЯ ФЭНТЕЗИ
Оксана ПАНКЕЕВА
РАССМЕШИТЬ БОГОВ
Издательство Альфа-книга

Оксана Петровна Панкеева

Рассмешить богов

Серия «Хроники странного королевства», книга 6

Текст предоставлен издательством «Армада»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135550
Рассмешить богов: Армада, Альфа-книга; М.:; 2006
ISBN 5-93556-706-7

Аннотация

Разные цели бывают у людей. Великие и скромные, добрые и низменные, бескорыстные и эгоистичные. Вернуть престол, спасти друга, убрать чересчур любопытного короля, помочь товарищу, устроить несчастный случай начальнику, уберечь единственного сына, завоевать мир, выполнить приказ. У каждого есть своя цель, и у каждого есть план – как ее добиться. Но, как говорится, хочешь рассмешить богов – расскажи им о своих планах…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 17
Глава 3 31
Глава 4 44
Глава 5 57
Глава 6 69
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Рассмешить богов

Глава 1

Но как только Чебурашка открыл входную дверь, ему на голову неожиданно свалился большой красный кирпич!
Э. Успенский

Официальная процедура подтверждения подлинности Шеллара III была назначена на двадцать пятый день Бирюзовой луны. Местом означенной процедуры был выбран тронный зал Элвиса, поскольку Шеллар настаивал на том, что такие мероприятия следует проводить на нейтральной территории, и, как ни странно, лондрийский коллега его горячо в этом поддержал. После церемонии было запланировано внеочередное заседание Международного Совета, посвященное повальным неприятностям последних недель. Заседание поначалу планировалось на конец луны, но потом было перенесено по просьбе Элвиса и с общего согласия остальных членов Совета. О том, что идею совместить оба мероприятия Элвису подкинул все тот же Шеллар, скромно умалчивалось. Его величество об этом просил Пафнутий, который членом Совета не являлся, и, если бы до истинной причины кто-то докопался, могло дойти до скандала.

На церемонии присутствовали: все правители континента с семействами, исключая президента Мистралии, но включая непризнанную королеву Дану; придворные маги всех королевских домов, включая мэтрессу Джоану, но исключая шамана Даны (еще более непризнанного, чем его королева), избранные представители аристократии всех королевств и члены Совета Магнатов Голдианы, руководители спецслужб и специально приглашенные представители прессы.

Ожидаемый всеми Казак на церемонию не явился, на словах передав через Силантия, что делать ему там нечего. О смерти и бессмертии он знает не больше остальных, а позориться перед сбродом разнаряженных господ ему неохота. К тому же он совершенно уверен, что злючка Морриган непременно постарается его опозорить. Эта дама уже сорок пять лет обижена на него за то, что он облил ее святой водой и трижды перекрестил при традиционной попытке обернуться демоном в пикантный момент.

Кантору было бы любопытно понаблюдать за всеми высокопоставленными гостями, послушать, о чем они говорят, кое с кем поздороваться, но, к сожалению, он был уже на работе, поэтому ограничился тем, что поиграл в гляделки с господином Крошем, находившимся при бесценной персоне своего босса. Обмен злорадными взглядами и гадостными ухмылками закончился полной победой Кантора – Крош запсиховал, задергался и продемонстрировал свою бессильную злобу всем, кто мог его видеть. Кантор в последний раз победно ухмыльнулся и отвернулся, будто он тут был ни при чем.

Мероприятие еще не начиналось, и приглашенные прохаживались по залу, раскланиваясь, беседуя и демонстрируя наряды. Кантор, как ему и полагалось, держался рядом с королем и честно прикидывался обычным охранником. Собственно, он и так частично им являлся, а какие-либо действия должен был предпринимать только по сигналу напарников, которые непосредственно занимались охраной его величества. Напарниками Кантора были высокий неразговорчивый вор, тоже первоклассный стрелок, и старенькая магичка, мастер щитов – оба – профессиональные телохранители с огромным стажем и наверняка лучшие в своем деле. Оно и понятно – кому попало не доверят охранять первое лицо королевства. Вопреки ожиданиям Кантора напарники на него не косились и никоим образом не демонстрировали недовольства тем, что к ним пристроили бесполезного новичка. Видимо, преду-

смотрительный король заранее снабдил их соответствующими инструкциями, и Кантору было весьма любопытно, что же его величество им наплел, ведь наверняка не правду, а нечто туманное, но настолько действенное, что новому охраннику готовы были простить даже пребывание на посту в не совсем адекватном состоянии. Перед выходом на работу Кантор выкурил изрядный косяк непонятно из каких трав, смешанных лично придворным магом, и теперь эти травы благоухали в радиусе нескольких локтей, так что напарники не могли этого не чувствовать. Удовольствия от косяка Кантор не получил никакого, однако мэтр утверждал, что зелье проверено в деле неоднократно и стимулирует стихийные способности лучше всякого алкоголя и любых известных наркотиков. Пока что Кантор чувствовал только уже упомянутый запах и неприятную тяжесть в голове. На него наложили заклинание, обостряющее слух, так что теперь он мог слышать практически все, что говорилось в зале, даже шепотом в дальнем углу, однако ничего интересного пока не услышал.

Представители аристократии королевства Ортан, графы Монкар и Диннар, а также герцоги Гирранди, перешептывались, предвкушая хоть какой-нибудь скандал. Даже если с их королем ничего не случится, они втайне надеялись на потасовку королевы Киры с королевой Даной на почве ревности или на публичные разборки его величества Шеллара с коллегой Александром.

Представители Лондры стояли столбами, то ли в силу воспитания, то ли до сих пор перепуганные репрессиями, которые закатил их король после неудачного заговора, и от них не было слышно ни слова. Поморцы вели себя более оживленно, чем обычно, даже Пафнутий молчал как-то напряженно, однако и они ни о чем интересном не говорили. Голдианцы обсуждали какие-то деловые вопросы и говорили о пошлинах на оружие и налогах на добавочную стоимость, в которых Кантор ничего не понимал.

Королева Галланта шипела на мужа и придерживала за подол старшую дочь, которая воспринимала происходящее как повод этим самым подолом повертеть. Причем соплячка пялилась именно на Кантора, как будто в зале других мужиков мало! Не видит, что человек на работе? Впрочем, принцесса Люсиль была не одинока в своих стремлениях, – пробежав взглядом по залу, Кантор обнаружил, что на него посматривают с интересом, выходящим за рамки простого любопытства, еще многие дамы. К примеру, королева Лондры (ох не зря его величество упоминал, что его кузина дура набитая), две дочери Лисаветы (якобы порядочные и примерные жены), невестка господина Дорса (умереть можно со смеху), глава лондрийских спецслужб принцесса Элизабет (тоже можно умереть, только с перепугу)… А также четырнадцать незнакомых дам, представительниц аристократии, две журналистки, одна из телохранителей императора Лао и… и… твою мать, личный секретарь Луи IX, монсир Гоше, падла, гад, извращенец! Кантор, который питал к таким вещам вполне объяснимую ненависть, едва удержался от немедленного мордобоя и, чтобы успокоиться, поискал глазами Ольгу.

Он давно заметил, что ее присутствие действует на него как умеренная доза фанги. То есть слегка расслабляет, немного веселит и вызывает желание. Почему ей вечно кажется, будто она хуже всех выглядит и все только об этом и думают, глядя на нее? Если все время так думать, сутулиться и кукожиться, то можно и в самом деле показаться хуже, чем ты есть. А ведь она не такая, вернее, такая только на людях. Видели бы ее эти люди в моменты страсти, когда она себя не помнит, тогда они не задавались бы глупыми вопросами, что этот чокнутый мистралиец в ней нашел и есть ли у него вообще глаза…

Вот она, голубушка, опять стоит стесняется. Ну зачем с такой завистью пялиться на Эльвиру, так ведь действительно легко расстроиться и пасть духом. Почему не посмотреть на принцессу Элизабет, например? Сразу бы себя красавицей почувствовала. Неудивительно, что Ольга с королем так легко подружилась, вот уж родственные души. Но король в последнее время, похоже, перестал страдать по поводу своей внешности и напрочь забыл, что такие

переживания вообще когда-либо имели место. Почему бы Ольге не последовать его примеру?

Сегодня она выглядит изумительно – как все-таки много значат для женщины платье, прическа и правильно подобранный макияж… И мужики на нее заглядываются не по-детски, особенно неизбалованные лондрийцы. Жаль, что это официальное мероприятие, а не бал или просто прием, тогда бы они еще и ухаживать начали, – может быть, такое проявление внимания к ее скромной особе пошло бы ей на пользу. С этими высокопоставленными особами разве так себя вести нужно? Тут надо грудь вперед, подбородок вверх и смотреть на всех так, словно они ростом с гномов… ну не на всех, на Элвиса не надо, обидится, а на прочих можно. И тогда уважа-а-ать будут! Ковриками стелиться, в ноги кланяться, каждый взгляд ловить и в рот заглядывать. Познакомить бы ее с мамой, вот у кого ей надо поучиться вести себя в обществе… Только к маме нельзя… Плаксу попросить, что ли, чтоб познакомил?

В это время Ольга, ничего не подозревая о воспитательных рассуждениях своего возлюбленного и не имея даже понятия, что у него вообще есть мама, бродила по залу за Кирой, как ей и полагалось, и действительно чувствовала себя ужасно. Ей казалось, что все обсуждают только ее и говорят о ней непременно какие-нибудь гадости. Ну какой смысл надевать роскошное платье, если оно смотрится на ней ничуть не лучше, чем то, со шнуровкой спереди, которое ее любимый кабальеро заляпал соусом в первый вечер знакомства? И труды несчастного придворного парикмахера, который сам чуть не поседел, сооружая прическу из ее жалких волосенок, были совершенно напрасны. Да и зачем вообще король приволок ее сюда, неужели в этом такая необходимость?.. Вдруг Ольга спохватилась, ведь он же сказал… Вот курица, сказал же, смотреть внимательно по сторонам и докладывать обо всем, что увидит странного, а она ходит не отрывая глаз от пола!

Девушка тут же подняла голову и принялась честно смотреть по сторонам, выискивая что-нибудь странное и попутно размышляя, что является странным в понимании его величества. По ней, тут вообще все странно, хоть она и успела привыкнуть к этому миру и уже многому не удивлялась. Да хоть дракон сейчас войди в зал, вряд ли это будет странно, разве что… вот разве что… ой…

То, что увидела Ольга, обратив свой взор в сторону какого-то старинного батального полотна, чтобы рассмотреть его получше, мгновенно развеяло все ее сомнения о странностях. У стенки под картиной стоял Толик. Само по себе присутствие Толика где бы то ни было, возможно, и не являлось странным, но этот лопоухий полуэльф был одет в мешковатые, пестрые шорты по колено, длинную футболку с надписью по-русски «Восьмой всеславянский рок-марафон памяти Кангрема» и неизменную кепочку «Радио „Прикол“». И НИКТО НА ЭТО НЕ ОБРАЩАЛ ВНИМАНИЯ!

В первую секунду Ольга оторопела. «Если Толик невидимый, то почему не срабатывает та хваленая сигнализация, о которой распинался Флавиус? Не может же быть, чтобы в Лондре этот момент упустили из виду! А если видимый, то почему на него не обращают внимания? Может, опять какая-то марайя, может, он на себя иллюзию нацепил, как тот дракон? А у кого же спросить? – подумала Ольга. Она огляделась по сторонам в поисках мэтра Истрана, но, увидев, как он с прочими придворными магами выходит из зала в боковую дверь, не решилась его догонять. – Королю сказать? А что король в этом понимает? О! Мафей! Вот с ним надо это обговорить – он и разберется, и не получится, будто она Толика ни за что ни про что застучала, а то даже неудобно… Король ведь, наверное, врагов каких-нибудь имел в виду, а Толик – он же свой… Западло же так делать…» – пронеслось в голове у девушки.

Ольга решительно развернулась и направилась к Мафею, который как раз вел оживленную беседу с принцессой Жанной. А пока она шла, прикидывая, под каким предлогом его от этой принцессы оттащить, чтобы та не разобиделась, случилось то, чего Ольга боялась

с того самого момента, когда ступила на полированный черный мрамор тронного зала. Так всегда и бывает – если чего-то очень боишься, то именно это и случается, как только отвлечешься. Когда она пересекала центр зала, где должно было происходить основное действо, правый каблук скользнул по зеркально гладкому мрамору, нога подвернулась и… Ольга в панике замахала руками, пытаясь как-то удержаться на ногах, но смогла ухватиться за какой-то шлейф, который подвернулся ей под руку. Как оказалось, это был ортанский флаг с золотыми орехами на голубом фоне, который до встречи с летающими дамами спокойно висел себе, никого не трогая, на колонне позади кресла для его величества. На чем он там крепился, Ольга рассмотреть не успела, но держался он явно на соплях – веса падающего тела девушки флаг не выдержал, и она все-таки растянулась на полу, попутно увлекая за собой несчастный элемент дизайна. Поскольку сей геральдический символ был длиною метра три, то он накрыл Ольгу с головой, отчего она моментально представила себя гробиком на похоронах, хозяину которого скоро будут отдаваться воинские почести. Следом за флагом рухнул декоративный абажур от светильника и разбился об голову Ольги, за ним последовал светильник, и в придачу ко всему сверху шлепнулся благоухающий можжевельником веночек, символично завершив последним мазком несравненный шедевр, который иначе как «… ец» назвать было невозможно. Во всяком случае, в первую секунду у Ольги других слов не нашлось.

«Ой, стыдобища! – чуть не заплакала она секунду спустя, мгновенно забыв про Толика и в красках представив себе, как все господа в зале в один момент обернулись на грохот и изрядно развлеклись, созерцая ее сползшие чулки и панталоны цвета молодого салата… Если только все это кружевное исподнее не скрыл упавший государственный флаг… – Ну за что мне все это? Чем я провинилась перед богами, что они меня создали такой коровой?»

Ольга спешно одернула платье и, решившись выглянуть из-за помятого символа державы, увидела вокруг себя человек восемь кавалеров с протянутыми руками. «Ни хрена себе воспитание! Даму накрыло флагом, она сорвала со стены светильник, в конце концов просто растянулась на полу – и даже не улыбнулся ни один, на полном серьезе подбегают, предлагая помощь… Впрочем, это же лондрийцы, у них вообще не принято особо демонстрировать свои чувства, может, в душе они со смеху загибаются, но морду держат кирпичом, как и подобает джентльменам…» – пронеслось в голове Ольги.

– Вы не ушиблись, леди? – вежливо, но без малейшего сочувствия вопросил один из господ, пока девушка поднималась. Второй с подобающим поклоном поставил перед ней улетевшую в момент падения туфельку.

– Нет, спасибо… – промямлила Ольга. Это была почти правда – она не ушиблась. Ее ушиб разбившийся абажур. И шишка, наверное, будет. Сейчас шишку не видно под остатками прически, но завтра вылезет во всей красе…

Третий лондриец с некоторой неуместной поспешностью предложил господам проводить даму и пообещал сей же час распорядиться, чтобы флаг, светильник и веночек повесили на место.

– Спасибо, я сама дойду… – Ольга встряхнула ворох ткани, пытаясь отыскать вторую туфельку, и чуть не упала опять. Из голубых с золотом складок вместе с потерянной туфелькой вывалился какой-то странный предмет, который с первого взгляда показался фрагментом капители пострадавшей колонны. Ольга даже успела было ужаснуться своей разрушительной силе, но в следующий момент рассмотрела пластмассовый корпус, явственно различила кнопки, махонькую, тускло светящуюся панельку… и, вмиг позабыв о только что пережитом позоре, заорала на весь зал:

– Ваше величество! Смотрите, что тут есть!..

Процедура прошла гладко, как планировалось, без сучка без задоринки, к величайшему недовольству знатных семейств Ортана. Даже скандала не случилось, жалость-то какая – Дана вела себя исключительно прилично, Кира улыбалась ей вполне дружелюбно, король раскланивался с коллегой Александром как ни в чем не бывало. Только и событий, что Ольга светильник оборвала, так это разве событие? Знаем мы мраморные лондрийские полы, на них каждый раз какая-нибудь дама падает, уже всем надоело. Приятно, конечно, что это именно Ольга, хотя этим тоже никого не удивишь, вот если бы королева упала… Но от королевы такого не дождешься, она же не носит высоких каблучков, с которых прочие дамы падают, а в таких сапогах, как у ее величества, упасть сложно… тем более королеве Кире. Это вам не Ольга – она что кошка, из любого положения на лапы приземлится, с семи лет правильно падать тренировалась… Эх, скучно, господа!

Кантору тоже было скучно. После кратковременного замешательства, вызванного Ольгиным падением и воплем, ничего больше не случилось. Королевские разбирательства были стремительны и малопонятны для непосвященного. Странный предмет, выпавший из сорванного со стены светильника, был немедленно выхвачен его величеством чуть ли не из рук принцессы Элизабет и очень быстро исчез в телепорте вместе с мэтром Истраном. Возражения Элвиса запоздали секунд на восемь и были проигнорированы. Мэтр вернулся через пять минут и кратко сообщил, что предмет невзрывоопасен и неядовит. Король удовлетворенно кивнул и усмирил свое любопытство до окончания церемонии. Кантор догадался, что с находкой сейчас разбирается Жак и что по возвращении его величество получит более подробный и точный отчет о свойствах и предназначении предмета. А вот Элвис со своей сестрицей остались в полном неведении и недоумении. Правда, возмущения по поводу наглости кузена Шеллара Элвис так и не высказал, – наверное, счел неуместным возмущаться до выяснения всех обстоятельств. А то вдруг на кузена покушение готовилось, а его службы просмотрели, то-то срамотища получится, если он при этом еще возмущаться будет…

Ничего такого, что могло бы показаться интересным, Кантор так и не услышал, если не считать некоторого количества помоев, вылитого избранными представителями аристократии на своего короля, на его супругу и ее новую придворную даму. Самого Кантора как-то обошли вниманием – боялись, что ли? Или еще не знали, что о нем веселого сказать? Только поглядывали с любопытством, недоумевая, видимо, как и многие другие, что же он в ней нашел… И вспоминали небось расхожее мнение, что для мистралийцев все блондинки красавицы. «Пошли бы вы на … господа, с вашими рассуждениями. А еще в … и над-под-через-пополам. Что нашел, то и мое», – думал Кантор.

Только одна фраза из всего услышанного, брошенная в сердцах герцогом Гирранди, заставила Кантора насторожиться. «Проверяют, проверяют… на подлинность проверяют, на некромантию, на всякую постороннюю магию… И никто до сих пор не додумался на душевное здравие проверить!» В следующую секунду герцог спохватился, сообразив, что подпал под статью третью, пункт ар, и поспешно огляделся, проверяя, не слышал ли кто. Кантор прикинулся, что не слышал, и чуть ли не впервые согласился с утверждением внутреннего голоса, что стучать, конечно, нехорошо, но это не относится к данному случаю. Это король должен знать обязательно, а то, не ровен час, и в самом деле заварится новая каша. Странно даже, как это до сих пор никто не усомнился в душевном здравии его величества, ведь он всегда отличался нестандартным поведением… Не посмели, так как боялись по старой памяти? Или на комиссию надеялись? Или и в самом деле не додумались?

Стихийных приемов было немного, как бы там мэтр ни расхваливал свою траву, а особого магического эффекта она на Кантора не произвела. Как относятся к своему королю некоторые из знатнейших семейств Ортана, он и так знал. Как бесится господин Крош, видно невооруженным глазом, и эмпатические способности тут тоже совершенно излишни. Принцесса Жанна из кожи вон лезет, чтобы добиться внимания Мафея – что тут особенного, тоже

все на личике написано, не умеет малышка сдерживать эмоции. Вот только непонятно, из-за чего нервничает принц Пафнутий, ему вроде несвойственно так бурно что-либо переживать. Об этом надо будет сказать королю, если к концу мероприятия не будет поздно. Да, еще надо поинтересоваться, из-за чего такая паника обуяла придворного, который обещал повесить на место оборванные Ольгой украшения. И который потом клятвенно заверял Элвиса, что не имеет понятия, что это такое и как оно тут оказалось, но обещает немедленно разобраться. Значит ли этот панический ужас, что придворный действительно в чем-то виноват? Или просто боится попасть под раздачу, когда его повелитель начнет искать виновных? И вообще, почему невысказанный ужас обуял этого странного лондрийца не тогда, когда упал светильник и поднялся шум, а задолго до того? Если быть совсем точным – в тот момент, когда придворный увидел Кантора. Они что, знакомы? Встречались? При каких обстоятельствах? Как бы то ни было, королю надо обо всем рассказать, ему будет интересно. Надо, товарищ Кантор, надо. Понятно, что тебе не хочется еще несколько часов под чутким руководством его величества вспоминать физиономию лондрийца и выяснять, где и когда вы могли видеться, а что делать? Это может быть важно.

Мэтр Истран прокашлялся и начал зачитывать официальный протокол, который семь придворных магов должны были теперь подписать.

– Итак, в ходе обследования, проведенного нижеподписавшимися…

Далее шел список «нижеподписавшихся», способный повергнуть в священный трепет любого жителя этого мира, хоть немного знакомого с историей магии. И кто вообще пустил в это избранное общество мерзавку Джоану?

– …Было убедительно доказано, что обследуемый объект есть действительно король Ортана Шеллар III, что никаким воздействиям темной либо ментальной магии он не подвергался, а также засвидетельствовано его полное телесное и душевное здоровье…

Кантор едва удержался, чтобы не хихикнуть. Да как он мог усомниться в том, что его величество опять поимеет всех злопыхателей? И как ему могло прийти в голову, что королю в этом деле нужны советчики? Ну и каким местом теперь попрет герцог Гирранди против консилиума ведущих магов континента?

Когда официальный документ был зачитан и подписан, со своего места поднялся господин Флавиус и скучным, деловым тоном кратко сообщил, что отныне всякие высказывания, противоречащие вышеупомянутому документу, будут рассматриваться как подрывная деятельность со всеми последствиями. Еще веселее. Умеет же его величество затыкать рты родной аристократии, ничего не скажешь. Сидят господа, обтекают. Ничего, им не привыкать. В прошлый раз точно так же обтекали после свадьбы, когда узнали, что король жив и что не посмертно прославляют его все барды королевства. А в позапрошлый – перед свадьбой, когда узнали, кто невеста, и поняли, что под эту кандидатуру не подкопаешься. А до того… да считать устанешь.

На этом церемония была объявлена завершенной, и высокие гости закопошились, намереваясь встать и расползаться по домам, но Элвис остановил всех, поднявшись с трона и вежливо попросив внимания. Копошение немедленно прекратилось, и все с должным почтением приготовились внимать.

– Господа, – возгласил король Лондры, – прежде чем мы удалимся на заседание, прошу всех выслушать заявление, которое намерен сделать его высочество принц Пафнутий, первый наследник престола Поморья.

Вот почему Пафнутий так нервничал, догадался Кантор. Это заявление планировалось с самого начала, и он ждал, когда дадут слово. Что же он такого задумал? Сорвался с места как кузнечик, такое впечатление, что его высочество стремился поскорее покинуть те три ряда королевской ложи, что были заняты делегацией Поморья… Будто его кто-то остано-

вить пытался! Правда, Лисавета проявила такую сильную тревогу, что Кантор едва с ней справился.

По залу пробежал легкий ропот изумления. Кто бы это не удивился, услышав, что вечно молчащий Пафнутий намеревается говорить, да еще публично и, наверное, несколько больше, чем два слова…

Получилось, конечно, больше, хотя Пафнутий и тут был краток до безобразия.

– Господа, – начал он свое выступление, – я не могу больше молчать о том, что происходит. Поэтому я обращаюсь с официальным заявлением к моему уважаемому отцу, его величеству Зиновию. Отец, вы отлично знаете, что на вашу жизнь готовится покушение, и ничего не предпринимаете, чтобы это предотвратить. Вы также знаете, что в этом намереваются обвинить меня, чтобы посох получила моя сестра, и это также не вызывает никакой реакции с вашей стороны. Что бы ни руководило вами – бессилие, упрямство или, как утверждают злые языки, старческое слабоумие, – я нахожу ваше поведение неумным и опасным. Если вам угодно так безрассудно рисковать своей жизнью, это ваше право, но я отказываюсь играть в эти игры, ибо рискую своим добрым именем. Поэтому я требую здесь, в присутствии Международного Совета и мировой общественности, чтобы вы сегодня же, на предстоящем заседании, передали мне посох. В противном случае я отрекаюсь от права наследования и отправляюсь в добровольное изгнание, как только услышу ваш ответ.

Почтеннейшая публика оторопела от заявления, которое сделал принц Пафнутий, а бедный Кантор потерял дар речи и способность двигаться, задавленный таким количеством чужих эмоций одновременно. Да уж, господа, так желавшие хоть какого-нибудь скандала, должны были остаться довольны, скандал получился что надо. Зиновий орал и лупил посохом по спинкам впереди стоящих кресел, с которых за секунду до первого удара благоразумно шмыгнули в разные стороны с десяток придворных, привычных к выходкам своего короля. Лисавета визжала как недорезанный поросенок и рвалась вцепиться брату в бороду, ее с трудом удерживали оба зятя. Но больше всех Кантора умилил Шеллар III – он наблюдал все это с полнейшим равнодушием, и по его скучающему лицу никто бы не подумал, что он имеет к происходящему какое-то отношение. Правда, как бы его величество ни отмалчивался, все в зале его хорошо знали и ни минуты не сомневались в том, что он приложил руку к скандалу, если только сам же его и не организовал. В частности, разгневанный Зиновий высказал это прямым текстом, на что Шеллар пожал плечами и ответил, что коллега глубоко ошибается. И вообще, если Пафнутий окончил свою речь, то пора начинать заседание, а то у его величества еще дел полно. С ним немедленно согласились Элвис, Александр и император Лао. Королева Агнесса толкнула в бок засыпающего супруга (и когда он успел наклюкаться, ведь пришел еще трезвый, а напитков сегодня не подавали), и все правители дружно направились к выходу. Бедному Зиновию ничего не оставалось, как последовать за ними. Кантор заметил, что личные телохранители Элвиса, которые, как и все прочие, проводили своего государя до выхода, не остались у этого самого выхода ждать, а дружно развернулись и возвратились в зал, окружив кольцом Пафнутия, к которому уже присоединились жена и дети. Остальные, в том числе напарники Кантора, подошли каждый к своему придворному магу, чтобы отправляться домой. После совета всех королей прямо из зала заседаний развозили по домам лично придворные маги, так что дальнейшие услуги охраны здесь не требовались. Кантору очень хотелось прямо сейчас подойти к королю и сказать о перепуганном придворном, но мастер щитов дернула его за рукав, и пришлось следовать за напарниками.

– Зиновий, изволь вести себя прилично в моем доме, – потребовал Элвис, перебивая очередное возмущенное высказывание коллеги, – и прекрати оскорблять Шеллара, поскольку подобное поведение недостойно короля.

Шеллар, ничуть не смущенный и не особо похожий на оскорбленного, развалился в кресле, закинув ногу на ногу, и преспокойно принялся набивать свою неизменную трубку.

– Зиновий, – столь же спокойно изрек он, – ты сам виноват. Чего ты добивался? Чтобы тебя все-таки убили?

– Я знаю, что делаю! – продолжал вопить Зиновий, потрясая посохом. – И никакой сопляк не смеет мне мешать, будь он хоть трижды мой сын! А ты…

– Он тоже знает, что делает, – невозмутимо продолжал Шеллар, не обращая внимания на его вопли. – Он взрослый человек и имеет право на собственное мнение. Если у тебя были какие-то конкретные планы, их надлежало скоординировать с Пафнутием, хотя я сомневаюсь, что они у тебя вообще были и что ты действительно знаешь, что делаешь.

– Свои сомнения засунь себе… – в ярости закричал Зиновий, по привычке замахиваясь посохом. Шеллар не шелохнулся, только поднял глаза от трубки и принялся подробно и занудно, со множеством лингвистических терминов, объяснять значение слова «сомнения» и научно обосновывать, почему эти самые сомнения невозможно засунуть в предложенное место, чем несказанно развеселил Александра и Элвиса. Луи в процессе объяснения задремал и от очередного вопля Зиновия подскочил в таком испуге, будто на него опять напали мистралийские принцы.

– Довольно, господа, – сказал наконец Элвис, которому это безобразие надоело. – Давайте вести себя подобающим образом и не допускать некорректных высказываний в адрес друг друга. Зиновий, сядь, пожалуйста, и перестань кричать, а тебя, Шеллар, я бы попросил прервать свою познавательную лекцию и все-таки перейти к делу. Как первый вопрос повестки дня предлагаю рассмотреть заявление Пафнутия.

– Возражаю, – прорычал Зиновий. – Это наше внутреннее семейное дело, и нечего вам его обсуждать.

– Позволю себе не согласиться, – возразил Шеллар. – С того самого момента как Пафнутий вынес вопрос на публичное обсуждение, это дело перестало быть семейным и стало делом общим. Ты что же, полагаешь, что переворот в Поморье никоим образом не отразится на международной политике?

– Что, в Поморье переворот? – снова пробудился Луи. – А почему мне не доложили?

Нетерпеливый Александр закатил глаза:

– Ну почему было не позвать Агнессу?

– А что, Агнессы здесь нет? – Луи продолжал медленно приходить в чувство. – Так, значит, можно выпить, пока ее нет…

Элвис брезгливо поджал губы, находя неподобающим вслух высказывать то, что подумал, а Шеллар, не обращая внимания на Луи, продолжил:

– Итак, Зиновий, если у тебя были свои соображения по делу, ты можешь их изложить. И если они лучше того, что придумал Пафнутий, мы как-нибудь уговорим его отказаться от своих намерений и оказать тебе всяческую помощь.

Зиновий мрачно засопел, но никаких соображений излагать не стал.

– Пусть убирается на все четыре стороны вместе со своими кошками. Сам разберусь.

– Значит, посох все же получит Лисавета, – констатировал Элвис. – Нежелательный поворот…

– Вот ей! – Зиновий продемонстрировал обществу фигу – поморский эквивалент двух пальцев. – Ничего у нее не выйдет! Не получит она посоха!

– А кто получит? – невинно поинтересовался Шеллар. – Если Пафнутий откажется от права наследования, его сыновья автоматически тоже теряют это право. Ты полагаешь, что бессмертен? Сколько тебе лет, Зиновий? Даже если тебя не вгонит в гроб родная дочь, это сделает либо банальный сердечный приступ, либо еще более банальная старость, и довольно скоро. И тогда формально будет коронован внук Лисаветы, которому два года, а фактически

править будет она. Можешь себе представить, как она развернется, ты ее знаешь куда лучше меня. Конечно, если тебе личные амбиции дороже блага государства…

– Уж кто бы говорил о благе государства! Свадьбу свою вспомни!

– Господа, – снова призвал к порядку Элвис, – не отвлекайтесь от темы. Итак, Зиновий, что ты можешь сообщить с учетом последних высказываний Шеллара? Ты действительно готов оставить страну Лисавете? Ведь Пафнутий не имеет склонности просто так разбрасываться обещаниями, сам ведь знаешь, он человек слова. Обещал, значит, сделает.

– Еще бы, – вполголоса прокомментировал Александр. – Иначе жена из дому выгонит…

Шеллар и Элвис слегка усмехнулись. Супруга Пафнутия, принцесса Глафира, происходила из древнего и знатного рода князей Погуляй-Залесских, родовой девиз которых гласил: «Что князь сказал, то князь сделал». Верность Погуляй-Залесских своему слову, порой доходившая до абсурда, была предметом фамильной гордости, и Глафира неизменно следовала традициям семьи. В частности, история ее отношений с золовкой была широко известна и давно ходила по континенту как анекдот. Примерно на третий день супружеской жизни принцесса Глафира публично заявила: «Еще раз услышу что-то о моем сомнительном девичестве – набью морду». На четвертый день Лисавета вышла к завтраку с фингалом под глазом. Невестка была девица крепкая и размашистая, по семейной традиции Погуляй-Залесских обученная рукопашному бою и стрельбе из лука наравне с братьями. На седьмой день молодая принцесса вновь сделала заявление: «Еще раз на меня рот раскроешь – сломаю что-нибудь». Лисавета опрометчиво раскрыла рот тут же – и потом почти луну ходила с пальцами в лубках. На десятый день злоязыкой золовке было заявлено: «Услышу о себе еще какую-нибудь гадость – убью». С тех пор Лисавета обходила невестку как можно дальше и язык свой благоразумно придерживала. От греха подальше.

– При чем тут Глафира? – возмутился Зиновий. – Пафнутия я сам воспитал человеком слова! Ваши Погуляй-Залесские в подметки не годятся!

– Да не в этом дело, – перебил его Александр. – Ты уж реши что-нибудь, а возмущаться потом будешь.

– Решу, не беспокойтесь, и уж как-нибудь без ваших советов! Сказано – не ваше это дело, и не лезьте! Молоды вы еще советы мне давать! И вообще, если меня уже за короля здесь не считают, заседайте без меня! Больно надо от сопляков оскорбления выслушивать!

Зиновий резко встал, отодвинув пинком кресло, и всерьез вознамерился покинуть зал, но дорогу ему преградил Александр, вскочивший почти одновременно с ним.

– Это кого ты обозвал сопляком? – возмутился король Эгины, привыкший к тому, что он в Совете самый младший – ему только этой зимой исполнилось двадцать три. О том, что теперь младшим является хинский император, Александр постоянно забывал.

– Меня, – невозмутимо вставил Шеллар, любуясь кольцами дыма. – Оставь его, Александр. Пришибешь еще ненароком, а на Пафнутия свалят. Пусть идет, если хочет. Наши придворные маги в зале, они сами организуют переезд Пафнутия.

– Пафнутий никуда не поедет, – жестко бросил Зиновий. – Пока я с ним не поговорю. Наедине.

– Боюсь, что после вашего разговора он вообще никуда не поедет, – криво усмехнулся Элвис.

– А мы завтра узнаем, что во время этого разговора он якобы в гневе проломил тебе голову твоим же посохом, – добавил Шеллар. – Ты разве не понимаешь, что Лисавета со своими друзьями-приятелями переполошились, видя, как их план проваливается? И если вы с Пафнутием явитесь вместе, а потом еще уединитесь для разговора, то дадите злоумышленникам идеальную (и, по их мнению, последнюю) возможность свершить задуманное.

– Не твое дело! У тебя спросить забыли, надо же! – разгневанно прорычал Зиновий, стукнул со злости посохом об пол и покинул зал, невежливо отпихнув Александра и столь же невежливо хлопнув дверью.

– Может, вы зря так на него набросились? – несмело подал голос Факстон, который до сих пор воздерживался от высказываний, так как не вполне понимал, о чем речь.

– Давайте продолжим заседание, – вздохнул Элвис, не отвечая на вопрос. – Зиновия не переделаешь.

– Возможно, – согласился Шеллар. – Однако если Пафнутий согласится вернуться, он сделает большую глупость.

– Не беспокойся, – мрачно сверкнул глазами так и не остывший Александр. – Зиновий попросит его об этом так, что у него не будет возможности согласиться, не теряя лица. Уж дипломатические способности Зиновия ни для кого не являются тайной.

Короли невесело улыбнулись, вспомнив особо выдающиеся проявления упомянутой дипломатии, и перешли к следующему вопросу.

Между тем Кантор, оказавшись в знакомой королевской гостиной, собрался было проводить Ольгу в ее покои, чтобы… ну там раздеться помочь, все такое… сами понимаете, господа, дама расстроена, даме на голову светильник упал, надо же ее как-то утешить… Однако его планы были разрушены самым жестоким образом.

– Его величество велел вам ожидать его здесь, – сообщил придворный маг как само собой разумеющееся и исчез в телепорте, прежде чем Кантор успел что-либо возразить. Ни совести у людей, ни сочувствия!

Ольга бережно подобрала платье и опустилась на ближайший диванчик. Потом, чуть помедлив, сбросила туфельки и забралась на диванчик с ногами. Кантор решительно заткнул противный внутренний голос, который начал нашептывать, что «сюда в ближайшие час-два никто не войдет, а диванчики весьма удобные и мягкие», и тоже присел напротив.

– Что ж, подождем, – вздохнул он. – Надеюсь, его величество не проболтается там до ночи, а то что-то есть хочется. Ольга, тебе не хочется?

– Обедать? – переспросила Ольга, которая уже успела погрузиться в какие-то невеселые думы. – Ой нет, не хочу.

– Расстроилась?

Вопрос, конечно, звучал глупо, так как ответ был написан на лице несчастной девушки все время, что длилась церемония. Но надо же как-то начать разговор, чтобы потом плавно перейти к утешениям… Нет, не тем, которые имел в виду внутренний голос!

– А ты бы не расстроился? Зачем король велел мне туда явиться? Ничего особенного я там все равно не увидела… Разве что Толика, так и тот куда-то делся, пока я падала. Зато опозорилась на весь континент…

– Толика? – Кантор немедленно вспомнил странное хихиканье, которое постоянно слышалось ему непонятно откуда. – А почему я его не видел? Он загримировался под человека?

– Ага, ты что, Толика еще не раскусил? Он принципиально одевается так, как ему хочется. Скорее всего, он был невидимым. Иначе представь, что бы началось в зале, если бы народ увидел оливкового эльфа в шортах и кепочке!

– Невидимый? Он и это может? Он же природник и не должен быть таким грандом в стихиях, да еще в его возрасте. Сигнализацию ставила сама мэтресса Морриган, а чтобы сигнализация не сработала… это я даже не знаю, кто должен быть автором Толиковой невидимости.

– Может, он на самом деле старше? А прикидывается начинающим, чтоб не заподозрили?

– Нет, он, может быть, самую малость старше короля, но не более. Во всяком случае, ему точно нет сорока.

– Тогда не знаю. – Ольга вздохнула и жалобно подняла бровки, смешно оттопырив нижнюю губу. – Но не привиделся же он мне! Я хотела об этом Мафея спросить, но не дошла…

– Думаешь, Мафей его видел? В зале было полно магов покруче Мафея, и никто, кроме тебя, ничего не заметил. А ты королю не сказала?

– Нет. Я как представила себе, что будет, когда я скажу, что видела эльфа в шортах… Не хватало, чтоб король решил, будто мне этой лампочкой последние мозги отшибло!

– Король бы так не подумал! – горячо возразил мистралиец, умолчав о том, что король был бы единственным «неподумавшим». – Во всяком случае, сначала бы разобрался. Скажи лучше, что ты постеснялась заложить Толика, это больше похоже на правду.

– А что, по-твоему, надо было? Тем более он все равно пропал.

– Знаешь что, – решил Кантор, вполне понимая ее сомнения, – давай найдем Мафея и потребуем от него подробных объяснений. Мне кажется, он что-то знал. Может, сам этого Толика и притащил туда. Откуда у полуэльфа ориентиры, если он в Лондре не был?

– А как мы его найдем? Нам же нельзя отсюда уходить, мы должны короля ждать.

Кантор рассмеялся. Ну до чего эта девочка наивна в некоторых вопросах! Наверное, есть доля истины в утверждении Гаэтано, что плебейское происхождение никаким образованием не исправить…

– Запросто, – заверил он. После чего поднялся с дивана, выглянул в коридор и приказал первому же пробегавшему мимо слуге немедленно пригласить в гостиную принца Мафея. И как можно скорее, если он не хочет разгневать его величество.

– Теперь они его из-под земли достанут, – удовлетворенно объяснил Кантор, присаживаясь на прежнее место. – Я уже заметил, при дворе Шеллара III слуги приучены выполнять приказания быстро и четко, поскольку с бестолковыми и ленивыми его величество не церемонится. Кстати, прими это к сведению, если он тебе что-нибудь приказывает. Велено докладывать – докладывай и не вдавайся в долгие размышления: а правильно ли я поступаю, а не случится ли чего, а нравственно ли это все… Король тебя, конечно, не выгонит, даже если будет очень недоволен, но его уважение ты потеряешь раз и навсегда.

– Блин… – горестно вздохнула Ольга. – А как же я теперь ему объясню, почему я сразу не доложила?

Кантор минутку подумал.

– Во-первых, не поверила своим глазам, во-вторых, сильно ушиблась, и, в-третьих, когда начался весь этот бардак со светильником, Толик пропал. Заодно расскажешь его величеству, как ты испугалась, что над тобой смеяться будут. Вот-вот, кстати, прежде чем рассказать, раза три предупреди, что ты не чокнутая, и потребуй обещания не смеяться. А потом будто бы началась церемония, король ушел и занялся делом, а кому, кроме него, доложить, ты не додумалась. Вот и промолчала, боясь доложить не тому, кому надо. Или скажи, что забыла.

– Думаешь, король купится?

– Почему нет? Упасть на ровном месте, что-то забыть, растеряться – это вполне в твоем стиле, он и не удивится. К тому же бардам такие вещи простительны. И не расстраивайся ты так, ну подумаешь, упала! Эти полы в тронном зале Элвиса весь континент матом кроет, знаешь, сколько дам на них ноги поломало! У тебя голова не болит? Не тошнит?

– Да нет, – вздохнула Ольга. – Меня уже спрашивали и кто-то из магов осматривал. Сотрясения нет, только шишка.

– Покажи свою шишку… Полечить, наверное, не получится, что-то Сила опять на дно легла… Ну дай хоть поцелую…

Мафей появился телепортом минут через пять. По его перепуганному лицу было видно, что он опасается рассердить кузена не меньше, чем слуги и придворные. Оглядевшись по сторонам и обнаружив, что короля в гостиной нет, он с недоумением спросил:

– А что, Шеллара здесь нет? Почему мне сказали, что он рассердится, если я не потороплюсь?

– Это он не на тебя рассердится, – пояснил Кантор, – а на слугу, которого за тобой послали.

– Так он здесь был?

– Нет.

– А кто за мной послал?

– Я.

– Так ты обманул?..– попытался негодовать Мафей, но Кантор тут же перебил его на полуслове:

– Вовсе не обманул. Король действительно рассердился бы.

– Но ведь он даже не знал, что ты кого-то за мной посылал!

– Так я бы ему сказал. Присаживайся, дело есть.

– Диего, а можно потом? – с надеждой попросил Мафей, аж притопывая на месте от нетерпения, так ему хотелось поскорее смыться.

– Потом придет король, и будет поздно. А куда ты так торопишься? Если у тебя в комнате сидит Толик и ждет тебя для какой-то совместной шалости, зови его сюда. И вместе объясните, что этот бесстыжий извращенец делал на церемонии. И почему его никто, кроме Ольги, не видел. Даже сигнализация.

Принц понурился и послушно опустился на краешек кресла.

– Нет у меня Толика, – объяснил он. – Толик с дедушкой и дядей в Белокамне. Я просто боюсь, что он придет и меня не застанет, а хочется же узнать, чем все кончится. Беспокоюсь я за дядю…

– Если твой дядя вместе с дедушкой вернулись в свой замок, – терпеливо разъяснил Кантор, – значит, все в порядке, дедушка согласился.

– В том-то и дело, что нет! Они отправились, чтобы поговорить наедине, а тетя и кузены остались. Значит, дядя с дедушкой будут еще договариваться, и никто не знает, до чего они договорятся! С ними ушел Силантий, Толик тоже увязался за ним, а что было дальше, я не знаю. Мэтр отправил меня домой. Сам с мэтрессой Морриган бегом к ближайшему зеркалу метнулся, а меня – домой… разве так честно?

– В таком случае, – решительно заявил Кантор, – ты будешь сидеть здесь и отсюда ни шагу. А то я тебя знаю – минут пять побеспокоишься, и тебя тут же потянет на эксперименты с зеркалами.

Юный эльф мгновенно покраснел, ясно свидетельствуя, что упомянутые эксперименты уже начал, именно от них его оторвали и именно к ним он с таким нетерпением стремился вернуться.

– Я вижу, – заметил Кантор, – тебе понравилось быть цыпленком. Садись и даже не думай удрать. Рассказывай.

– А что я могу рассказать? – жалобно заныл принц. – Я ведь Толика не видел, как и все. Силантий меня предупредил, что в зале будет Толик, и сам Толик тоже предупредил, чтобы я его ненароком не выдал.

– А как ты мог его ненароком выдать, если ты его даже не видел?

– Все думали, что начнется какая-нибудь заварушка и Толику придется действовать. Чтобы я не помешал или не закричал вслух чего-нибудь лишнего, меня предупредили. Заварушки не случилось, но Толика увидела Ольга…

– А что он там делал? Зачем твоему дяде и мэтру Силантию понадобился Толик?

– Ты же видел, что там было. Дядя боялся каких-нибудь непредвиденных осложнений и попросил Толика его подстраховать. Тайком, чтобы никто не знал…

– А почему на Толика сигнализация не сработала?

– Значит, у него невидимость выше по уровню, чем сигнализация.

– Ты понимаешь, что говоришь? Сигнализацию ставила мэтресса Морриган! Кто должен был в таком случае наложить невидимость на твоего Толика? Сам Светлый Эстелиад?

– Откуда я знаю? Вот у Толика и спросишь. Мало ли у эльфов могущественных магов! Чего вы пристали!

– Это мы пристали? Я посмотрю, как ты все это королю будешь объяснять!

– Как? – ужаснулся Мафей. – Вы скажете Шеллару? А как же…

– Что – как же? Ольга скажет, что видела Толика. Ты что, хочешь, чтобы она обманула его величество? Тебе, может, оно и не впервой любимому кузену фиалки за уши совать, а Ольга даже мысли допустить не может, чтобы лгать королю. Тем более ты сам должен знать, как сложно его обмануть. И чего этот лопоухий Толик так тщательно прячется от его величества? Все равно король о нем знает. А рано или поздно и лично познакомится. Если вы так уж решительно намерены были приятеля спрятать, неужели нельзя было как-то учесть, что Ольга его все равно увидит? Вы же все знаете, что Ольга видит невидимое.

– Мы с Толиком не думали, что она его увидит. Я же говорил, заклинание было запредельного уровня!

– Маги недоученные! – возмутился Кантор. – Сами не знаете, так у наставника бы спросили, что такое абсолютный иммунитет к определенному виду магии!

– Мы с Силантием советовались…

– Нашел с кем советоваться! С Силантием из школы Змеиного Глаза, который о стихиях знает только необходимый минимум второстепенного курса! У мэтра Истрана надо было спросить! Или у того суперкрутого эльфа! И что теперь делать будем?

– Я не знаю…

– Невероятно полезный совет! – съязвил Кантор. – А ничего более конструктивного тебе в голову не приходит?

Мафей подумал и выдал «более конструктивный» вариант:

– Я у мэтра Истрана спрошу…

Кантор только плюнул в сердцах.

Глава 2

У нас с отцом никогда не было особенно близких отношений.
Р. Желязны

Король Поморья и его старший сын молча сидели за тяжелым дубовым столом в королевском кабинете и выжидающе смотрели друг другу в глаза. Между ними важно расхаживал крупный черный ворон с золотыми колечками на лапках и что-то пристально высматривал на поверхности стола, то одним глазом, то другим, смешно склоняя голову набок.

– Будет в гляделки-то играть, – сказал наконец Зиновий, понимая, что безмолвный отпрыск вряд ли заговорит первым. – Набрался смелости перечить отцу, так иди до конца. Нечего отмалчиваться.

Пафнутий пожал плечами:

– Я все сказал. И по-прежнему жду ответа.

– Он все сказал! – передразнил наследника его величество. – Строптивый мальчишка! Выдрать бы тебя как следует, чтоб не лез куда не просят! Чего молчишь, я что, сам с собой разговариваю?

– Если вы хотели только высказать свое недовольство, – неохотно отозвался наследник, – то я ухожу. Я и так знаю, что вы недовольны.

Зиновий погладил птицу и вдруг хитро усмехнулся. Черные глазки-бусинки под седыми бровями слегка прищурились, отчего его величество стал похож на шкодливую мышь, вплотную подобравшуюся к сыру.

– Дерзишь, Пафнутий. Раньше ты себе такого не позволял.

– Надоело, – кратко объяснил Панфутий.

– Лучше бы тебе молчать надоело! Опозорил отца перед всем миром, а теперь молчит! То ли отвага кончилась, то ли без Шеллара не сообразишь, что сказать!

– Мне нечего сказать. Извиняться не стану. Слов обратно не возьму. Добавить к сказанному ничего не желаю. Все.

– Не желаешь, вот как. Что ж, упрям ты был всегда. А вот смелости тебе недостает. Вон даже сейчас в меч вцепился – боишься, значит. И какой из тебя, такого труса, король?

– Вы полагаете, нам здесь нечего опасаться? Я все больше сомневаюсь в вашем душевном здравии.

– А есть чего?

– Вы сами не догадываетесь, что будет, если мы не уйдем?

– Хочешь опять отца дураком выставить? Я не догадываюсь, я знаю. Придут меня убивать. Этого ты боишься?

– А не надо?

– Так меня же убивать придут, не тебя, – откровенно насмехаясь, хихикнул Зиновий. – Сядь, поганец, нечего тут обиженную физиономию делать. Ты меня сегодня тоже обидел, так что терпи теперь. И послушай, сын мой, что я скажу. Никогда не задумывался, почему в свои сорок лет ты до сих пор не король? Молчишь, понятное дело, я по глазам должен догадываться, о чем думает мой сын. К собственным дурацким привычкам уважения больше, чем к родному отцу. Так вот, ты думаешь, что я жаден до власти и не желаю ее никому уступать, пока жив. А когда я говорю, что мой сын не готов принять посох, ты в это не веришь и считаешь, что я просто оправдываю свою жадность. А на самом деле, Пафнутий, ты действительно не готов. Ты трус и всегда был трусом… И не смотри на меня так. Ты ни разу не попытался изменить мое мнение о тебе. Ты уходишь в сторону при любом конфликте, ты даже мнение свое всегда держишь при себе. Отмолчаться, уклониться, отступить – вот твоя

жизнь. Ни разу ты не принял бой, ни разу даже попытки не сделал отстоять свою правоту, хотя чаще бывал прав, чем наоборот.

– Доказывать что-то тебе? – с отвращением поморщился Пафнутий. – Или Лисавете? Это не страшно. Это противно.

– Ну-ну, дальше? Всего полчаса назад ты был разговорчивее. Мне даже показалось, что его высочество наконец набрался смелости и сможет доказать, что достоин посоха, а ты опять молчишь.

– Я буду вести себя так, как считаю нужным, – резко бросил принц и встал, спугнув ворона. – По-твоему, мужество состоит в том, чтобы по любому поводу закатывать скандалы и истерики? Тогда отдай посох Лисавете, и прощай. Уж она точно его достойна.

– Сядь! – прикрикнул король. Пафнутий продолжал стоять. – Сядь, кому говорю!

Наследник, по-прежнему молча, отошел к окну и демонстративно отвернулся.

– Вот так всегда! – со вздохом развел руками Зиновий. – Ты можешь послушаться или не послушаться, но в любом случае ни слова возражения. Тютя ты, Пафнутий, что тебе еще сказать. А еще в короли метишь. Сядь.

– Слова пусты, – упрямо ответил Пафнутий, не оборачиваясь. – А доказывать очевидное глупо. Особенно когда тебя не слышат.

Зиновий снова вздохнул, посмотрел на птицу и хлопнул себя по плечу:

– Иди сюда, Берендей. Хоть ты меня понимаешь, раз уж с детьми так не повезло. Птица и кошка никогда не договорятся, как ни пытайся. Одно утешение – когда-нибудь и мы посмеемся, наблюдая, как кошка пытается договориться с собакой и не сможет понять, отчего разговор не ладится…

Старый король, кряхтя, выбрался из кресла, положил посох поперек стола и подошел к окну, у которого продолжал стоять его строптивый сын.

– Вот что я тебе скажу, Пафнутий, – проворчал он, распахивая створки. – Коли ты хоть раз в жизни набрался смелости мне возражать, может, еще не все потеряно. Вот тебе последняя возможность доказать, что ты не трус. Сможешь проявить себя – отдам посох. Может, как-нибудь управишься с этой сворой бездельников – нашими придворными. Солнце их знает, может, это и молча как-то можно уладить… Вот он, посох, на столе, можешь взять себе, если сумеешь управиться хотя бы с теми, кто сейчас сюда придет. Сам заварил кашу, сам и расхлебывай. А я пойду прогуляюсь, давно мы с Берендеем ворон не гоняли…

И, подобрав свой долгополый кафтан, Зиновий принялся перелезать через подоконник.

– Отец, – негромко окликнул его Пафнутий.

– Что тебе еще?

– Тридцать локтей до земли.

– Твое это дело сопливое, сколько до земли? Жену свою учить будешь! Я сорок лет в это окно на прогулку хожу! – сварливо отозвался Зиновий и, заметив в глазах сына невысказанное изумление, снисходительно усмехнулся. – А ты что, дурень, думал, ты один такой? Вся семья у нас такая. В каждом поколении кто-то один. Ты к Кондратьевым байстрюкам присмотрись, как подрастут, мало ли…

Пафнутий улыбнулся и задумчиво погладил меч.

– Опять боишься? – насмешливо поинтересовался отец.

– Думаю, – отрицательно качнул головой Пафнутий.

– О чем?

– Оружием или так?

– А какая разница?

– Ты прав. Если дойдет до драки, все равно всех придется убить.

Зиновий одобрительно кивнул, посмотрел на солнце и, раскинув руки, похожие на крылья из-за широких свисающих рукавов, шагнул с подоконника. Пафнутий снова улыбнулся

и посмотрел в окно. Два ворона взмыли над деревьями старого парка и куда-то полетели, – видимо, гонять ворон, как и было обещано.

– Ты что, правда не знал? – раздался где-то рядом знакомый насмешливый голос.

Пафнутий отрицательно покачал головой и сел за стол, положив меч на колени.

– А твои дети знают?

Пафнутий покачал головой повторно и задал встречный вопрос:

– Ты откуда знаешь?

– Да я такие вещи просто вижу. Но твой старик меня приколол.

– Чем?

– Рассуждениями про птицу, кошку и собаку. А чего он тебя дразнил насчет меча? Ты правда, когда боишься, за меч хватаешься?

– Да.

– Почему?

– Чтобы остаться человеком. Страх – провоцирует. Оружие – сдерживает.

– А по желанию ты не можешь?

– Нет. Помолчи.

– Постараюсь, – хихикнул голос. – Тебе помочь или сам справишься?

Пафнутий молча пожал плечами.

– Твоя разговорчивость меня умиляет. Ладно, молчу, молчу.

Ждать пришлось недолго. Всего через несколько минут послышались шаги в коридоре, затем дверь быстро и почти бесшумно открылась, впустив в кабинет четырех человек. Еще некоторое количество осталось за дверью, – видимо, капитан Полянский привел с собой и подчиненных. Вошедшие выглядели деловито и сосредоточенно, хотя старший зять и младший сват Лисаветы держались слегка неестественно. Буквально через секунду их деловитость куда-то исчезла, и они растерянно остановились, не зная, что делать дальше. Капитан, с откровенным недоумением оглядев комнату, пожал плечами:

– Простите, ваше высочество, но, как мне кажется, вы изволите ошибаться. Его величества здесь нет, следовательно, вряд ли ему что-то угрожает. Я полагаю, нам надлежит извиниться за недоразумение и удалиться.

Пафнутий одарил гостей вопросительным взором, как бы интересуясь, в чем, собственно, дело.

– Где король? – опомнился князь Горайский, старший зять Лисаветы.

– Вернулся в Лондру, – последовал закономерный ответ. – Извольте выйти вон, господа, это королевский кабинет, а не кабак.

– Сию минуту, – поклонился капитан. – Прошу нас извинить, видимо, произошла какая-то ошибка.

Младший сват, князь Поземский, откровенно замялся, и Горайский втихомолку ткнул его локтем, указывая взглядом на дверь. Мужчины поклонились, желая выказать извинения и уйти, но тут раскрыла рот принцесса Лисавета. Видимо, до нее не дошло, что соратники избрали лучший выход из положения.

– Я уверена, – предположила она, – он его уже убил и выбросил в окно.

– Если он выбросил его в окно, – терпеливо пояснил капитан, взглядом давая понять принцу, как его достала эта навязчивая дура со своими идиотскими подозрениями, – то его величество, несомненно, должен лежать внизу. Мы сей же час спустимся и проверим, не лежит ли он и в самом деле там. Пойдемте же, господа.

– А если он спрятал тело где-то в другом месте? Если они сговорились с придворным магом, разве вы не знаете, что это за разбойник? Убили, а тело телепортом унесли! Драконам скормили! Если мы его не найдем теперь, то не найдем никогда…

– Матушка Лисавета, – вмешался зять, видя, что целеустремленная теща вот-вот подведет всех под большущие неприятности, – если вы сомневаетесь в словах уважаемого дядюшки, то самым лучшим выходом будет их проверить, не совершая опрометчивых глупостей. Сейчас мы все вместе покинем это помещение и все проверим. Или вам хочется, чтобы его величество над нами потом смеялся?

– А то и заподозрил в чем… – добавил сват, нервно оглядываясь. – Только сегодня его высочество высказывал предположения, будто супротив его величества злоумышляют. А если его величество в гневе, как это с ним бывает, то не поверит, что мы о нем беспокоились, а решит, будто мы и есть злоумышленники.

– Значит, мы пойдем выяснять, – закипятилась Лисавета, – а братец тем временем удерет?

– Я оставлю своих людей под дверью, – пообещал капитан. Похоже, он готов был и голову оставить, лишь бы отвязаться от ее высочества.

Пафнутий молчал. Действительно, господа, зачем тратить лишние слова, если разговор превосходно ведется и без вашего участия?

– А если телепортом удерет? – не унималась принцесса, не желая признать поражение и отступить, пока еще не поздно. – Я же говорила, они с придворным магом…

Свою глубокую мысль она не закончила, так как на стол неизвестно откуда запрыгнула огромная лягушка размером с доброго кота. Видимо, Толик заскучал в своем углу. Лисавета, которая до смерти боялась лягушек, истошно завизжала и бросилась вон из комнаты, к величайшему облегчению соратников.

– Извините, мэтр Силантий, – куда-то в пространство покаялся зять, уверенный, что автором лягушки является не кто иной, как придворный маг, – матушка в последнее время что-то не в себе…

– У нее, похоже, климакс тяжело протекает, – проворчал капитан и на всякий случай еще раз поклонился. – Теперь надо мной весь полк смеяться будет, еще и прозвище какое-нибудь развеселое придумают… Господа гусары на такие вещи мастера…

Пафнутий молча усмехнулся вслед удаляющимся господам и отпустил рукоять меча, за которую все это время держался под столом.

– Получается, я тебе и не понадобился. – Послышался тихий смешок из дальнего угла.

– Лягушка – это шедевр, – сообщил Панфутий вместо ответа.

– А что, догонять мы их не будем?

– Зачем?

– А старик твой не заругается, что ты их отпустил?

Пафнутий в который раз пожал плечами, давая понять, что мнение отца по поводу происшедшего его мало волнует. Затем подошел к окну, полюбовался видом зеленеющего парка и задумался, как же теперь вернуть драгоценного родителя с прогулки.

Как и предполагал Кантор, его величество где-то пропадал до самого ужина, а они с Ольгой все это время просидели в гостиной. Хорошо хоть, приходила Кира и пригласила их пообедать, а то бы еще и голодными остались. А его величество, разумеется, о такой мелочи, как обед, и не вспомнил. Обед… фи, какие низменные вопросы! У его величества тут дела государственной важности, не до обедов его величеству!

Почувствовать его состояние Кантор не смог из-за амулета, который Шеллар III никогда не снимал, но на глаз определил, что короля, во-первых, достали до самых печенок, во-вторых, он все же удовлетворен результатом и, в-третьих, ему не терпится что-то спросить. Никаких намеков на обед, не говоря уже об ужине. Кантор не удержался от маленькой пакости и с живейшим участием поинтересовался, обедал ли его величество.

Король отмахнулся от глупого вопроса, с размаху плюхнулся в кресло и первым делом добыл из карманов трубку, табак и спички.

– Я надеюсь, что Кира вас покормила, – сказал он и вытряхнул из кисета последние остатки табака.

– Конечно, – тут же заверила его Ольга. – Мы обедали, не беспокойтесь.

– Я так и предполагал, – удовлетворенно кивнул король, который, похоже, и не собирался беспокоиться.

– А вы случайно не предполагали вернуться раньше? – опять не удержался раздосадованный Кантор.

– Разумеется, предполагал. Я же не думал, что Зиновий такое безобразие устроит…

– Какое? – тут же полюбопытствовал Кантор, которому было интересно, чем завершился ультиматум Пафнутия.

– Да как обычно, ты что, Зиновия не знаешь? Он все-таки согласился на отставку, но перед этим попортил крови всем, кто оказался поблизости. Пафнутия посохом огрел, мне рассказал, кто я есть на самом деле… остальным тоже досталось. Император Лао был шокирован и теперь, наверное, думает, что поморцы – дикие, некультурные варвары. Но ты меня отвлек, погоди немного. Где этот Жак, вечно он опаздывает! Пока его нет, докладывай.

Кантор честно доложил все, что счел достойным внимания. Его величество, как и ожидалось, заинтересовался личностью перепуганного лондрийского придворного и доставал бы Кантора своими уточняющими вопросами еще часа два, но это издевательство прервал Жак, появившийся телепортом в сопровождении одного из младших придворных магов.

– Вызывали, ваше величество? Приветствую всех.

– Садись. – Король кивком указал на ближайшее кресло. Маг немедленно удалился, а его величество продолжил, одарив своего шута укоризненным взглядом: – Почему так долго?

– Я спал, – пояснил Жак. – Мне надо было встать, умыться, одеться…

– Похмелиться, – добавил король.

– Неправда, что вы из меня алкаша делаете. Я просто спал.

– Днем?

– Ну и что, если мне хотелось.

– То есть, получив от своего короля важное и срочное задание, ты, вместо того чтобы заняться порученным тебе делом, завалился спать?

– Да нет, – засмеялся Жак. – На самом деле ваше суперважное поручение тянет минут на пять, а вы его позабыли на полдня. Вот я и решил поспать, пока вы о нем не вспомните.

– Так ты разобрался? – Его величество заинтересованно потянулся к тому самому предмету, который так ловко и нахально умыкнул из-под носа принцессы Элизабет.

– А что тут разбираться, обычный голопроектор, притом дешевый и маломощный. Еще могу сказать точно – эти штуки не взрываются и никакой другой опасности для человека не представляют. А где вы его взяли? Опять Мафей взялся за старое? Я уж думал, он повзрослел наконец и здоровый регулярный секс отвратит его от детских глупостей…

– Я хотел бы, – прервал его рассуждения король, – чтобы ты объяснил мне, что это такое и для чего предназначено. Тебе разве не рассказали о происхождении этого предмета?

– Нет, а что?

– Он был помещен над моей головой. И если он, как ты уверяешь, неопасен, то мне хотелось бы знать, для чего в таком случае этот… голопроектор был вставлен в абажур вместо осветительного шара. Не случайно же он там оказался. Итак, для чего предназначены подобные вещи?

– Да ни для чего… – Жак слегка растерялся. – Для развлечения. Создавать объемные изображения…

– Это вроде как видик? – заинтересовалась Ольга. – Кино показывать?

– Кино? Да нет, кино плоское, а это объемное… Ну ты что, не знаешь, что такое голопроектор? Их еще не было в ваше время?

– Не было.

– А кино-то хоть цветное было?

– Было.

– Жак, – перебил король, – последний вопрос является уже праздным любопытством. Давай о деле. Итак, этот механизм предназначен для создания объемных изображений? Где именно должно находиться изображение?

– Ну откуда я знаю где… Как его настроить…

– В данном случае как он настроен? Можем ли мы посмотреть его в действии?

– Ну вы любопытный, ваше величество! Так вам интересно, что на кубике записано? А вдруг там порнуха, а вы ее при Ольге посмотрите? Потом краснеть будете…

– Жак, перестань паясничать! Это серьезно! К твоему сведению, я уже понял, какого рода изображение мы сейчас увидим, и могу поспорить, это будет вовсе не то, что ты предположил. Но все же хотелось бы убедиться.

Жак вздохнул.

– На какой высоте эта фигня висела?

– Немного выше моего роста. А это имеет значение?

– Имеет. Значит, надо примерно… Кантор, а залезь-ка на стол и подними эту штучку…

– Не надо, – перебил король. – Или уронит, или в дырку провалится. Я сам подержу, к тому же мне для этого нет необходимости топтаться ногами по уникальной мебели.

– Ну держите. – Жак протянул его величеству голопроектор. – Поднимите над головой и нажмите вот эту кнопочку… Нет, не так, это будет вверх ногами! Блестящей стороной от себя поверните.

– Ах, извини. Ты сказал, эту кнопочку?

В нескольких локтях от короля воздух стал уплотняться, образуя не то дым, не то туман красновато-коричневого цвета. Кантору даже показалось, что эта странная дымка светится. А спустя миг в сумрачной подсветке выпрямилась зловещая черная фигура. Рогатый демон с багровыми глазами и несуразно огромными клыками, одетый в столь же несуразные доспехи и черный плащ. Призрак протянул когтистую руку, указывая корявым пальцем точно на его величество, и проревел загробным голосом:

– Его душа принадлежит мне!

– Это моя, что ли? – прокомментировал король, не высказав никаких протестов по поводу услышанного. – Ясно. Так я и думал. Как его выключить? Жак, прекрати идиотский смех! Или же изволь объяснить, что смешного ты узрел в этой отвратительной провокации!

Жак хохотал. Он заливался смехом, задыхался, тихо повизгивал и хлопал себя по коленкам от полноты чувств. Вот и пойми их, этих переселенцев… Кантор никогда не считал себя трусом и на самом деле таковым не являлся, но при виде этого демона едва удержался, чтобы не начать палить в него прямо в королевской гостиной. Если честно, удержало его лишь отсутствие аналогичной реакции со стороны остальных присутствующих. В бесстрашии короля и Ольги Кантор не сомневался, но то, что всеми признанный трус Жак не испугался ни капельки, а чуть не помер со смеху, ввергло отважного стрелка в некоторую растерянность.

– Хватит ржать, – с упреком заметила Ольга. – Лучше бы объяснил, чтоб и люди посмеялись.

– Это же Панмурин, – простонал Жак, утирая слезы. – Дурацкий персонаж из компьютерной игры… Какой идиот додумался… ой нет, господа, я помру сейчас…

– Жак, – мрачно заметил король, аккуратно возлагая на стол несостоявшуюся провокацию, – а теперь представь себе, что эта образина возникла посреди зала на глазах всех присутствующих как раз в тот момент, когда Морриган пыталась доказать, что на мне нет темного колдовства. Представь – и тебе сразу станет не смешно. Кажется, я должен выразить свою сердечную благодарность нашей верной и бесценной подданной, которая умеет так замечательно и полезно падать на ровном месте.

– Вот видишь, – хихикнул Жак, – ты опять спасла королевство. Тебе еще одну почетную грамоту дадут. С портретом короля. И как это ты так здорово упала?

– Отвяжись, – мигом помрачнела Ольга. – Мало того что меня придворные дамы засмеют, так и ты туда же!

– Не посмеют! – заверил ее Жак. – Побоятся! А если окажется, что ты опять спасла королевство, они вообще себе последние волосенки вырвут от огорчения. Кстати, тут народ делает ставки, как скоро королева застукает тебя в постели с королем, – не желаешь сделать выгодный вклад? На «никогда» ставят мало, у тебя есть шанс выиграть кучу денег.

– Жак, у меня нет времени на твои похабные шуточки, – оборвал его король. – Я не дослушал доклад Кантора, поэтому посидите с Ольгой здесь и подождите.

– Потом вы послушаете доклад Ольги, – продолжил за него Жак. – А ближе к ночи дойдет очередь и до меня. Может, я лучше пойду досплю?

– А я буду еще час ждать, пока ты умоешься? Нет уж, сиди и жди. Я тут король или хрен собачий, что ты вечно пытаешься оспорить мои приказы?

Жак немедленно заткнулся. А Кантор покорно поплелся в кабинет, мысленно вопрошая небо, за что ж ему все это. Неужели злодейке судьбе показалось, что он чего-то недополучил от любознательных голдианцев?

Как он и ожидал, король вцепился в загадочную персону перепуганного лондрийца и первым делом выдавил из Кантора подробное описание объекта и список действий, в коих объект был замечен. Как оказалось, все это лишь ради установления личности загадочного труса – как только Кантор упомянул, что этот самый придворный обещал своему королю разобраться самолично, Шеллар III возрадовался и объявил, что господина этого знает. Кипучая деятельность его величества тут же изменила направление – Кантор был на пять минут забыт, зато из приемной был призван Жак. За пять минут король быстро начертал коротенькое письмецо, одновременно излагая Жаку инструкции: распинать дежурного телепортиста, немедленно мчаться в Лондру и лично кузену Элвису сие послание вручить. После чего дождаться ответа и немедленно тащить домой и сам ответ, и все, что Элвис изволит к нему приложить, включая лично лорда Сильверстоуна. Это, как добавил его величество, запечатывая конверт, дабы Жаку королевская служба не казалась скучной. И чтобы Жак расстался с иллюзиями, будто работа – это место, где спят.

Затем Шеллар снова взялся за Кантора.

Последующие часа полтора прошли в тщетных попытках доказать упрямому королю, что лорда Сильверстоуна он не встречал ни в этой жизни, ни в прошлой, и вообще впервые слышит это имя. Также Кантор тщетно надеялся, на то, что сейчас Жак приведет этого придурка и король расспросит его самого, чем его так напугал товарищ Кантор.

Жак вернулся один. Молча, чтобы не раздражать короля лишний раз и не нарываться на дополнительный кусок работы, протянул ответ Элвиса и тихонько присел рядом с Кантором.

Быстро пробежав глазами ответ, его величество бросил письмо на стол и в сотый раз повторил свой вопрос:

– Кантор, напряги память получше, это очень важно. Где ты мог видеть этого господина? Не можешь вспомнить, где видел, попробуй вспомнить голос. Повторяю, это не просто важно, это жизненно важно.

Кантор в ужасе от мысли, что сейчас весь процесс пойдет по второму кругу, возмущенно воскликнул:

– Да почему вы решили, что я непременно должен его знать? Может, он где-то обо мне слышал! А может, он вообще ошибся, может, я только похож на кого-то, кого он знал! Может, ему вообще все мистралийцы на одно лицо!

Король замер, не донеся трубку до рта, и на его лице промелькнула тень озарения. Жестом приказав всем молчать, он нашарил на столе письмо лондрийского кузена и еще раз пробежал глазами. Медленно отложил трубку и застыл, уставившись отсутствующим взглядом куда-то поверх шкафа. Жак и Кантор переглянулись, но сказать что-то не вовремя и сбить короля с мысли поостереглись – а вдруг мысль окажется особо ценная…

Судя по тому с какой скоростью Шеллар III сорвался с места, ему действительно пришло в голову что-то выдающееся. И эта замечательная мысль, похоже, не сулила ничего хорошего загадочным врагам его величества. Кантор хорошо помнил, что означает внезапный ледяной блеск в глазах короля и жесткая, безжалостная решимость в его голосе.

– Кантор, до моего возвращения вы с Ольгой свободны, сидите у нее и вместе ждите, чтобы я потом не искал вас по всему дворцу, – приказал король таким тоном, будто и в самом деле намеревался лично бегать по дворцу в поисках Кантора. – Жак, немедленно найди мэтра Истрана и срочно зови сюда. Очень быстро. Ты едешь со мной.

– Куда? – поинтересовался Кантор, провожая взглядом шута, который рванул в указанном направлении без всяких уточнений и лишних вопросов. Король поднял глаза от бумаги, на которой уже принялся торопливо что-то черкать, и холодно осведомился, почему Кантор до сих пор здесь.

«О, это серьезно…» – подумал Кантор и поспешил последовать примеру благоразумного шута. По крайней мере, теперь можно наконец спокойно уединиться и отдохнуть. Судя по размаху королевских мероприятий, Ольга понадобится его величеству не скоро.

С тех пор как его величество научился гневаться, все окружающие стали прилагать максимум усилий, чтобы впредь не доводить его до такого состояния. Однако порой обстоятельства от подданных не зависели, и рано или поздно король все равно должен был разгневаться. На счастье придворных, в тот момент когда Шеллар был во гневе, никого из них поблизости не оказалось, и под раздачу попал верный Жак, то есть единственный из подданных, у кого хватило наглости заявить своему повелителю прямо в глаза:

– Ваше величество, сто раз уже видел вас в плохом настроении, но таким противным вы еще ни разу не были! А если вас королева таким увидит, представьте себе, что она о вас подумает?

В ответ на сию непочтительную речь его величество рявкнул на шута печально известным «королевским рыком», после чего приказал сесть, заткнуться и молчать. Жак немедленно выразил готовность слушать и повиноваться, после чего нагло улегся на диван, свернулся клубочком и закрыл глаза. Король онемел от возмущения.

– Ты что, пьян? – спросил он, с трудом найдя слова.

– Ничуть, – отозвался Жак. – Просто, когда я сплю, я особенно молчалив. И никому не мешаю.

Король сердито проворчал, что пришибет паршивца, если тот вздумает храпеть, и замолчал. Подглядывать Жак не рискнул, тем более он и так прекрасно знал, что сейчас сделает его величество. Шеллар закурит, упрет подбородок в кулаки, как обычно, и надолго задумается, попыхивая трубкой, мрачно глядя перед собой. Так он будет сидеть долго-долго, прерываясь только на то, чтобы выбить трубку и набить ее заново, пока не успокоится. Или пока ему что-нибудь в голову не стукнет.

На этот раз Жак едва успел задремать, как его величеству что-то стукнуло в голову. Если он, конечно, размышлял о деле, а может быть, он все-таки устыдился, обдумывая свое поведение. В любом случае гневаться его величество перестал и мрачно позвал:

– Жак!

– Да? – откликнулся шут, не двигаясь с места.

– Брось дурака валять, иди сюда, – ворчливо скомандовал король. – Можно подумать, ты трое суток не спал!

– Ну трое не трое… – Жак сполз с дивана и перебрался в одно из кресел поближе к столу. – Но в последнее время я вообще что-то плохо сплю. Чего вы так разозлились-то? Что не нашли комнату? А может, ее там и не было?

– Должна была быть! Ладно, Элизабет обещала найти план дома и исследовать методично и кропотливо, подключив к делу специалистов. Пусть исследует. Я в архитектуре несилен, просто знаю, что потайная комната должна быть!

– И что вы хотели в ней найти? Что там, по-вашему, должно находиться?

– Т-кабина, – проворчал король. – Трижды долбанная Т-кабина, через которую дал деру хитрожопый лорд Сильверстоун! Которого кузен Элвис так неосмотрительно выпустил из дворца, полагая, будто тот и в самом деле отправится искать бригаду декораторов и разбираться!

– Ваше величество! – напомнил Жак. – А можно по порядку? Я ничего не понял. С чего вы решили?

Король со вздохом откинулся на спинку кресла:

– Да тут ничего сложного. Когда Кантор предположил, что лондрийский придворный принял его за кого-то похожего, тут меня и осенило. Я попытался прикинуть, на кого он может быть похож, и тут же вспомнил. Это говорят все, кто знал мэтра Максимильяно, и я тоже готов подтвердить, ибо лично встречался с этим человеком. Кантор похож на отца. Выглядит он немного старше своих лет, а мэтр, как и все маги, скорей всего, выглядит моложе. И если предположить, что лорд Сильверстоун действительно ошибся, приняв Кантора за уважаемого мэтра, то возникают следующие вопросы: почему он испугался? Какие у него причины бояться этого человека? Они встречались прежде? Или же они видятся сейчас? Я отправил тебя к Элвису с письмом, в котором просил прислать ко мне Сильверстоуна, либо, если это невозможно, любую информацию о нем. И Элвис прислал. Очень занимательная информация. Человек без прошлого, внезапно откуда-то возникший бастард старого лорда. Со странностями, но в целом весьма приличный молодой человек. Ни в чем порочащем замечен не был до сегодняшнего дня. Он, если ты не в курсе, отвечал за оформление зала. На настоящий момент исчез бесследно. В сопровождении группы сотрудников службы безопасности он отправился разыскивать рабочих, которые украшали зал, якобы затем, чтобы всех их передать в руки правосудия и всеми силами помочь в розыске виновного. Зашел домой за списком имен и адресов – и загадочным образом пропал из собственной спальни. Притом что под дверью его ждали, а за окнами наблюдали снаружи. Какой напрашивается вывод? Агенту Сильверстоуну, или как там его на самом деле, показалось, что он видит в зале своего начальника. Возможно, провокация была организована без ведома этого самого начальника, а возможно, парень его боится, как Акрилла меня. В любом случае он должен был, присмотревшись, понять свою ошибку и перестать бояться, но почему-то не перестал. Значит, ему было чего опасаться. Выходит, что он виноват. И более того, он практически провален. Поэтому он под первым же правдоподобным предлогом бежит домой и эвакуируется, как сделал бы любой нормальный агент на его месте. Вот такая вырисовывается неприглядная ситуация. Твои друзья из агентства «Дельта» нам вовсе не друзья, и напрасно ты им так доверяешь. Можешь, конечно, сомневаться, но против фактов не попрешь. Сей

предмет, – король кивнул на проектор, все еще валявшийся на столе, – уж точно не графиня Монкар мне подсунула. И недовольные подданные Элвиса здесь тоже ни при чем.

– Я ничего не понимаю… – жалобно запричитал Жак. – Зачем?

– Чтобы ответить на этот вопрос, мне не хватает информации, – серьезно пояснил король. – Причин может быть бесконечное множество. Спроси у них, если хватит смелости. Но я бы тебе советовал больше туда не ходить. У тебя и так хватает неприятностей.

– То есть?

– Забыл, почему ты так плохо спишь? Или тебе непонятно, кто любезно предоставил господину Дорсу информацию о тебе, а возможно, и сам детонатор презентовал? Нет, можно, конечно, предположить, будто на почтенного магната снизошло озарение и он мистическим путем познал неведомое, но я все же материалист и предпочитаю более рациональные объяснения непонятным явлениям. Твои друзья тебя хорошенько подставили, вот что кажется мне более вероятным.

– Постойте, а как же… Они же…

– Ты хочешь напомнить мне о свадьбе, но боишься показаться бестактным? – мгновенно догадался король. – Позволь напомнить, что противоядие тебе никто добровольно не давал. Ты его украл, если только не собираешься сейчас изменить показания. Нет? Так вот, дорогой друг, ты не знаешь, как бы все сложилось, будь эти таинственные господа дома? Позволили бы они тебе спасать меня или же послали бы куда подальше, а то и прихлопнули бы на месте, чтоб меньше знал? А так они оказались перед фактом – и поступили наилучшим для себя образом: сделали вид, будто так и надо, будто они тебя поддерживают и полностью одобряют. Хотя сами в это время злорадно потирали руки, поскольку ты, сам того не ведая, помог им загнать меня в угол. Возможно, они уже тогда планировали похищение детонатора. А ты так удачно спас мне жизнь, что я оказался перед тобой в неоплатном долгу. Значит, когда встанет вопрос о твоей жизни или смерти, для меня будет делом чести не бросить тебя в трудную минуту. Что сейчас и происходит. Если тебе кажется, что я ошибаюсь, опровергни мои предположения.

Жак мрачно вздохнул:

– У вас выпить есть?

– Прекрати! – нахмурился король. – Что за манера – как только что-то не так, сразу же надираться до состояния бревна! Мало мне кузена-алкоголика! Ты еще заплачь для полноты картины.

– Хотелось бы… – так же мрачно отозвался Жак, но плакать все же не стал. – Знаете, как оно – чувствовать себя по уши в дерьме?

– Если ты имеешь в виду в буквальном смысле, то нет, – серьезно пояснил король. – А если в переносном… Меня тоже предавали. И это, несомненно, обидно до глубины души. Но в данном случае следует не плакать, а действовать. Я полагал, у тебя есть какие-то сведения, которых не знаю я и которые могли бы хоть что-то изменить в столь печальном раскладе, но, вместо того чтобы обсудить создавшееся положение, ты просишь выпить. Следовательно, тебе нечего сказать по делу?

– Не знаю… может быть… подумать надо… а вам срочно?

– Зависит от того, как скоро ко мне опять явится посланник с очередным требованием. Кстати, что тебе сказали господа из агентства в ответ на твою слезную просьбу о помощи?

– Обещали подумать. А Морриган что сказала?

– Тебе действительно хочется это слышать?

– Дайте я угадаю. От души пожелала мне скорей сдохнуть?

– Не совсем, но близко к этому. А господа, значит, все обещают… Не знаю, Жак, можешь ли ты рассчитывать на их помощь, если то, что я о них думаю, правда. Но все же попробуй настаивать, вдруг я все-таки ошибаюсь или чего-то не учитываю. Если эти гос-

пода тебе действительно помогут, я пересмотрю свое мнение о них. Возможно, сегодняшняя провокация была самодеятельностью лорда Сильверстоуна, и именно поэтому он так перепугался при виде начальника. А возможно, в самом агентстве существуют внутренние разногласия, хотя это и вызывает сомнения. Хотелось бы знать, является ли такое ко мне отношение официальной линией вашей конторы, или же это происки некой группы лиц, имеющей свои интересы. И в особенности меня интересует личное отношение ко всему этому конкретного человека, с которым ты общаешься.

– Человек, с которым я общаюсь, – решительно начал Жак, – относится к вам хорошо. И никаких пакостей против вас не замышляет. Иначе он бы не допустил, чтобы Кантор при вас околачивался. Ведь что не так – и Кантор заложник, а его этот дяденька ни в коем случае не хотел бы подвергать опасности. Да и начальник этого человека тем более не позволил бы…

– Потому что служба службой, а сын у него один, сколько бы детей ему ни приписывали досужие сплетники, верно я понимаю? – задумчиво продолжил король. – Жак, ты лично видел мэтра Максимильяно, бывшего полевого агента, а ныне начальника, не знаю, как называется его должность… видел?

– Ну видел, – сдался Жак. – И мне показалось, он тоже ничего против вас лично не имеет, хотя и признаёт, что ваше любопытство может выйти боком двум мирам сразу. Так это и мое мнение тоже, я сам вам говорил…

– Я помню, – согласился король. – Но позволь напомнить, что ты частное лицо и можешь себе позволить поступать сообразно своему личному мнению. А твои приятели – люди несвободные. Они на службе. И особенность их работы такова, что независимо от личных убеждений, мнений и привязанностей поступать они обязаны так, как им прикажут.

– А как же история с Кантором и его рукой? – напомнил Жак. – Это же прямое нарушение, как мне кажется.

– Что ж, если почтенный мэтр провернул все это без ведома начальства и до сих пор успешно скрывает, то он безусловно хороший вор. Но из этого следует, во-первых, что в агентстве «Дельта» не чтят свои же собственные правила и, во-вторых, что мэтр Максимильяно очень уязвим для шантажа. Если кто-то узнал о его служебном проступке, то можешь себе представить возможные последствия?

– Нет, об этом еще не знают! – с уверенностью заявил Жак. – Помните, я вам рассказывал, что кто-то залез в его личные файлы? Если бы у них уже был компромат, его бы не искали.

– Он что, не совсем здоров – держать такие сведения в доступных местах? Да и вообще, зачем он их хранит? Для кого? Сам ведь и так все знает!

– Да нет, ТЕХ сведений там не было, понятно, что он не стал бы их вообще хранить. Но там было обо мне. И это кто-то прочел. Он еще подумал, что это я, и хотел на меня наехать.

– Знаешь, у меня создается впечатление, что в агентстве «Дельта» полный бардак и каждый делает что хочет. Я не удивлюсь, если окажется, что эта контора уже давно не выполняет своего предназначения «стражей заповедника», а занимается совершенно противоположным. Если не вся, то некоторая ее часть точно. Поэтому я повторяю, будь осторожнее с этими людьми. И доверять им можешь только в том случае, если они действительно тебе помогут, что будет доказательством их непричастности к афере с детонатором. Но даже в этом случае ты можешь доверять только тем, кто конкретно будет участвовать в твоем спасении, а не всей организации в целом. И постоянно должен будешь помнить о том, что если один агент помог тебе решить проблему, то другой такой же агент ее создал. И создаст еще не одну, если будет продолжать в том же духе. Кстати, ты с Толиком не советовался?

– Толик, добрая душа, сделал ручками вот так, – Жак изобразил как, – и заверил меня, что нет проблем. Сейчас он мигом призовет и запустит мне в нос десятка три трудолюбивых

рыжих муравьев с полпальца каждый, и они дружным строем прошествуют к месту назначения, выгрызут капсулу и вытащат ее наружу. Вас бы вдохновила такая процедура?

– Жак, ты болван! – рассердился король. – Идиотский вопрос! Если бы речь шла о жизни и смерти, я бы пренебрег вдохновением и как-нибудь стерпел процесс выгрызания! А ты струсил и отказался! Неужели умереть менее страшно, чем немножко потерпеть? Подумаешь, муравьи! Ведь они же призванные и не съели бы тебя!

– Если ничего лучше не придумается, я попробую, – вздохнул Жак. – Честное слово, наберусь смелости и попробую…

– Так я и поверил, что ты когда-либо наберешься того, чего у тебя нет! Вот что, Жак, я категорически требую, чтобы ты представил мне господина Толика. Во-первых, я должен выяснить, что он здесь делает и на чьей стороне играет, а во-вторых, хочу оказать ему посильную помощь в его замыслах с муравьями. И еще – настоятельно рекомендую тебе это сделать до следующего требования вымогателей, потому что иначе, как только это требование поступит, слово короля, я собственноручно тебя скручу и оттащу к доктору Кинг. С помощью мага она успешно найдет твою капсулу и вырежет ее за пять минут. Возможно, ты после этого останешься инвалидом, но жить будешь.

– Я скажу Толику, если увижу, – пообещал несчастный шут. – Но не обещаю, что он согласится.

– Почему он вообще меня избегает с таким упорством? Он чего-то боится или ему просто физиономия моя не нравится?

– Его отпугивает ваше чрезмерное любопытство, о котором он наслышан.

– А если я пообещаю не утомлять его своим любопытством?

– Разве что поклянетесь. Но я в любом случае спрошу. Кстати, ваше величество, если вам эта аппаратура не нужна, можно я ее заберу?

– Пока нужна. Я хотел показать мэтру и еще кое-кому, так что не сейчас. Кстати, напомни мне, будь добр, как это включается.

– Вот здесь, видите этот рычажок? Легонько передвигаете вправо. Только легонько, не сломайте.

– Спасибо, я понял. Кажется, в отличие от моего кузена, я до сих пор не демонстрировал склонности нечаянно ломать хрупкие предметы. И еще, Жак, я хотел поговорить с тобой вот о чем. Ты помнишь нашу беседу о перемещениях?

– Когда?

– Давно, еще в первые месяцы нашего знакомства. Помнишь, меня занимал вопрос: если при перемещении происходит обмен, почему в вашем мире ничего не известно об этом явлении? Ведь по теории в тот же момент, когда у нас появляется переселенец, на его месте должен появиться маг, с которым произошел обмен. Если в Средние века, как ты утверждаешь, с магом бы очень быстро расправилась инквизиция, то в более развитую эпоху все должно быть как-нибудь иначе. К примеру, что случилось с магистром Буллисом, появившимся из ниоткуда рядом с бездыханным телом господина Хаббарда в конце двадцатого века?

– Это вам лучше было бы у Ольги спросить… – Жак задумчиво взъерошил свою и без того лохматую шевелюру. – Ей легче предположить.

– Я спрашивал. Учитывая тот факт, что господин Хаббард погиб в автокатастрофе, Ольга с уверенностью утверждает, цитирую: «Если ваш магистр не вписался под ближайший автомобиль, то, как только он объяснил, кто он такой, его тут же упекли в психушку».

– Вполне вероятно. Хотя могут быть варианты. Например, перепуганный маг мог начать отбиваться от злобных автомобилей, пасть жертвой отряда полиции и попасть в историю как очередной маньяк или террорист. А еще он мог попытаться телепортироваться и потеряться между мирами, как наш дорогой друг Орландо.

– А как с этим обстоит дело в ваше время?

– В наше… Не знаю. Могу предположить, что в наше время тоже первым делом будет психушка. А еще могу предположить, что агентство «Дельта» проверяет такие случаи и настоящих переселенцев из психушек забирает, но это, сами понимаете, только предположение. А чего вы вдруг вспомнили? Кажется, я в этом мире единственный переселенец, не сдвинутый во времени.

– Да, видишь ли, есть у меня кое-какие мысли… Я объясню тебе потом, это долгий разговор. Мне хотелось бы знать, что стало с тем конкретным магом, замученным в Кастель Милагро, который поменялся с тобой местами. По идее, в момент твоей смерти в комнате находились посторонние лица, наблюдавшие за тобой. Ты ведь выполнял для них некую работу, если я верно помню. Они следили, честно ли ты ее выполняешь, и ожидали результатов.

– М-да… – невесело вздохнул Жак. – Интересный результат они получили… Я даю дуба, а рядом со мной появляется из воздуха чужой мужик…

– Я хочу знать, что было дальше. Поинтересуйся, если можно, что известно об обстоятельствах твоей смерти, что нашла полиция при осмотре места происшествия – и вообще все, что сможешь узнать.

– Да зачем это вам? Решили заняться проблемой перемещений?

– Нет, я хочу знать, что стало с конкретным человеком.

– Зачем? Вы что, узнали, кто это был, и обнаружили, что это ваш знакомый?

– Опять нет. У меня возникли некоторые подозрения.

– Поделитесь?

– Пожалуйста. Представь себе описанную выше ситуацию и попробуй спрогнозировать варианты развития событий.

– Что-то мне сегодня плохо думается, расскажите сами. Вы ведь уже спрогнозировали, как я понял.

– Охотно. – Король поудобнее устроился в кресле и приступил к объяснениям. – Итак, первый вариант – переселенец был в очень тяжелом состоянии и почти сразу скончался. Второй вариант – он вполне сносно себя чувствовал и смог поговорить с людьми, находившимися в комнате. В результате они либо договорились о чем-либо, либо нет. В первом случае он ушел с ними, во втором в комнате должны были остаться следы конфликта. Собственно, я прошу тебя навести справки именно затем, чтобы проверить, не ушел ли он и в самом деле с ними и не стал ли с ними сотрудничать.

– А зачем?

– Подумай сам.

– Вы имеете в виду, что он рассказал им о вашем мире, стал оказывать магические услуги и все такое?

– Вот именно, Жак. Если бы его, как ты предположил, нашла полиция или же если бы он умер, все было бы ничего. Но если его забрали с собой те господа, которых потом так и не нашли…

– То что?

– Жак, если ты помнишь, это были преступники.

– Ё!..– ахнул Жак. – Я все понял, можете дальше не объяснять. Я выясню все, что возможно.

– Рад, что тебе не нужно разжевывать подробно. Если все понятно, действуй.

– Хорошо, обязательно, – кивнул Жак. – Вам еще что-то нужно или мне уже можно идти?

– На ужин не останешься?

– Да нет, мне надо Терезу встретить. Да и вы, наверное, уже привыкли ужинать с королевой. Наедине, при свечах, все такое…

Король ничего не ответил, но по его улыбке можно было догадаться, что упомянутые ужины с королевой для него действительно являются чем-то большим, нежели просто прием пищи.

Глава 3

Я только попугаю всех до смерти, никто этого даже не заметит.
А. Линдгрен

Что-то странное творилось последние пару недель и в бизнесе, и в политике. Господин Пуриш чувствовал это тем самым нюхом, который непременно прилагается к Тени и зовется не иначе как воровским. Источником всех странностей почтенный воротила шоубизнеса справедливо считал господина Дорса. Ну подумайте сами, господа, разве это не странно: сначала разворачивается откровенная травля столь крупной фигуры, а через некоторое время, словно поколдовал кто, нападки в одночасье прекращаются. Все дружным хором приносят извинения и каются, как же они могли так нехорошо говорить о таком замечательном господине… Потом люди начинают потихоньку уточнять, чем он так замечателен, постепенно переходя от извинений к откровенным славословиям. Ничего вам не напоминает, господа? Нет? А вот господину Пуришу, который собаку съел на раскрутке бардов, очень и очень напоминает. Именно раскрутка и происходит. Господину Дорсу усиленно создают популярность, причем не случайно, а по его прямому указанию. Кто-то другой, может, и усомнился бы, но никак не господин Пуриш, и причина тут была уже вовсе не в нюхе. Старина Багги лично приходил к нему договариваться о сотрудничестве именно в этой области. Зачем-то понадобилось старому лису, чтобы еще и барды его прославили. То ли мания величия приключилась, то ли задумал в президенты продвинуться, угадайте с трех раз, что вероятнее. Взамен предлагались хорошие деньги, и помимо денег делались намеки на эксклюзивное право распространения неких совершенно уникальных записей чуть ли не из другого мира. От лестного предложения господин Пуриш отказался. Деньги, конечно, дело хорошее, но, когда речь идет о Багги Дорсе, лучше излишняя осторожность, чем убытки. Уникальные записи, конечно, тоже весьма соблазнительно, но где хоть какая-то гарантия, что Дорс не надует, как надул тех мистралийцев? Как бы там ни распинались купленные борзописцы, представляя пострадавшего от бандитских налетов честного предпринимателя, какой же дурень поверит? Багги честный – обхохочешься! А мистралийцам у себя дома, наверное, делать нечего, так их какие-то демоны в Голдиану понесли. Просто так, без всякой причины, над честным предпринимателем поиздеваться. Нет уж, извините, с Багги какие-то дела иметь – трижды подумать надо. К тому же заставить хорошего барда сочинять хвалебные песни такому негодяю, как Багги, крайне сложно. Практически невозможно. Вспомнить хотя бы несчастного маэстро Эль Драко, который голову сложил, но талант свой не продал. А плохих бардов господин Пуриш в хозяйстве не держал. Впрочем, отказываться наотрез он тоже не стал. Мало ли чем все кончится, вдруг дела обернутся так, что придется срочно пересматривать решение. Сам-то он не бард, жизнью жертвовать за убеждения не собирается, припрет – будем прославлять и воспевать что скажут. Наберем бардов похуже и займемся. Противно будет, неинтересно, но куда денешься…

Так что ответил господин Пуриш на лестное предложение не категорически, а уклончиво. Дескать, пока его все это не интересует, а в дальнейшем видно будет. Впрочем, Багги все равно обиделся, разозлился и удалился, топая ногами и грозя, что «несчастный трус» и «зажравшийся эстет» об этом еще пожалеет. Что ж, если он имел в виду своих головорезов, ряды которых сильно поредели после разборок с мистралийцами, то их господин Пуриш не особенно боялся. Тоже не бродячий сказитель, охрана имеется, и не хуже чем у других, даже лучше в некотором смысле. Обычная охрана – она у всех состоятельных людей есть, а вот ручных леопардов, которые по команде хозяина загрызут любого, нет больше ни у кого.

Разумные меры предосторожности он все-таки принял – теперь, кто бы к нему ни пришел, при беседе присутствовали зубастые любимцы. На всякий случай. Посетители, конечно, пугались, несколько молодых певичек даже в обморок упали, но уж лучше пусть посетители пугаются, чем сам хозяин пострадает. Вряд ли, конечно, старина Багги прямо так сразу и пошлет к нему убийцу, скорее всего, сначала припугнуть попытается или и в самом деле повторит свое предложение, когда «раскрутится» немного, но осторожность – она никогда не лишняя.

Господин Пуриш всегда был человеком благоразумным и осторожным, однако же иногда и он делал глупости. Что поделать – он был еще и любопытным. Когда секретарь сообщил, что к нему желает записаться на прием некий мистралиец по поводу распространения уникальных звукозаписей, привезенных из иного мира, почтенный магнат не устоял. Уж слишком ему захотелось разобраться, кто это такой и что ему на самом деле нужно. С одной стороны, упоминание об уникальных записях вызывало закономерное предположение, что это посланец от Багги, призванный либо заинтересовать господина Пуриша в отвергнутом предложении, либо припугнуть. С другой стороны, национальная принадлежность посетителя позволяла предположить, что он представляет, так сказать, противоположную сторону и имеет намерения договориться о союзе против Дорса и его синдиката. В любом случае господину Пуришу было на руку и приобрести союзника, и узнать подробнее о загадочных обещаниях Багги, а также беспощадно обломать попытку наезда, дав понять мерзавцу, что не на пугливого напал. Поэтому таинственный мистралиец был записан на прием и принят согласно записи в десять тридцать утра двадцать седьмого дня Бирюзовой луны.

С первого взгляда на посетителя почтенный магнат запоздало пожалел о своем любопытстве. Даже если бы он не обладал классовым чутьем, трудно было ошибиться в профессии этого подтянутого господина с походкой кошки и пластикой змеи, особенно если учесть, какое количество разнообразного оружия он сдал охране на входе. Пожалуй, из этого мистралийца вышел бы неплохой танцовщик, если бы он избрал путь барда, а не воина, но в данном случае господин Пуриш даже не засомневался, что перед ним убийца. Вопрос только в том, нанял ли его Багги по прямой специальности, или же у мистралийцев не нашлось никого поприличнее. На всякий случай господин Пуриш подал условный знак своим четвероногим телохранителям, и они с ворчанием подошли поближе, улегшись по обе стороны от кресла посетителя. Мистралиец взглянул на них мельком, как-то странно и не к месту улыбнулся и поприветствовал хозяина, чуть приподняв шляпу. Снимать свой головной убор, затенявший пол-лица, он явно не собирался. Затем без малейших признаков неудобства, не говоря уж о страхе или замешательстве, преспокойно перешагнул через леопарда и изящно опустился в кресло.

– Меня зовут дон Диего, – начал он. Фамилию даже не упомянул, отметил про себя господин Пуриш. Непонятно только, из каких именно соображений дон Диего пожелал сохранить анонимность. – Я наслышан о вас как о человеке порядочном, поэтому позволил себе смелость обратиться именно к вам. Видите ли, у меня есть невеста…

– От души вас поздравляю, – подбодрил его гигант шоу-бизнеса. – Однако какое отношение имею к этому я?

– А у нее есть кристаллы с музыкой, ранее не исполнявшейся в этом мире, – продолжил посетитель. – Она никогда не пыталась их переписывать и распространять, так как полагала, что такая музыка не будет иметь успеха и не принесет дохода. Я хотел бы услышать ваше мнение как специалиста, действительно ли это так. Если вы найдете предложенные вашему вниманию пьесы перспективными, я готов обсудить с вами условия реализации. Знаете, моя профессия связана с большим риском, и хотелось бы как-то обеспечить семью на случай потери кормильца, так как сбережений у меня, к сожалению, нет…

– А где вы работаете? – спросил господин Пуриш для поддержания разговора. На самом деле его больше интересовало, что особенного нашла малышка Тиа в сапогах этого делового жениха и почему она с таким азартом их обнюхивает?

– Я работаю в личной охране одной высокопоставленной особы, – уклончиво пояснил мистралиец. Ясное дело, все они так говорят… – Мой работодатель ведет весьма активный образ жизни и имеет множество врагов, так что работа действительно опасная.

Был ли это намек на то, кто и зачем его послал, или же ни к чему не обязывающее вранье? Господин Пуриш начал уже нервничать из-за невозможности определить истинную цель визита дона Диего. К тому же звери вели себя все более странно – никогда такого не было, чтобы они вставали с места без команды и без разрешения столь нахально лезли к чужим… Неужели кто-то нашел способ вывести из игры его самых верных и грозных охранников, и сейчас этот способ либо испытывается, либо уже работает?..

– Тиа, Хон, лежать, – негромко, но внушительно скомандовал он. Хон недовольно заурчал, однако улегся на место. Его подруга в растерянности завертела мордой, переводя взгляд с хозяина на гостя и обратно, словно не знала, что делать. Затем ткнулась носом в руку мистралийца, спокойно лежавшую на подлокотнике кресла, как она обычно делала, напрашиваясь на ласку. И тут случилось такое, от чего господин Пуриш покрылся холодным потом и почти приготовился расстаться с жизнью. Этот гад, который морочил ему голову невестами, записями и условиями реализации, без всякой опаски протянул руку и погладил хищницу по голове. Да не просто погладил – потрепал по загривку, почесал за ушами и ласково назвал «хорошей киской»! А подлая киска, забыв, кто ее хозяин и кормилец, радостно заурчала и принялась тереться мордой о колено какого-то чужого мистралийца, словно он ей мать родная!

– Не беспокойтесь, – сказал мистралиец, улыбаясь, как будто ему предложили полугодовой контракт на концертное турне по континенту, и – о ужас! – полез во внутренний карман куртки. – Ваши звери меня не тронут. У меня особые отношения с кошками.

Господин Пуриш окончательно простился с жизнью, ожидая, что сейчас этот головорез вытащит что-то успешно утаенное от охраны на входе и… Зачем, ну зачем он его вообще впустил!

Мистралиец достал завернутый в лоскут дорогого бархата музыкальный кристалл и положил на стол.

– Послушайте, – предложил он как ни в чем не бывало и снова принялся гладить нахалку Тиа, – я оставлю вам кристалл, можете послушать в свободное время. Когда мне прийти за ответом?

«Никогда, сволочь!» – чуть не закричал господин Пуриш, с трудом веря, что этот укротитель леопардов сейчас действительно уйдет, не сделав ничего особенного.

– Во вторник? – через силу выговорил он, не в силах привести в порядок мысли. Может, его посетитель – маг, а он сразу не понял? Может, оборотень? Кто еще мог позволить себе безнаказанно трепать по загривку его леопардов?

– Замечательно, во вторник, – охотно согласился мистралиец и, еще раз погладив Тиа, одним плавным, грациозным движением покинул уютные объятия кресла. Действительно, отличный бы получился танцовщик… – В это же время?

Насмерть перепуганный деятель шоу-бизнеса только кивнул. Странный посетитель посмотрел на зверей, которые уже вдвоем дружно терлись о его колени, и как бы между прочим заметил:

– Очаровательные животные. Это те самые? Наследство маэстро?

– Откуда такая осведомленность? – потихоньку отходя от потрясения, позволил себе поинтересоваться господин Пуриш.

– Слышал. – Мистралиец в последний раз приласкал леопардов и направился наконец к двери. – Всего хорошего, сударь. Приятно было познакомиться с вами… и с вашими очаровательными котиками. До вторника.

Прощаясь, он опять приподнял шляпу. Чуть выше, чем в первый раз, и из-под широких полей на секунду или две мелькнули его глаза.

– До свидания… – еле выговорил господин Пуриш, судорожно дергая ящик стола, где лежали сердечные капли.

Этого не могло быть! Лицо… голос… Но глаза… Иллюзия? Родственник? Только похож? А как же эти глаза? И перчатка… Почему он так и не снял перчатку с правой руки? А леопарды? Неужели Тиа просто так дала бы чужому себя погладить? Или он в самом деле маг?

Мистралиец повернулся и ушел, ничего не заметив или сделав вид, что не заметил. А бедный предприниматель отменил все остальные визиты на этот день, заперся в своей спальне и до глубокой ночи маялся сомнениями и догадками, запивая их попеременно то лекарствами, то галлантским коньяком.

Что смешнее всего, на кристалле оказалась действительно музыка, какой господин Пуриш никогда и нигде не слышал.

– Что? Он такое сказал? Он это серьезно сказал? – Возмущение мэтра Альберто было беспредельно, и выражал он его так бурно, как могут только мистралийцы.

Жак печально кивнул:

– Король вообще мужик серьезный. Он так и сказал: или у вас в агентстве полный бардак и левая рука не ведает, что творит правая, или же вы целенаправленно стремитесь их ни в чем не повинное величество изничтожить морально и физически. Чего он вам сделал, в самом деле? Ну любопытный не в меру, но не принудит же он вас к контакту, если сами не захотите. А что он еще должен был подумать после того, что вы ему устроили?

– А что мы ему устроили?

– А вы как бы не в курсе? Ваш лондрийский центровой такую подставу его величеству организовал, что если б не счастливая случайность, то я и не знаю, что бы было.

Алхимик тяжело вздохнул и зачем-то заглянул в кофейник, который и не думал закипать.

– Расскажи подробнее, – грустно попросил он. – Я действительно не в курсе. И шеф ничего не может понять. Пропал человек, как сквозь землю провалился, послал аварийный сигнал и исчез. Что он там сделал? И почему ты так уверен, что это он?

– Ну раз исчез, значит, точно он, – хмуро бросил Жак. – Не местные же засунули кубик в светильник.

– Какой кубик?

– Голопроектор. С коротенькой такой картинкой, от которой я чуть со смеху не помер. А король только что не кусался, так осерчал. Представьте себе, что в ответственный момент церемонии прямо напротив его величества возникает голограмма… Вы когда-нибудь Панмурина видели?

– Нет. Это кто?

– Это из одной старой игрушки персонаж, весь из себя зловещий, на демона смахивает, антураж у него соответствующий, голосок такой загробный… Вот возникает такая образина из ниоткуда и говорит его величеству: твоя душа, дескать, принадлежит мне… Представляете реакцию толпы народу, не имеющей понятия, что такое голограмма?

Бедный мэтр Альберто, видимо, представил описанное чересчур ярко, так как изменился в лице и с неподобающей его возрасту торопливостью бросился к шкафчику, где с недавних пор хранил аптечку. Наркотики, которые так привлекали непутевого товарища

принца, он оставил в сейфе, а аптечку поближе переложил, наученный горьким опытом. Дабы в случае необходимости сейф больше не ломали. Да и самому, если что, быстрей добежать…

Молча наблюдая, как почтенный мэтр привычным, до автоматизма отработанным движением кидает сразу две нашлепки прямо на кисть, чтобы не возиться с рукавами, Жак в который раз мысленно пожалел беднягу. Старый, больной человек, сердце ни к черту, язву еще в лагерях заработал и до сих пор вылечить не может, на покой давно пора, а он все воюет… И еще кофе хлещет, которого ему ни фига нельзя!

– Может, Стеллу позвать? – предложил Жак. – А обо всех этих пакостях я лучше с вашим шефом поговорю.

– Ни-ни! – переполошился мистралиец. – Стеллу ни в коем случае! Она давно на мой желудок скальпель нацелила, только и выжидает удобного случая, чтоб кусок отхватить! Знаешь же, с каким энтузиазмом она режет все, что нездорово выглядит!

– Так, может, и надо бы?

– Но не сейчас же! Сам видишь, не время мне сейчас болячками заниматься, такое творится… Про кубик я шефу скажу. А ты попробуй как-то объяснить королю, что это не мы. Мы действительно ничего подобного не делали и даже не думали, это правда. И за каким демоном это понадобилось Полу, сами не можем понять. Равно как и то, куда этот идиот делся, раздери его дракон!

– Не кипятитесь так, – заметил Жак, снимая с горелки кофейник, который соизволил наконец созреть. – Вам же вредно.

– Ты бы на моем месте остался спокойным? Если бы о тебе такое подумали?

Жак невесело усмехнулся:

– Обо мне чего только не думали… И что я аферист, и что я шпион, и даже что я любовник короля… А он думает правильно. Логично по крайней мере. Вы просто не привыкли, вот вас это и шокирует, а я уже который год имею честь выслушивать гипотезы его величества. Он всегда приводит полный набор вариантов – от самых правдоподобных до самых абсурдных. И все излагает с беспристрастностью компьютера, как бы дико это ни звучало. Кстати, этот вариант, который вас так возмутил, мне абсурдным вовсе не показался. Аж нисколечко.

– Значит, – горько произнес мэтр Альберто, – предположение, что мы с шефом бесчестные подлецы, кажется тебе вполне приемлемым и достойным всяческого доверия? Только потому, что это сказал король?

– Как верно заметил по этому поводу его величество, – печально развел руками Жак, – понятия «подлость» и «бесчестье» для людей вашей профессии не личные человеческие качества, а специфика работы. Не, ну честно, мэтр Альберто, сами прикиньте. Как бы хорошо вы ко мне ни относились, но если вам прикажут меня убить – и рука не дрогнет. Даже у Кантора бы дрогнула, а у вас – нет. А у вашего шефа – тем более. Только ему, как я подозреваю, для такого дела и руки не требуются. Скажете, неправда?

– Если ты сию минуту не заткнешься, – посулил разгневанный алхимик, – я это сделаю прямо здесь и сейчас без всякого приказа! Не трогай Кантора!

– Угу, – еще печальнее кивнул Жак. – Мне его тоже жалко. Но себя все равно жальче, таково уж подлое свойство человеческой натуры вообще и моей в частности. Кстати, ваш шеф ничего не придумал по поводу моей животрепещущей проблемы?

– Твоей? – сердито проворчал алхимик. – Или короля?

– Все-таки больше моей, поскольку для короля это проблема чисто нравственная, а для меня вопрос жизни и смерти. Что я, не знаю его величество? Есть вещи, которых он даже ради друга делать не станет. Всему на свете есть предел, и его дружеским чувствам тоже.

– Это он сам тебе сказал? – заинтересовался мэтр Альберто, между делом разливая кофе по чашкам, который ему был категорически противопоказан.

– А вам какая разница, сказал или нет? Для дела важно?

– Дурак ты! Почем ты знаешь, для какого именно дела это важно!

– Да, наверно, – согласился Жак. – Я дурак, и это тоже не личное качество, а специфика работы. Если вы хотите знать, что мне сказал мой умный король, пожалуйста, он и не требовал держать это в тайне, а, наоборот, велел «довести до вашего сведения любым удобным способом». Он предполагает, что история с детонатором – тоже ваших рук дело, что ваши люди консультируют Дорса. Но допускает, что вся эта фигня может происходить без ведома шефа и вопреки его указаниям. Так что моя просьба, с которой я к вам обращался, – это скромная такая проверка на вшивость.

– Ну не мерзавец ли, мать его так! – рассердился мэтр Альберто. Так рассердился, что чуть сахар не рассыпал. – Этот гад еще нас проверять надумал! Да что он о себе возомнил, умник недоделанный!

– Не ругайте короля, он хороший, – возразил Жак. – И он прав. А вы хотели, чтоб его величество после такого вам верил на слово? Кстати, король еще сказал, что если вы захотите со мной чего сделать, так у него под рукой Кантор. Он, конечно, Кантора тоже любит и никакого насилия над ним учинять не станет. Но все равно, даже если бы его величество что-то такое пообещал, вы бы не поверили. Но ежели со мной что случится, он расскажет Кантору обо всем, что вы так тщательно скрываете.

– Сволочь! – в сердцах ругнулся мистралиец. – Я только успокоился, что хоть Кантора пристроил! Если шеф действительно не сможет ничего придумать, мне опять сушить мозги, куда этого психа девать! Будто мне товарища Пассионарио мало! Проклятье, чует мое сердце, что не пустые таки его видения!

– Вы о чем?

– Все о том же проклятом вопросе – почему королевские войска не пришли нам на помощь! Вот тебе и объяснение! Из-за тебя с твоей проблемой!

– Да я тут при чем?

– Сам посуди. Вот не получилось у нас тебе помочь. Король делает вывод, что мы тут все враги, и убеждает в этом Пассионарио. А тот возражает, потому что он-то знает нас лучше! И они ссорятся, два придурка! Поссорились, расплевались – и крышка их союзу, их договоренностям, и дружбе их тоже крышка! А что может наворотить Кантор, выслушав от обоих все, что они найдут нужным ему сказать, я даже угадывать не берусь!

– Хреново, – согласился Жак, – но король именно так настроен. И что бы вы ни говорили, у него есть на то веские основания. Ваш агент в Лондре пытался его подставить, от этого никуда не денешься. И голдианцам про меня тоже ваши настучали. Спасибо хоть, не мистралийцам. И совершенно правильно королю кажется, что ваша служба, вместо того чтобы охранять этот заповедный мир, сознательно разводит в нем полный бардак. Это и ваш мир, кстати, мэтр Альберто. Вы сами как думаете?

– Не знаю, – покачал головой мэтр Альберто. – Кто угодно, только не шеф. Ты разве сам не понимаешь? Он шархи, посвященный, и не может отступать от своих законов. Если бы шеф занялся какими-то пакостями в пользу Альфы и во вред этому миру, то верховные шаманы размазали бы его как паштет по гренке.

– Это довод, – поразмыслив, признал Жак. – Но это для меня довод, короля этим не убедить.

– Вот ведь мул упертый! И не боится же открыто такие условия ставить! Будто не знает, что бывает с теми, кто слишком много знает!

– Мне кажется, – вздохнул Жак, – что он так и не научился толком бояться. Вернее, научился бояться только за других, а за себя до сих пор не умеет. Хотя это тоже может быть проверка, только более хитрая. И он в конце концов поверит, что вы ему не враги. В любом случае мне бы хотелось до этого дожить.

Примерно в то же время, когда разгневанный Амарго высказывал все, что думает о короле Ортана, Кантор, вернувшийся с «официального визита» докладывал этому самому королю о результатах. Пока что результат был один – до смерти перепуганный бедняга Пуриш, о чем Кантор честно доложил. Король остался доволен.

– Для первого визита этого достаточно, – чуть улыбнулся Шеллар, как обычно занимаясь своей трубкой. – Все прошло именно так, как и должно было, – он выбит из колеи, испуган и в полном смятении. Два дня Пуриш поломает голову, пытаясь найти объяснение увиденному, и в следующий раз будет готов к более личной беседе. Он непременно захочет разобраться, кто ты такой, откуда взялся, почему гладишь его зверей и отчего так напоминаешь ему некоего знакомого. Прямые вопросы он задавать не решится, начнет выяснять окольными путями, намеками и полунамеками… Эх, мне бы на твое место, какая бы получилась чудесная игра!

– Не знаю… – нахмурился Кантор. – Мне как-то не по себе. И никакого желания с ним играть. На него смотреть было жалко. Чем я его так напугал? У меня что, на лбу написана моя прежняя специальность?

– Вот у него и спросишь, вполне подходящая тема для начала беседы. Если же тебе интересно мое личное мнение, то даже при отсутствии упомянутой надписи на лбу твоя прежняя специальность все же наложила на тебя некоторый отпечаток. А если допустить, что господин Пуриш в последнее время имел основания опасаться за свою жизнь…

– Да почему?

– Да хотя бы потому, что имел несчастье вызвать недовольство господина Дорса.

– А вы откуда знаете?

– Детский вопрос. Сейчас вся моя агентура в Голдиане работает в авральном режиме, все более-менее значимые фигуры усиленно разрабатываются. Мне достоверно известно, что Дорс нанес Пуришу несколько визитов и неоднократно высказывал угрозы в его адрес. Даже если угрозы не имели под собой реальных намерений, для благоразумного человека это все же повод обеспокоиться. И вот представь себе, при таких обстоятельствах к человеку приходит некая подозрительная личность, сильно смахивающая на убийцу, и нагло треплет за уши его самых преданных телохранителей. Есть из-за чего испугаться. Но, я надеюсь, бояться он перестал, как только ты ушел.

– А если нет? Если не перестал и на следующей встрече будут присутствовать обычные охранники-люди?

– Не думаю. Если он захочет с тобой поговорить, он не допустит, чтобы при этом присутствовали свидетели. Скорее он в спешном порядке сменит своих любимцев на собак или других сторожевых зверей, но людей… впрочем, есть еще вариант – вести беседу на языке, которого охранники не знают. Господин Пуриш знает мистралийский?

– В совершенстве.

– В таком случае, возможно, охрана будет присутствовать, но о том, чтобы ваш разговор остался в тайне, он непременно позаботится. – Король неожиданно хмыкнул и хитро усмехнулся каким-то своим мыслям.

– Что? – немедленно спросил Кантор, предполагая, что мысли его величества каким-то образом касаются обсуждаемой темы.

– Да ничего особенного… Я просто подумал, что бы сделал я на месте господина Пуриша.

– И что бы вы сделали?

– Надеюсь, почтенный магнат до такого не додумается или хотя бы побоится. Я бы заменил леопардов и проверил свои подозрения. И очень быстро узнал, распространяются

ли «особые отношения» моего гостя на всех кошек или же исключительно на двух конкретных.

– Необязательно, – засмеялся Кантор. – Конечно, гладить незнакомых хищников я бы не рискнул, но меня действительно любят кошки.

– Вы с Пафнутием случайно не родственники?

– Нет, конечно, к тому же в кошачьем вопросе мне далеко до его высочества. В те времена, когда Тиа и Хон были моими, они признавали только меня – хозяина – и Пуриша, потому что он их кормил…

– Кроме того что Пуриш занимался организацией твоих концертов, гастролей, записей, вел бухгалтерию, командовал прислугой, он еще и зверей твоих кормил? – поразился король. – А за столом он тебе не прислуживал?

– Это нет, – грустно усмехнулся Кантор. – Но зато он регулярно транспортировал мое нетрезвое тело с вечеринок, улаживал проблемы с полицией, когда я слишком сильно нарушал общественное спокойствие, а также договаривался с родственниками якобы пострадавших девиц… Словом, цены ему не было. А зверей он кормил потому, что никто больше не осмеливался. Боялись.

– А Пуриш так отважен? – продолжал допытываться король.

– Нет. Он спросил, добавлю ли я ему жалованье, если он будет кормить хищников, и я добавил. А за деньги господин Пуриш имел свойство забывать, что такое страх. Не стань он коммерсантом, идеальный бы наемник получился. А о чем я говорил?

– О Пафнутии, – напомнил король.

– Ах да. Уже тогда мои киски были натасканы для охраны и закляты на верность, и никого чужого к себе не подпускали. Никто, впрочем, и не стремился. А принц Пафнутий моментально нашел с ними общий язык и тискал, как своих собственных.

– Кстати, раз уж речь зашла о Пафнутии… – оживился король, и Кантор понял, что в очередной раз попал. – Насколько близко вы были знакомы?

– Насколько может быть знаком обычный бард с представителем королевской семьи. Сема Подгородецкий как-то представил меня, и мы пару раз встречались после того. Да, точно два раза. Пафнутий был у меня в гостях и баловался с моими леопардами, а потом я был у него в гостях и имел честь посетить его кошатник. Помнится, кошки Пафнутия произвели на меня незабываемое впечатление, а сам он едва ли десять слов произнес за все время, что мы общались.

– Что ты можешь о нем сказать?

– То есть? – слегка опешил Кантор. – Вы же знаете его намного лучше, что я могу сказать вам нового?

– Я имею в виду не общеизвестные сведения. Ты в него не заглядывал?

– Не помню… Кажется, нет. Или заглядывал и ничего не увидел. Или увидел что-то, чего не понял. Словом, если бы я увидел что-то интересное, я бы запомнил.

– Так-так… – еще больше оживился король и заинтересованно уставился на Кантора, подавшись вперед и облокотившись на стол. – Ну-ка давай вспоминать. Что ты мог такого увидеть, чего не понял?

– Ваше величество, – взмолился Кантор, – давайте я лучше еще раз в него загляну. Когда коронация?

– Послезавтра. Тебя я беру с собой.

– И Ольгу тоже?

– А что?

– Ее такие сборища угнетают и расстраивают. Она еще после прошлого раза не отошла, до сих пор переживает, как опозорилась перед всей мировой общественностью. Вы же знаете, как она болезненно воспринимает такие вещи. Ей все время кажется, что она хуже

всех выглядит, что на нее все смотрят и насмехаются… Позавчера до слез дошло, а ведь она не слышала о себе всего того, что слышал я. Так ли уж необходимо ее таскать по светским мероприятиям? Вы ведь сами видите, что это причиняет ей боль.

Король выпрямился и опять откинулся на спинку кресла. Некоторое время он молчал, делая вид, что занят набиванием трубки, на самом же деле было видно, что он обдумывает ответ.

– Кантор, – сказал он наконец, – сейчас среди твоих знакомых крайне мало найдется людей, имеющих смелость нанести тебе оскорбление. По крайней мере, в глаза. Ты знаешь почему?

– Потому, что все знают, что из этого выйдет, – не замедлил с ответом Кантор. – Но при чем здесь я?

– А теперь вспомни, всегда ли так было?

– Нет, конечно.

– Именно. Репутацию человека, не умеющего прощать оскорбления, ты себе сам заработал. В благородных поединках и в примитивных мордобоях, побеждая и проигрывая, но ни разу не отступив и не оставив ни одного оскорбления без ответа. И разве неизбежные издержки поединков, ранения и побои, не были болезненны? Но ты же их пережил, и они лишь закалили твой дух.

– Ваше величество, – поморщился Кантор, – давайте не будем заниматься закалкой Ольгиного духа таким образом. Если ей надо будет, она его себе сама закалит. И сравнение вы выбрали, что в небо плюнули. Я мужчина и воин. А ей что, за волосы таскать каждую языкастую даму? В том числе из королевских семейств?

– Хорошо, – немедленно согласился король. – У меня есть сравнение получше, но об этом я не желаю говорить с тобой. Лучше я приглашу Ольгу и поговорю с ней. По душам, как в былые времена. А необходимость, о которой ты спрашивал, к сожалению, есть. Стоит лишь вспомнить последнее мероприятие, на котором она присутствовала. Как ни эгоистично с моей стороны это звучит, опозорилась она весьма продуктивно. Если бы опозорился я, было бы намного хуже. Для всех.

– Сравнение получше – это вы? – не смолчал Кантор. – Тоже не самое удачное.

– Ошибаешься, – усмехнулся король и сделал вид, будто сосредоточен на раскуривании трубки, которая якобы не желает раскуриваться. На самом же деле, как понял Кантор, его величество действительно не желал говорить о том, как близки ему Ольгины проблемы. Не желал, ибо заговори он об этом – получится нытье и жалобы, а ныть и жаловаться не подобает. Особенно зная, как относится к этому собеседник. Хотя в одном он прав – он, несомненно, лучший пример, чем Кантор. И возможно, король даст Ольге пару полезных советов, как сохранить достоинство, не опускаясь до примитивной драки. Но все же, чтобы успешно им следовать, надо быть хоть немного не такой, как Ольга.

– А теперь скажи мне, будь добр, – король погасил спичку и поднял наконец глаза, – за что ты расквасил нос и подбил глаз соседу по комнате?

Хорошенькая перемена темы! Когда только узнать успел?

– Вам уже пожаловались? – нехорошо ухмыльнулся Кантор. – Это наше с ним дело, и мы сами разберемся.

– Охотно верю, что разберетесь, однако Флавиус был очень недоволен. И просил меня с тобой серьезно поговорить. Вот я и говорю: не смей калечить моих придворных, вредитель. Что он тебе сделал?

– Дайте я догадаюсь. Господин Флавиус не просил вас со мной поговорить, он хотел сделать это сам, но вы ему не позволили, зная, как я к нему отношусь.

– Кантор, ты не ответил на мой вопрос.

– А я и не собирался. Пусть потерпевший сам и ответит, раз уж взялся жаловаться.

– Он вовсе не жаловался, коль на то пошло. Но должен же он был как-то объяснить происхождение травмы, а у Флавиуса всякие «падения с лестницы» не проходят. Он тебе что-то сказал, что тебя так разгневало, или же попытался подшутить, как обычно бывает с новенькими? Должен заметить, что реагировать таким образом на шутки есть признак неуверенности в себе и…

– А так шутить есть признак идиотизма, – перебил его Кантор. – Пусть скажет спасибо, что я его не убил и не переломал пальцы. Не вмешивайтесь, и Флавиус пусть не вмешивается. Мы не дети. Можно подумать, вы не знаете, что «шутки» над новенькими – это обычно проверка, и если…

– Можешь не сомневаться, если ты хотел доказать, что с тобой шутить нельзя, то ты своего добился. Только скажи мне, хотя бы по секрету, если это не фамильная тайна или что-то вроде того, каким образом ты ухитрился ударить мага сквозь два щита?

– Так получилось, – развел руками Кантор. – Откуда я знаю, может, щиты были от чего-то другого.

Его величество хотел продолжить свои настырные расспросы, но, к счастью, ему помешали. В кабинете появился придворный маг в сопровождении телепата из департамента Безопасности и сообщил, что опять явился посланник от господина Дорса. Таким образом, разговор о побитом соседе благополучно увял. И хорошо, а то ведь король бы не отстал…

– Господа, займите свои места, – скомандовал король, доставая из сейфа бутылку. – Кантор, прежде чем занять свое место, допей все, что здесь есть. Мэтр, через пять минут пусть просят посланника войти. Кстати, это тот же или другой?

– Тот же, – кратко пояснил мэтр Истран.

– Вот как? Я приятно удивлен… – усмехнулся король. – Чем же, действительно, так провинился бедняга Ганзи перед своим боссом? Сейчас попробуем узнать…

На этот раз посланник был перепуган еще сильнее, чем в прошлый свой визит. Если его величество поставил перед собой цель нагнать страх на этого сморчка, то он, несомненно, ее достиг. В руках господин Ганзи сжимал небольшой металлический ящик, по всей видимости не особенно легкий. А может быть, руки у него дрожали просто от страха, а не от тяжести груза.

– Рад вас видеть, господин Ганзи, – приветливо улыбнулся король.

«Умеет же прикидываться, – мимоходом подумал Кантор. – Можно подумать, он и в самом деле так рад видеть посланника от Дорса с какой-нибудь свеженькой гадостью. А господин Ганзи тоже не дурак, прекрасно понимает, что добрая улыбка его величества – это улыбка кошки, играющей с мышкой. Что же там в ящике, интересно знать. То, что я думаю, или что-то более… невинное?»

– Приветствую вас, ваше величество. – Посланник низко поклонился, едва не уронив при этом свою ношу.

– Что это вы мне такое занятное принесли? – Его величество был сама любезность, как будто кто-то поверил бы, что его предположения касательно содержимого ящика чем-то отличались от предположений Кантора.

Ганзи осторожно поставил ящик на стол, однако открывать не стал.

– Босс просил передать вам… это. Также он просил вам передать, что если обнаружит вблизи себя еще хоть одного вашего агента, то за любопытство вашего величества заплатит известный вам человек.

– Странно, – удивлению Шеллара не было предела, – почему он решил, что это был именно мой агент?

– Покойный сам в этом признался, ваше величество.

– Глупости какие! – Король открыл ящик и заглянул внутрь. – Впервые вижу этого господина. Впрочем, я все равно не знаю в лицо весь штат своей разведки. Разумеется,

я спрошу Флавиуса, но все же у меня есть обоснованные сомнения, что этот несчастный сказал вам правду. Он вполне мог назвать любое более-менее правдоподобное имя, чтобы скрыть истинного своего нанимателя. Жаль, что здесь только голова, если бы вы привезли его живым, мои сотрудники, возможно, докопались бы до правды.

– Как бы там ни было, ваше величество, я изложил вам требование босса.

– Милое требование – свернуть всю агентурную сеть в Новом Капитолии! Чтобы, не приведите боги, никто из моих людей не оказался поблизости от господина Дорса! Он сам до этого додумался или посоветовал кто?

– Мне это неизвестно, ваше величество.

Соврал, поганец. Значит, ему это известно.

– И он всерьез полагает, что ради жизни одного человека я могу до такой степени пренебрегать интересами короны?

Панический ужас хлынул такой мощной волной, что Кантор невольно отступил от смотровой щели и бросил все силы на то, чтобы сосредоточиться и отогнать от себя чужое чувство. Прием был на редкость ярким и полным – ему мерещились застенки, всевозможные инструменты из инвентаря толстяка Тедди и лично господин Флавиус. Король между тем продолжал:

– Видят боги, господин Ганзи, я всегда уважал вас и не питал к вам личной неприязни, но, как мне кажется, ваш босс в своих требованиях перешел все границы. Либо он действительно настолько глуп и жаден, либо… даже не знаю, что сказать. Он ведь прекрасно осведомлен о том, каким объемом информации о нем вы располагаете, и без боязни отправляет вас ко мне. Неужели он так уверен, что вы сможете – и захотите – сохранить в тайне все, что вам известно, если я вас как следует спрошу?

– Босс полагает, что вы не посмеете. – Голос посланника стал неживым и едва слышным. А в потоке ужаса, который продолжал исходить от него, Кантор с трудом уловил нечто похожее на горечь… или обиду…

– Вы говорили с ним об этом? – заинтересовался король.

– Да, – честно признался Ганзи. – Он сказал, что вы не посмеете причинить мне вред.

– Вы в это верите?

– Не знаю.

– А сам он, вы полагаете, в это верит?

– Вы сами сказали, я слишком много о нем знаю. Если бы не верил, он бы не дал вам в руки такой источник информации о себе.

– Хотите, я вам растолкую кое-что, чего вы не понимаете?

– Я весь внимание, ваше величество.

– Так вот, господин Ганзи, ваш босс действительно не настолько глуп. Просто у него есть запасной вариант, на случай если очередное требование приведет к утечке информации. Он не станет выполнять свою угрозу, так как это равнозначно полной утере контроля надо мной, и пошлет ко мне нового беднягу, которого ему не особенно жаль. Спорное требование будет немедленно снято, а взамен будет выставлено новое – не пользоваться добытой от вас информацией. И так можно продолжать игру до бесконечности – снимать одно требование, выставлять новое, издеваться над заложником время от времени, но не убивать, пока не найдется более надежный метод давления… или пока я не стану слишком мешать почтенному магнату. Одно мне непонятно – почему все-таки вы стали первым?

– Не знаю, – тихо ответил посланник, стараясь не встречаться взглядом с королем. – Одно могу вам сказать точно – если бы босс желал от меня избавиться, он бы сделал это намного проще и быстрее.

– А у него действительно есть такая возможность? Я имею в виду, он ли сейчас отдает приказы и принимает решения, или же это делает кто-то другой, кто встал за спиной господина Дорса, воспользовавшись бедственным положением последнего?

В точку попал его величество. Ох и дернулся бедный посланник, ох и заметался, сердешный!

– Мне отдает приказы босс, – тихо, но твердо ответил он, и это была не совсем правда. Вернее, это была правда, но слишком уж чувствовалось в этой правде внезапно вспыхнувшее подозрение.

А король, как нарочно, тянул паузу – закурил трубку, несколько раз прошелся по кабинету, изображая большую задумчивость. Затем остановился перед посланником – Кантор готов был поспорить, что его величество специально поглядел на него сверху вниз и демонстративно выпустил дым поверх головы собеседника. В лицо не получалось никак – либо на корточки пришлось бы сесть, либо на четвереньки стать.

– Я тут подумал… – сказал король наконец, когда дальше тянуть паузу было уже нельзя. – Пожалуй, сворачивать всю сеть нет необходимости. Достаточно законсервировать. И разумеется, в окружении вашего босса моих агентов не будет. Если они есть, я прикажу Флавиусу их срочно отозвать. – Король покосился на стол и добавил: – А ящичек я себе оставлю. Пригодится в хозяйстве. Может, когда-нибудь при оказии верну.

Посланник поблагодарил его величество и поспешил покинуть кабинет, пока король не передумал. Минуту спустя последовала команда выходить, а затем – краткий отчет штатного телепата. Сегодня парню повезло больше – он услышал, что в злоключениях бедняги Ганзи виноват не только босс, но и еще один человек. Именно его и не посмел назвать посланник, когда прозвучал вопрос о возможных советчиках босса, и именно его, видимо, заподозрил в нехороших намерениях на свой счет. Больше ничего интересного телепат не услышал – страх слишком заглушал всякие связные мысли объекта, к тому же слушать приходилось издалека и через перегородку. Короля не интересовали ни оправдания невезучего сотрудника, ни причины его столь ничтожных успехов, и он отпустил его, не дослушав.

Когда Кантор покинул свое убежище, Шеллар долго и пристально в него вглядывался, словно не верил своим глазам, затем с некоторым удивлением поинтересовался:

– Извини, Кантор, но… ты-то чего испугался?

– Это не я, – объяснил Кантор, без приглашения падая на ближайший стул. – Это он испугался. А я его страх поймал. Весь, сколько его было. А что, очень заметно?

– Взгляни на себя в зеркало. Ты серого цвета, словно какой-нибудь зомби, и у тебя до сих пор дрожат руки. Это серьезно?

– Пройдет, – чуть поморщился Кантор. – Зато вы можете своими глазами видеть, как здорово вы этого гнома напугали. Он вам чуть ковер не испортил.

– Хорошо… – как-то не в тему отозвался король.

– Что хорошо? Что напугали?

– Раз он все же ушел без комментариев, значит, мало напугал. А хорошо, что он полугном. Чистокровный человек мог и в самом деле испортить мне ковер.

– Вы хотите сказать, гномы смелее, чем люди? – тут же начал заводиться Кантор.

– Нет, у них сфинктеры крепче. Перестань придираться к мелочам, это всего лишь анатомия, и я вовсе не пытался обосновать какое-либо превосходство гномов над людьми. Лучше расскажи, услышал ли ты еще что-либо кроме страха.

– Подозрение. Там действительно кто-то есть, и он знает кто, просто до сих пор ему не приходило в голову, что этот «кто-то» может иметь на него зуб. А еще… Трудно сказать… мелькнуло что-то невнятное, не то обида, не то горечь, такое чувство, словно тебя предали.

– Замечательно, мой план действует. А еще?

– Да все. Больше ничего. Разве что могу теперь совершенно точно вам сказать: вы с ним действительно родня. Только не задавайте глупых вопросов: по какой линии и тому подобное.

– Что ж, раз это все, вернемся к нашему разговору о твоей безобразной драке с мэтром Варгисом…

– Ваше величество, – попытался уклониться Кантор, – я пьян и вряд ли скажу вам что-либо толковое…

– Ты хочешь сказать, – усмехнулся король, – вряд ли ты можешь соврать что-нибудь толковое.

– Я не собирался ничего вам врать, я вообще ничего вам не буду объяснять. Сказал же – сами разберемся.

– Охотно верю, однако мне не хотелось бы, чтобы через пару дней та же беда приключилась еще с кем-то из твоих напарников.

– Мне тоже, – проворчал Кантор. – Но остальные вроде нормальные.

– Ужасный ты человек, – вздохнул король.

– Так выгоните меня, на фиг.

– Да нет уж, потерплю. Итак, пригласи ко мне Ольгу на завтра на двенадцать, послезавтра будь готов к девяти, во вторник в семь явишься за инструкциями. А сейчас прикажи секретарю срочно вызвать Флавиуса.

– Спрашивать? – полюбопытствовал Кантор, кивнув на ящик.

– Что тут спрашивать, – досадливо поморщился король. – Этого парня я лично инструктировал. А Флавиус сейчас будет выяснять, на чем он засыпался. Осторожно и бережно, чтобы господин Дорс не обнаружил вблизи себя наших агентов. И еще мой верный министр должен объяснить мне одно весьма неприятное событие… Ты разве не слышал?

– А что случилось?

– Похвально, конечно, что ты так увлечен работой, но нельзя же не знать последней новости, о которой уже шепчется вся столица. Нынче ночью кто-то разворотил могилу господина Хаббарда. И по долгу службы Флавиус обязан этим заняться. Можешь радоваться – в ближайшие дни ему будет не до тебя с твоими драками.

Глава 4

Никогда не знаешь, какой номер могут выкинуть мюмлы.
Т. Янссон

На этот раз дядя Гриша отказался предоставить свое помещение для встречи, мотивируя это недавними неприятностями, и группа собралась в Галланте, у Мишеля. Настроение у всех и так было печальное после беседы с Главным, и усугублять всеобщее уныние никому не хотелось, но ничего, что могло бы хоть немного поднять упавший боевой дух, в их распоряжении не было. Водка, которую традиционно притащил дядя Гриша, не помогла, и встреча превратилась в мрачную попойку. Сегодня здесь были все – уже знакомые нам: дядя Гриша, Саня, Жорик, а также Мишель из Галланта и Пьетро из Мистралии. Мрачнее всех был агент Бранкевич, у него на это были свои причины. Во-первых, сегодня на ковре у Главного бесстрашный дядя Гриша открыто обвинил его в провале агента Хадсона. Так и сказал без обиняков: ты, Жорик, выслужиться хотел, показать, что ты самый умный, придумал красивый план, а о том, насколько это рискованно, даже не заикнулся, выполнять-то не тебе… Во-вторых, вспыльчивый Саня Сидоренко, эти речи послушав, тут же в присутствии Главного врезал агенту Бранкевичу по морде, и теперь один глаз у Жорика почти ничего не видел. А в-третьих, что печально, Главный был полностью согласен с дядей Гришей.

Разговор не клеился, все больные вопросы обсудили еще у Главного, и теперь господа агенты вяло и без особого энтузиазма гадали о судьбе Пола Хадсона. Причем все при этом так выразительно посматривали на Жорика, что того аж коробило. В конце концов он не выдержал этого издевательства и решился на небольшую месть, высказав предположение, что бесстрашный дядя Гриша сам и прикончил Пола, а теперь строит из себя борца за справедливость.

– Делать мне больше нечего, – проворчал тот, не особенно и возмутившись. – Я его к Главному отвел. Есть у меня, знаете ли, сомнения, что он нам правду сказал. Все-таки мне кажется, что он человек спонсоров, так что пусть они сами и решают, куда его девать. Вот кого бы я с удовольствием прибил, так это Лисавету. Сколько она, зараза, из меня кровушки выпила!

– У человека и нету столько, – согласился Мишель. – А может, и надо было?

– Чтоб первый же некромант, которому поручат ее допросить, узнал о моей роли в этой истории? Уж она бы не стала меня покрывать, коварного да неверного, все бы усилия приложила, чтоб отомстить. Все бы донесла, что я ей говорил и куда направлял, и еще от себя бы добавила. Ты что, даже необходимый курс теории магии прогулял? Я и так еле отмазался, сделал вид, что меня просто позвали, не объяснив для чего.

– Так есть же простой способ – тело в Америку вывезти, и никто не найдет. А без тела некромант не может. Вот как Саня сделал.

– Нет, ребята, знаете, я уж лучше перестрахуюсь. Чтоб вы знали, деду Максу, в отличие от местных некромантов, тело не требуется, и, если он пожелает влезть в это дело лично, никакая Америка не поможет. Есть такая хорошая штука, отбеливатель, с двадцать первого века сохранилась. Полезнейшая в нашей работе. Начисто отшибает память, и никакой маг не восстановит, поскольку препарат полностью химический, без всякой этой нейролингвистики и прочих высоких технологий. Теперь, что бы с принцессой ни делали, меня она в любом случае не сдаст. Плохо другое. Придется все сначала начинать, а с кого начинать, даже не знаю. Да ладно, все равно надо будет хоть пару лун выждать, пока все уляжется. И Сане придется некоторое время отсидеться, пока не успокоится исполнительный господин Андростратос.

– Если не дольше, – проворчал Саня. – Андростратос уже почти успокоился, а вот мои подельники попрятались по своим норкам, и им вряд ли хватит пары лун, чтобы отойти от испуга. Как королями стать, так всем хочется, а как на кол садиться…

– А тебе на их месте хотелось бы? – съехидничал Жорик, все еще обиженный за подбитый глаз.

– Ты за собой смотри, – безжалостно оборвал его дядя Гриша. – И думай заранее, что будешь делать, когда Шеллар все-таки порвет твой поводок. Чтобы потом не встретить сей роковой час неподготовленным.

– Пока до этого дойдет, – возразил Жорик, – я успею как следует укрепить позиции, так что Шеллар уже ничего не сможет сделать ни мне, ни Багги.

– Молодежь… – грустно развел руками старший товарищ. – Сами работать не умеют и советов не слушают. Полагаю, господин Хаббард за сутки до своей смерти был так же свято уверен, что максимально укрепил позиции и что Шеллар ему ничего не сделает.

– Убьют тебя, дурила, – добавил Саня. – Вместе с твоим компаньоном. Как только у вашего Шеллара будут развязаны руки, первое, что он сделает, – посчитается с вами. И заодно разберется со всеми проблемами, что вы ему доставляете. Причем изобретать несчастные случаи или еще как церемониться не станет, стрела в затылок – и попробуй доказать, по чьему велению. Могу поспорить, официальная версия будет гласить: «До господина Дорса все-таки добрались кинутые им мистралийцы и заодно случайно пришибли оказавшегося рядом ортанского купца, в чем от всей души раскаиваются и приносят глубочайшие извинения…»

– А попробуй его кто-то обвинить, – добавил дядя Гриша, – сделает большие удивленные глаза и разведет своими граблями: «Какой господин Айзек? Кто это такой? Никогда о нем не слышал…» Прохлопали мы возможность его приструнить, да ничего уж не поделаешь. Не успели наши подготовить для него бабу, а неподготовленную посылать не рискнули. А баба – это единственное, на чем его можно было поймать. Теперь поздно, теперь и на этом не поймаешь.

– Значит, убирать его надо, – сделал вывод Саня.

– Возможно, но не сейчас. Сейчас слишком опасно, попасться можно. Немного позже. Главный правильно сказал – сначала разобраться с дедом Максом, потом убрать из Ортана его верного Мануэля, а уж потом…

– А от меня каждый божий день результаты требуются… – горестно вздохнул Мишель.

– Так тебе вроде бы проще всех, – заметил Саня. – Короля свергать не надо…

– Да уж лучше бы надо было! Поверьте, монсиры, свергнуть этого алкоголика было бы плевым делом, а вот заставить его делать то, что надо… Во-первых, он, проспавшись, начисто не помнит, что обещал вчера, во-вторых, имеет склонность резко менять свое мнение после разговора с придворным магом и, в-третьих, никакими делами практически не занимается.

– Ты напрасно тратишь на него время, – сказал дядя Гриша. – В твоем случае лучше было бы взяться за королеву. Именно она занимается всеми теми делами, которыми пренебрегает ее муж. И еще она озолотить готова добродетеля, который избавил бы ее от постылого супруга. Чего ты, Саня, морщишься? Понятное дело, не красавица, не семнадцать лет, потрепана жизнью, но в целом вполне справная тетка. Ты с Лисаветой дела не имел, вот и морщишься.

– С этой бы я вообще не смог, – признался агент Сидоренко. – Как вы ее до сих пор терпели, дядя Гриша? Охотно верю, что вам было бы приятно ее прибить.

– А вот так и терпел. Такая у нас работа, за это нам деньги платят.

– Насчет королевы вы правы, – вздохнул Мишель, – но она сейчас зациклилась на своей беременности, отошла от светской жизни и на мужчин временно не обращает внима-

ния. Может, потом, когда родит, можно будет… Кроме того, возле нее все время вертится их придворный маг, черти раздери это эльфийское отродье! Как бы мне от него избавиться, а? Ничего не посоветуете?

– Одно могу посоветовать: не пори горячку и ни в коем случае не пытайся подстерегать в темном коридоре и стрелять в спину. Это маг. Высокого уровня. Ты никогда не знаешь, сколько на нем щитов и от чего именно, ты никогда не можешь быть уверен, попал ли ты куда целился, и, даже видя безусловно мертвое тело, ты не будешь иметь гарантии, что оно не встанет и не даст тебе сдачи. Если тебе так уж необходимо, найми специалиста. Есть особая каста наемных убийц, которые специализируются именно на магах. Они безумно дорого стоят и, возможно, с мэтром Аленом побоятся связываться даже они, но на крайний случай можешь попробовать.

– Ага, – проворчал Жорик, – я одного такого нанимал. Джоана из него кисель сделала прежде, чем он успел перелезть через подоконник. Уж лучше заложить противопехотную мину или там взрывчатки пластиковой…

– Опять ты за свое! Главный что, неясно сказал – не светиться с технологиями, действовать исключительно местными методами! Достаточно того, что местные обнаружили кубик. Причем не кто попало, а Шеллар, у которого хватает консультантов, не зря же он переселенцев приваживает. Еще один такой прокол – и нас вычислят! Если уже не вычислили. Тебе мало того, что ты устроил в Лондре?

– Нет, вы слышали? Я устроил! Я, значит, виноват, что Пол ничего не способен сделать толком?

– Пол все сделал правильно, – опять перебил его дядя Гриша. – Он рассказал чистую правду, Мишель там был и подтверждает. Сам план был рискованный, я об этом уже говорил, но никто не послушал. Да, виной всему глупая случайность, но, когда все на соплях делается, вероятность таких случайностей возрастает, и, поверьте моему опыту, они непременно случаются. И правильно сделал Пол, что убежал, если бы он остался и попытался отмазаться, ему бы никто не поверил.

– А с чего местные за этот кубик так схватились? – решился наконец спросить Пьетро. – Ну понятно, рухнула какая-то корова и свалила. Но почему она на него внимание обратила? Мишель ведь говорил, там все в кучу смешалось и его не видно было… Да если даже и видно, мало ли что могло свалиться! Чего она разоралась?

– А съемку кто-нибудь вел? – поинтересовался дядя Гриша. – Мишель, это к тебе вопрос. У тебя этот момент заснят? Ты же один там был, мы все особы недостаточно приближенные.

– Есть у меня этот момент. – Мишель с готовностью пошарил в столе и добыл из футляра мини-диск. – Но почему-то с огрехами получилось, сам не знаю почему. Пятна какие-то посторонние. То ли на объектив что-то село, то ли аппаратуру надо техникам сдавать для проверки…

– Но сам момент падения хорошо виден?

– Виден. Вот смотрите…

– Ага, смотрим… Помедленнее вот здесь, покадрово, и глядите внимательно… О, останови. Это и есть та самая рухнувшая корова, как выразился Пьетро? Не особенно она похожа на корову, очень изящная, миленькая девушка, хотя поморцы бы не оценили…

– Наслышан я об этой миленькой девушке, – подал голос Жорик. – Ганзи мне рассказывал, как ее пытались похитить и что из этого вышло. Особенно меня умилило описание дона Аугусто, вплавленного в стенку и помещенного затем в музей…

– Да, ребята, – согласился дядя Гриша, – это вам не какая-нибудь корова или дура, а особа известная, причем как геройски, так и скандально. Шашни с королем, нежная дружба

с королевой, убиение дракона, это мы все слышали, и значения это в данном случае не имеет. Учитесь, мальчики, выделять главное.

– Она переселенка! – выкрикнул Жорик. Как отличник-промокашка на уроке, счастливый безмерно оттого, что первым догадался.

– Правильно. В этом все дело. Она переселенка из довольно поздних времен, когда люди уже многое знали. Ты помнишь, Жорик, что я тебе говорил насчет Шеллара и его переселенцев? Ну и что ты теперь можешь мне возразить? Вот из-за чего погорел Пол. Именно из-за того, о чем я тебя предупреждал. Еще бы она не разоралась, увидев твой хваленый кубик там, где его никак не должно быть! И ты бы на ее месте разорался. А дальше, разумеется, все пошло так, как и должно было. Вот подбегает Шеллар, обратите внимание, как он шустро выхватил кубик прямо из-под пальцев принцессы Элизабет… Хоть и слывет нескладехой, а где надо не плошает. Опять же длина рук кое-что значит. Знаете, ребята, мне иногда кажется, что этот хитрый гном постоянно притворяется безобиднее, чем есть. А на самом деле он и фехтовать умеет, и в рукопашной тренирован, и знает намного больше, чем показывает… А это еще что такое?

По экрану монитора, покадрово перемещаясь вместе с остальными бегущими людьми, двигалось размытое серое пятно. Только не бежало по полу, как все, а скакало над головами, ловко перепрыгивая от колонны к колонне.

– Я же говорил – запись с огрехами, – виновато пояснил Мишель. – Не знаю, вроде бы объектив был чистый… Аппаратура тоже исправна, я уже снимал после того… Прямо мистика какая-то!

Дядя Гриша снисходительно усмехнулся и подкрутил усы, оглядывая этих молодых лопухов. Напрасно, ох напрасно Главный их сюда насовал, сопляков необученных, так уж торопился своих внедрить куда только можно… Разве что Саня еще на что-то годен, он из старых. Из Жорика можно было бы со временем воспитать что-то более-менее толковое, если регулярно бить морду для искоренения самонадеянности. Пол вообще не годился для такой работы – слабоват, трусоват… Мишель и Пьетро кое в чем молодцы, но как этим пацанам не хватает иногда элементарных знаний, которых им в свое время недодали! Торопились обучить, сроки поджимали, деньги экономили… Вот и прислали. За счет чего можно сократить курс? А за счет теории магии, зачем она им, не будут же они на магов учиться. Лучше лишних десяток часов на искусство интриги кинуть. И теперь эти недоучки задают глупые вопросы. Как избавиться от мэтра Алена! Да никак, бестолочи, и примите это как аксиому! Магистр пяти стихий седьмой ступени, бакалавр Чистого Разума четвертой, потомственный боевой маг, четверть-эльф, сын Алиенны, внук Аэллана… Нет, можно, конечно, и такого в спину, из-за угла, но не вам же, соплякам, за это браться, и даже рассуждать об этом вам не стоит. Мэтресса Морриган вам случайно не мешает? С ней не хотите попробовать повоевать? И во всем остальном этот Мишель, как и его коллеги, вопиюще некомпетентен. Непонятно ему, что это за пятно тут вместе со всеми бежит, мистика, видите ли, да еще «какая-то»! И все остальные с ним согласны, потому как никто больше не понимает, на что именно пялится. На курсах не объяснили, жлобы, урезали теорию магии, и теперь добрый дядя им должен на общественных началах все объяснять!

– Это не брак съемки, ребята, – со вздохом пояснил дядя Гриша. – И не грязь на объективе. Присмотритесь и запомните, раз уж вам этого на курсах не объяснили. Вот таким образом выглядит на снимке заклинание невидимости. Если очень высокого уровня.

– А если низкого?

– Чем ниже уровень, тем четче виден человек. Понятно? Никакой мистики. Нормальная магия. Просто вы мало о ней знаете.

– Там же сигнализация стояла! – возразил Жорик. – Она же должна была сработать!

– Должна была, – согласился дядя Гриша. – Но, надеюсь, вы знаете хотя бы элементарные азбучные истины? Всякое заклинание можно перебить другим заклинанием – более высокого уровня.

– Да кто мог быть круче Морриган? – не унимался Жорик.

– Вот сам и ответь на свой вопрос. Я уже, кажется, говорил вам, что они тут шляются.

– Эльфы?

– Они, паразиты остроухие. Да вы посмотрите, как он скачет, не всякая обезьяна так сумеет, не то что человек. Тарзан, блин, выискался… Надо срочно Главному доложить. Жорик, персонально для тебя поясняю: доложу я сам, а не ты помчишься вперед всех, выдавая мои выводы за свою гениальность. Там кроме выводов куча дополнительных пояснений и деталей, которые Главный поймет, а вам объяснять – только время тратить. Пока ничего не предпринимайте, возможно, придется срочно свертывать всю нашу деятельность и таиться на неопределенное время. Эльфы – это не шутка. Хоулиан, бессменный часовой на заборе, есть общеизвестный разгильдяй, которого отстранили от инспекционных поездок за бестолковость и слабость к прекрасному полу. Зеленое чудовище, которое довело до истерики Лисавету и учит всяким непотребствам молодых принцев, я тоже знаю, и этот парень тоже разгильдяй редкостный. А под их прикрытием здесь разгуливает некий третий эльф. Заклинание высочайшего уровня – раз, ничего не делал во всей заварухе, только наблюдал – два, другие эльфы для прикрытия – три. Ребята, чует мое сердце, что мы имеем дело с Темной Канцелярией Раэла и что на этот раз инспектор попался серьезный. Так что давайте быстренько обсудим, что у нас еще есть, и я побегу докладывать.

– Вот, я хотел вам еще одну интересную физиономию показать, – вспомнил Мишель и торопливо защелкал кнопкой. – Поверьте, когда я это увидел, мне чуть плохо не сделалось… Смотрите!

– Да, сочувствую, – согласился дядя Гриша. – Сходство разительное, с первого взгляда, да еще издалека, действительно можно, грешным делом, подумать, что дед Макс явился с персональной инспекцией. Предварительно омолодившись лет на двадцать. Это кто? Я его что-то не припоминаю.

– Я не знаю. Он из свиты Шеллара, кажется, телохранитель.

– Я знаю, – охотно поделился агент Бранкевич. – Это тот самый Кантор, из-за которого мой компаньон понес такие убытки. Я сам его не видел, его видел на этом сборище Крош и, когда рассказывал, чуть меч свой не перегрыз от злости. А Багги поведал мне об этом красавчике занимательные факты.

– Поделись, – заинтересовался Пьетро. – Может, я своим подкину, да президент перестанет на меня дуться. Помнится, этот парень у нас числится в розыске как особо опасный.

– А что мне за это будет?

– Жлоб!

– Жорик, – ласково попросил дядя Гриша, – не раздражай Саню, делись с товарищами. Какой ты ни есть любимый и ненаглядный у нашего Главного, если на тебя обидимся мы все, его любовь тебе не поможет. И не забывай ни на минуту, что в любой момент с тобой может приключиться то же, что и с Полом, и тебе придется мчаться к кому-то из нас за помощью. Вот когда станешь координатором, тогда и начнешь нос задирать. Да и в этом случае тебе все равно придется обращаться ко мне за советами.

– Хорошо, – сдался Жорик, которому очень не хотелось лишний раз раздражать Саню. – Помните Джоану, о которой я рассказывал? Тетка – магистр Чистого Разума восьмой ступени. Попыталась этого голубчика просканировать, после чего еле жива осталась. Ничего так, да? После этого она рассказала Багги, что Кантор – точная копия деда Макса, что ему доступна та самая шархийская магия, которой нас всех так пугает наш региональный координатор. Багги почему-то решил, что это и есть пропавший мистралийский принц, но потом

его разубедили. Ганзи добыл точный словесный портрет искомого принца, и оказалось, это совсем другой человек. Вот такие пирожки. Либо дед Макс здорово потаскался в молодости по этому миру, либо Ганзи ловко надул своего босса – одно из двух.

Дядя Гриша с сомнением хмыкнул.

– Если бы это был принц, Шеллар не выставлял бы его напоказ, да еще в такой опасной роли. Спрятал бы подальше, чтоб никто не видел и не знал. А то, что Макс таскался везде, куда пускали, ни для кого не секрет. Это у них семейное. Его бабка была жрицей Эрулы, если кто не знает. Его отец – Стив Чероки, опять же если кто не знает. Чего ты так на меня смотришь, Мишель, ты действительно не знал, что это псевдоним? Никакой он не индеец, потомственный шархи, и зовут его на самом деле Байли Рельмо, именно он отец нашего Макса. Ну вы даете, ребята… Так вот, раз уж и бабушка такая, и папенька, да и сынок знаменит на весь этот мир своими похождениями по дамам, чего ж самому Максу отступать от семейной традиции? Понятно теперь, зачем наш друг Жорик пытался залезть в личные файлы деда Макса! Хотел найти там информацию об этом не учтенном в истории потомке? И как?

– Не нашел.

– Может, ее там и нет. Тебе не приходило в голову, что Макс может и сам не знать, сколько у него детей на самом деле?

– Об этом он никак не мог не знать! Этот уже не первый год в подчинении у Мануэля, неужели бы Мануэль не заметил, как они похожи, и не доложил бы шефу?

– А тебе не приходило в голову, что на такую информацию у любого нормального человека хватает обычной человеческой памяти? Сколько ж должно быть детей, чтобы на каждого персональный файл заводить? Пятнадцать, двадцать? Все, конечно, может быть, только нам-то что с этого? Не собираешься же ты попытаться еще и Макса прижать? У тебя, должно быть, мания величия? Не смей этого делать. Ты ничего не добьешься, только раскроешь себя. Для начала попробуй справиться с тем, что у тебя уже есть, а Макс может быть безопасен только мертвым. Хотя я и в этом сомневаюсь, может статься, что мертвый он будет еще опаснее. И в его файлы больше не суйся, он наверняка принял меры. Все понятно?

– А если это все-таки принц? – несмело подал голос Пьетро.

– Не думаю. Хотя, если у тебя есть идеи, как проверить, попробуй проверь. Что, строишь планы, как вернуть расположение президента?

– Дядя Гриша, не смейтесь, это становится жизненно важно. У меня появился конкурент.

– Ого! Что еще за конкурент?

– Я его до сих пор не видел, но мои люди доложили. Его привел советник, вот тоже куда б этого советника деть, чтоб под ногами не путался… Высокий, Горбатый, полностью в гриме, разговаривает со всеми как с прислугой… Не знаю, что он втирает президенту, но президент его слушает. Что-то там готовится, а я не могу узнать, что именно.

– Ну вы в вашей отсталой Мистралии!..– ахнул Мишель. – Ты что, до сих пор не слышал?

– О чем?

– По всем королевствам на этого Горбатого ориентировки разосланы, – серьезно пояснил дядя Гриша. – За ним такой хвост, что слушать жутко. Организация трех покушений, дюжина трупов между делом, и еще, обратите особое внимание, некромантия. Так что ты с ним осторожнее, если это тот самый, то он силен в магии, а ты в этом ничего не смыслишь. В случае чего – срочно эвакуируйся.

– А еще можешь донести на него деду Максу, – посоветовал Жорик. – Вдруг старик соблазнится да решит сам с ним разобраться, вот нам всем повезет.

– Повезет дальше некуда! – рассердился дядя Гриша. – Был наш региональный координатор просто старым шархи, а станет каким-нибудь вампиром, вот будет весело! Бессмертный дед Макс! Сейчас он из нас кровь пьет в переносном смысле, а будет в прямом!

– Вампиров не бывает! – с уверенностью заявил Пьетро.

Дядя Гриша только головой покачал. Вот ведь присылают! Все экономят, куркули проклятые! Нашли на чем экономить! На теории магии! Много будет толку с таких агентов, которые свято уверены, что вампиров не бывает?

Ольга покинула королевские покои в состоянии, близком к истерике. Ей хотелось одновременно и разреветься, и кого-нибудь покусать. Если рассуждать трезво, король был полностью прав по всем пунктам, у него иначе и не бывает, он всегда получается прав, но зачем он вообще об этом заговорил? Ну почему все окружающие дня не могут прожить, чтобы не поучить ее жить! Кира тоже, подруга называется, с утра ввалилась и рассказала в красках, на что похожа Ольгина комната и что бы ее величество сделала с офицером своей гвардии, если бы обнаружила его обмундирование в таком состоянии, в каком Ольга содержит свои платья. «Да имела я в виду вашу гвардию! Моя комната, как хочу, так и содержу! И вообще, я к вам во дворец не напрашивалась, сами настояли, сейчас вот соберусь и уйду, на фиг!» – думала девушка. Нет, конечно, Кира правильно заметила, что если Ольге не хочется прибирать в своей комнате, то это ей и не нужно делать, для этого у нее есть служанка. Но не объяснять же Кире, что…

Во-первых, Ольга не любит, когда в ее вещах копаются чужие люди. Во-вторых, на днях она честно хотела подмести в своей комнате, но так и не нашла, где взять веник и совок, а спрашивать не решилась, опасаясь осмеяния. В-третьих, служанку свою Ольга видела всего раз и в лицо не запомнила, а как зовут, забыла. Рассказать это все ее величеству – засмеет. И как теперь искать эту нерадивую служанку, которая вообще не показывается, как будто задницей чувствует, что госпожа Ольга не знает, где ее искать? Выйти в коридор и громко кричать: «Эй, кто тут мою комнату должен убирать?» Посмешище… Так мало ей было Киры, еще и король взялся морали читать о самооценке и позитивном мышлении. Может, в другое время она бы выслушала с должным вниманием и сделала для себя выводы, но не сейчас. Сегодня полезные советы его величества Ольгу только разозлили и еще больше расстроили, торопясь в свой родной свинюшник, она желала только одного – чтобы Диего куда-нибудь ушел или уснул, не дождавшись ее. И чтобы можно было спокойно сесть и всласть поплакать, никому ничего не объясняя.

От открывания двери пинком ее удержало только опасение покалечить туфельки или пришибить любимого мужчину, если он вдруг окажется слишком близко. Она сердито, но не слишком быстро толкнула дверь и остановилась на пороге, не находя слов от возмущения. В комнате опять вовсю шла попойка! И как, скажите, можно содержать это помещение в состоянии хоть немного отличном от состояния хлева? Ладно еще, если бы это был Элмар, Элмару она бы простила, но не этой толпе разгильдяев!

В самом большом кресле, рядом с изрядным бочонком пива, восседал вечно счастливый Толик с огромной кружкой и как раз комментировал:

– Не умеют у вас в Ортане делать приличное пиво!

– Ты просто еще не пробовал, как его не умеют делать в Мистралии… – мрачно отозвался Плакса, которого качество пива, видимо, волновало меньше, чем его вечные творческие проблемы. – Привет, Ольга. Дверь прикрой, а то еще заглянет кто-нибудь и увидит Толика.

– Какого черта вы тут делаете? – Ольга хлопнула дверью так, что Мафей испуганно вздрогнул и пролил пиво на ковер. Как же, будет этот ковер чистым!

– Пиво пьем, – жизнерадостно отозвался Толик. – Пиво отвратное, но пить можно. Тебе налить?

«Гады! Сборище обнаглевших алкашей! Да что ж это такое, приходишь к себе домой, и даже поплакать негде – по всей комнате расположились жизнерадостные мужики со своим пивом!» – разъярилась Ольга. Ввиду невозможности реализовать свое желание поплакать, она не удержалась от того, чтобы на ком-то выместить весь свой праведный гнев:

– Вам что, больше пива негде попить, кроме как в моей комнате? Вам тут что, кабак? Вас кто-то приглашал?

– Перестань кричать! – Диего резко отставил кружку и выпрямился. Наверное, встать собрался, дабы с более достой-ным видом объяснить, что их пригласил сюда он. – Мало того что некоторые друзья, сволочи, продают меня, как хинскую невольницу, так еще и ты орешь, как на прислугу!

– От сволочи слышу! – огрызнулся Плакса. Только тут Ольга заметила, что оба приятеля косятся друг на друга с непривычной агрессивностью, как будто их только что насильно растащили и не дали подраться.

– А ты заткнись, тебя не спрашивали! – так же зло огрызнулся Диего и продолжил: – Чем тебя так достал король, что ты с порога на людей кидаешься? До сих пор тебе нравилось, когда к тебе приходили гости.

– Король, между прочим, никогда себе не позволял вот так нагло вваливаться ко мне с толпой гостей и сидеть тут с пивом, даже не осведомившись, как я к этому отнесусь!

– Ну вот… – огорченно вздохнул Мафей. – Мы так надеялись, что он успокоится, когда ты придешь… А ты ругаться…

Диего все-таки встал, и его глаза гневно полыхнули.

– Если я здесь лишний, могу и уйти!

Таким рассерженным Ольга его еще не видела и даже испугалась слегка, но не убегать же теперь! Не хватало еще, чтобы все увидели ее испуг и решили, что достаточно на нее грозно посмотреть, и можно качать права!

– Вообще-то лишние здесь все остальные, но если тебе приспичило строить из себя обиженного, то можешь к ним присоединиться!

– Не надо! – Плакса поспешно вскочил и встал между ними, разведя руки в стороны, будто они драться собрались. – Ольга, не ругайся, мы сейчас уйдем! Кантор, молчи! Молчи, не смей! Сейчас скажешь, потом пожалеешь!

– Не твое дело! – резко ответил Диего и грубо оттолкнул его руку: – Убери руки! Только попробуй надо мной колдовать, морду разобью!

– Вы еще подеритесь тут! – негодующе вскричала Ольга и только тут заметила, что стоит на пороге, уперев руки в бока, как живая иллюстрация к опере «Запорожец за Дунаем» или известному анекдоту про тюбетейку. Национальный инстинкт, что ли, упирать руки в бока? Впрочем, иначе их девать некуда… – На улицу идите драться! Нашли место!

– А ну замолчите все! – чуть повысил голос Толик, хлопая себя по карманам. – У меня «брехунец» звонит! Тихо!

Ольга послушно замолчала, наблюдая, как он выуживает из кармана нечто напоминающее гибрид мобильника с ноутбуком, и тычет в кнопки пухлым пальчиком. Диего, разумеется, замолчать и не подумал, равно как и его приятель. Где это видано, чтобы два готовых подраться мистралийца остановились только из-за того, что кто-то рядом собирается говорить по телефону! Это только у Ольги пережитки цивилизации проявляются таким образом, а эти двое продолжили выяснять отношения, даже не понижая голоса.

Толик перекинулся с кем-то парой фраз и тут же испарился, посетовав, что ему не дают попить пива, Мафей испуганно похлопал глазами и тоже решил удалиться, а мистралийцы все яростнее орали друг на друга, стремительно жестикулируя и гневно сверкая глазами.

Говорили они очень быстро и по-мистралийски, и Ольга не успевала понять всего. Кажется, Диего доказывал, что никто не имеет права на него кричать, будь то друг или женщина, и вообще, имел он таких друзей, которые его продают, а королю он сейчас морду набьет… Гм, королю-то за что? А Плакса объяснял, что Кантор дурак, не ценит доброго к себе отношения, не способен самокритично взглянуть на себя со стороны, и в ответ на справедливые упреки встает в позу, кидаясь дешевыми угрозами. И лучше бы ему действительно заткнуться, сесть и подумать над своим поведением. Если он сейчас еще хоть слово скажет Ольге, то они поссорятся, а девушка ничего против него лично не имеет, просто очень расстроена и хочет побыть одна. Блин, говорил же кто-то, что Плакса эмпат, как же она не подумала… Он же ее прослушал и тут же понял, что она хочет поплакать… Во позорище… Да уйдите вы отсюда хоть куда-нибудь, не травите душу! Вон Мафей испарился сразу же вслед за Толиком…

Но никто никуда не ушел, а, напротив, буквально через две секунды народу в комнате прибавилось. За спиной Ольги кто-то быстро и довольно формально постучал в дверь и тут же эту дверь открыл, не дожидаясь ответа. Господи, ну на кой ей тут сдалась еще и Камилла!

– Что тут у вас за шум? – как ни в чем не бывало промурлыкала Камилла, оглядывая поле битвы. Оба мистралийца остановились и обернулись, причем Диего посмотрел на незваную гостью так, словно собирался ее убить на месте, а Плакса испуганно ахнул и сделал попытку удрать. Удрать не получилось. Полностью игнорируя убийственный взгляд Диего, Камилла шустро подскочила к Плаксе и цепко ухватила его за запястье. При этом она как бы мимоходом оттолкнула стоявшую на дороге Ольгу примерно так же, как когда-то отпихнула Этель ее более крупная подруга.

– Нет уж, не убегай, – неожиданно агрессивно и жестко потребовала Камилла. – Надо же, маэстро Плакса собственной персоной! Я тебя, засранца, восемь лет ищу! Теперь не отвертишься! А ну пойдем к королю, я из тебя все до медяка вытрясу!

– Сударыня! – попытался вырваться бедный бард. – Вы обознались! Я не должен вам никаких денег!

– Ах ты меня еще и узнавать не желаешь? Я что, так сильно состарилась? Заведение мадам Лили помнишь?

– Мадам! – покаянно заломил брови Плакса. – Если я имел неосторожность не расплатиться с вами за услуги, я это немедленно исправлю, и вовсе незачем посвящать в такие подробности короля!

– За услуги? – Камилла зашипела как кошка и свободной рукой отвесила бедняге солидную оплеуху. – Я тебе покажу, подлец, услуги! Ты мне за все семь лет заплатишь, бессовестный лжец!

У двери начали собираться привлеченные воплями слуги и придворные, Ольгу опять оттолкнули, и в комнату протиснулась Эльвира, возмущенно требуя, чтобы Камилла немедленно прекратила приставать к незнакомым мужчинам.

– Незнакомым? – продолжала разоряться Камилла. – Это тебе он, может быть, незнаком! А мне эта лживая скотина задолжала алименты за семь лет!

Эльвира немедленно изменилась в лице, и бедный алиментщик схлопотал еще одну пощечину. Диего рухнул в кресло и криво усмехнулся, наградив незадачливого оппонента презрительным взглядом.

– За что?! – чуть не плача, простонал Плакса. – Видит небо, я ни в чем не виноват! Эльвира, вернись!

Эльвира вышла, даже не обернувшись.

– Тебе же лучше, дурила! – ехидно проворчал Диего. – Денег у тебя все равно нет, зато какое чудесное решение проблемы с наследниками! Твоей будущей супруге вовсе не обязательно рожать тебе пятерых детей, раз она так этого не хочет! Пробежишься по местам своих скитаний, бастардов пособираешь – и достаточно!

Позади толпы, собравшейся в коридоре, раздался спокойный, негромкий голос короля:

– Все вон!

Толпа немедленно рассосалась, и его величество в сопровождении принца Мафея вошел в комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Камилла, – так же спокойно и негромко произнес он, – прекрати. Отпусти его.

– Он убежит, – возразила Камилла.

– Не убежит. Что за безобразие здесь происходит? Мафей сказал, что Кантор опять затеял драку, и я поспешил вмешаться, но, я вижу, ситуация несколько изменилась? Камилла, что ты имеешь против этого господина?

– Он должен мне алименты за семь лет, – повторила Камилла, неохотно отпуская побитого Плаксу. – Этот негодяй уверял меня, что предохраняется, а на самом деле…

– Извини, Камилла, разве ты сама об этом не заботилась? Это было бы странно при твоей профессии.

– Как вы могли подумать! Конечно, у нас в заведении даже штатная ведьма была! Но ведь этот негодник эльфийских кровей, и обычные заклинания с такими не всегда срабатывают! Такие мужчины должны предохраняться сами, и заклинания для них другие. А у этого, наверное, как всегда, денег не было к магу сходить, а развлечься хотелось…

– Мальчик или девочка? – тут же спросил король, не вдаваясь в дальнейшие подробности.

– Девочка.

– Очень хорошо.

– Что ж тут хорошего?

– Что не мальчик, – жестко пояснил король. – Хотя все же… Знаешь что, Камилла, оставь нас, нам надо поговорить с этим господином. Я тебе обещаю, что алименты он будет платить исправно и долг за семь лет тоже вернет. А ты береги свою девочку и постарайся, чтобы о ней знало как можно меньше народу. В особенности о том, кто ее отец.

Камилла, в отличие от остальной толпы, не бросилась немедленно прочь, а сложила руки на груди и величественно повела подбородком.

– Раз так, ваше величество, я тоже желала бы знать, кто на самом деле ее отец.

– Обойдешься, – с милой простотой ответствовал король. – Тебе это не нужно. Внебрачные дочери не наследуют титул. Во всяком случае, в Мистралии.

– Зато они наследуют кое-что другое, – возразила Камилла. – И я хотела бы точно представлять себе, чего мне еще от нее ждать кроме разбитой на расстоянии посуды и беспричинных пожаров. За этот год она сменила четыре пансиона, и скоро ее перестанут принимать куда-либо вообще. Тогда я притащу ее сюда, чтобы вы тоже как следует прочувствовали, что такое безнадзорный ребенок с неконтролируемыми магическими способностями.

Король улыбнулся:

– Камилла, не притворяйся глупее, чем ты есть. Сама ведь давно поняла, что твоей девочке не место в пансионе. Если тебе нужны рекомендации, я спрошу мэтра Истрана, кто из его галлантских коллег согласится взять столь юную ученицу. А сейчас изволь удалиться и не раздражай меня своей настырностью.

Спорить дальше с королем Камилла не рискнула и величественно выплыла из комнаты. Король проверил, нет ли кого за дверью, и продолжил инструктаж подданных:

– Ольга, надеюсь, тебе не надо объяснять, что все, здесь услышанное, следует сохранить в тайне. Кантор, забери свое пиво и покинь это помещение.

– Это не мое пиво, – тут же возразил Диего, который, как Ольга уже знала, мог быть невероятно вредным в некоторых ситуациях.

– Кантор, – не замедлил с ответом король, – забери НЕ СВОЕ пиво и покинь это помещение. Немедленно.

– Это почему еще? – огрызнулся Диего, все же удержавшись от демонстрации двух пальцев коронованной особе.

– Причину изыщешь сам на досуге, когда будешь потреблять сей напиток, поскольку мое дело приказать, а твое исполнять без лишних вопросов. – Король был неумолим как судьба и не собирался поддаваться на провокации. Между делом он зачерпнул из бочонка немного напитка, попробовал и недовольно хмыкнул: – Вы где эту гадость покупали?

– Уж извините, – съязвил Кантор, – до Лондры далековато было.

– Кантор, – подал голос хмурый Плакса, – не скандаль с королем. Делай что сказано.

И поскольку его указания были демонстративно проигнорированы, вдруг заорал в полный голос:

– Это приказ, гоблин тупорылый! Подорвал задницу, забрал это, мать его, пиво, трижды начхать чье оно, и убрался отсюда, пока я не повторил подвиг Харамы! Как ты мне остопаскудел, психованный отморозок!

Диего на секунду оторопел, проморгался и тут же объяснил всем, кто есть на самом деле его бесценный начальник вместе со своей Харамой, со своей Эльвирой, со всеми своими бабами и бастардами до седьмого колена. После чего демонстративно хлопнул дверью, издевательски бросив напоследок, что доктор не велел ему поднимать больше десяти стоун, а в этом бочонке все сорок.

– Мафей, – приказал король, – догони этого несчастного больного и любым способом транспортируй в свою комнату. Будет упираться – обездвижить и насильно протрезвить. А ты, счастливый отец, удели мне несколько минут для серьезной беседы, только предварительно убери отсюда этот бочонок.

Мафей с подобающим рвением помчался на подвиг во имя короля и отечества, Плакса легким движением руки избавил комнату от бочонка с пивом, а его величество продолжил наведение порядка:

– Ольга, прими мои извинения за причиненное беспокойство. И, кстати, потрудись привести свое жилище в подобающий вид, похоже, ты совершенно распустила свою служанку. Позволь тебе напомнить, что здесь дворец, а не крестьянская изба. Ты бы еще гусей и поросят у себя в комнате завела.

Король с чуть не плачущим «счастливым отцом» исчезли в телепорте, а Ольга села на кровать и поняла, что вопрос «плакать или ругаться?» полностью утратил свою актуальность.

Вернувшийся через двадцать минут Толик застал развезение соплей на завершающей стадии.

– Вот те на! – искренне удивился он, не застав на месте собутыльников. – А куда это они все слиняли вместе с пивом?

– Не знаю, – всхлипнула напоследок Ольга, присела к зеркалу и принялась утирать размазанную косметику. – Пока ты тут ходил непонятно куда, Плакса успел стать отцом. Как уверяет король, счастливым, хотя мне так не показалось. Кроме того, его бросила Эльвира, и с Диего они разругались насмерть. Ты что, не мог их сразу разнять, тоже мне эльф-волшебник!

– Да я последние полтора часа только тем и занимался, что пытался их помирить! – вознегодовал Толик. – Твой скандалист наехал на Плаксу с обвинениями в работорговле и неуважении к своей бесценной особе, а у того тоже настроение было не очень, только-только с Эльвирой отношения выяснил… Мы с Мафеем так надеялись, что ты придешь и успокоишь хотя бы одного придурка, а ты с порога тоже орать начала!

– Я же не знала! И мне, между прочим, тоже с утра настроение испортили!

– Нет чтоб как человек выпить пива и утешиться сразу ругаться!

– А ты еще и удрал как раз в тот момент, когда был нужен!

– Ты же видела, что мне позвонили! – обиделся эльф. – У меня важная встреча была назначена! Вот сейчас, если хочешь, могу заняться успокоением скандалистов и прочими благотворительными деяниями. Только открой мне тайну – где пиво?

– Не знаю, – вздохнула Ольга. – У Плаксы спросишь. Поищи у Мафея, вроде они должны быть там. Вместе с пивом. Если король, как это у него обычно бывает, не растянул обещанные несколько минут на полдня. Только проверь, а то вдруг его величество решил вместе со всеми пива попить, пока супруга лекции по тактике слушает.

– Это мысль, – согласился Толик. Сложил ладони коробочкой, что-то пошептал – и из его пухлых ручек выпорхнула непомерных размеров муха, способная на лету загрызть стрекозу. Эта мечта энтомолога сделала круг почета над местом, где раньше стоял бочонок, и вылетела в раскрытое окно.

– Продолжаем разговор, – жизнерадостно сообщил толстяк, разваливаясь в кресле и смешно шевеля ушами. – С чего мы сегодня вдруг такие злобные и депрессивные? Обидел кто? Так мы этому «кому-то», только скажи, лягушек в ванной расплодим. А если заслужил, то и крокодильчиков. Небольших таких, чтоб не съели, а только понадкусывали…

– Да ну тебя, – отмахнулась Ольга, представив реакцию королевы на лягушек в ванне. – Принесли тебя черти с твоим пивом… Вы что, не могли к драконам сходить?

– Не, – ухмыльнулся неунывающий эльф. – Мы теперь к ним не ходим. Аррау ругается похлеще тебя. Она, с тех пор как села на яйцо, такая нервная стала… Теперь пока она свое яйцо не высидит, с ней общаться будет невозможно. Ольга, а ты случайно яйцо не снесла? В смысле…

Ольга немедленно запустила в шутника первым попавшимся под руку предметом, как оказалось – пудреницей. Смысл она поняла и так. Ударившись о голову Толика, пудреница раскрылась, в один момент лишив его толстощекую физиономию природного оливкового оттенка.

– Дурацкие у тебя шуточки!

– У тебя не лучше, – фыркнул Толик, подбирая опустевшую коробочку. – Ну и на что я теперь похож?

– На человека, – злорадно ответила Ольга. – Хоть в кои-то веки. Ходишь тут, своей мордой зеленой народ пугаешь.

– Хорошо, – хихикнул насмешник, заглядывая в зеркало и отряхиваясь. – Теперь буду пугать зеленой мордой в розовой пудре. А если серьезно? Что с тобой случилось, что ты даже на любимого своего Диего наорала? Правда кто-то обидел? Может, я могу чем-то помочь? Понятно, если этому оглашенному мистралийцу пожаловаться, он пойдет всем морды бить и руки-ноги ломать, но мне можно сказать. Я не кровожадный.

– Да нет… – Впервые столкнувшись с серьезной ипостасью Толика, Ольга даже растерялась. Нет, действительно, как будто два разных… существа. Ни смешинки в глазах, ни тени улыбки на лице, ни нотки насмешки в голосе. – Никто меня не обидел… просто день с утра не задался… Вот еще и пудру рассыпала…

– Знаешь что, – так же серьезно посоветовал Толик, – пойдем сейчас со мной. Помиритесь все, выпьем пива… К Жаку в гости забежим…

– Не хочу я пива, – вздохнула Ольга. – Лучше, пожалуй, приберусь в своей комнате, пока хоть какое-то настроение есть. А то их величества в чем-то правы – тут только гусей и поросят не хватает. Ты лучше проверь, как там эти горячие парни, не подрались ли… И пусть меня не трогают, ради бога! Хоть до завтра!

Толик пристально присмотрелся к ней и вдруг улыбнулся:

– Как хочешь. Уединение тоже иногда способствует самосовершенствованию. Помочь тебе собрать пудру?

– Да как ее соберешь, я тряпочкой…

– Очень просто, – рассмеялся Толик и поставил коробочку из-под пудры на пол около кресла. Подмигнул, присел к столу и ритмично забарабанил пальцами по скатерти, сопровождая «партию ударных» тихим высоким писком. Из всех щелей тут же поползли мелкие черные муравьишки, сливаясь в ровные колонны и парадным маршем устремляясь к рассыпанной пудре. Вот уж выдумщик!

Ольга невольно улыбнулась, представив себе Толика в роли этакого доброго фея, бескорыстного спасителя золушек. Повелитель муравьев улыбнулся в ответ и хитро подмигнул.

– Здорово?

– Ага. А когда они все соберут…

– Исчезнут, – беззаботно махнул рукой Толик. – Они же призванные. Ладно, раз ты пива не хочешь, я пошел. Все у Мафея, и короля там нет. Передумаешь, приходи. Кажется, твой скандалист уже успокоился и протрезвел, так что выяснять отношения не станет.

«Вот чудик, – подумала Ольга, наблюдая за исчезающим добрым феем. – Даже телепорт у него зеленый, а не как у всех нормальных магов…»

Прибрать комнату ей так и не удалось. Не прошло и четверти часа, как вломилась хлюпающая носом Эльвира и принялась жаловаться на сволочей мужиков и доставучих подруг, которые не дают спокойно поплакать…

В общем, нельзя сказать, чтобы день закончился так уж плохо. Расстроенная Эльвира чуть повеселела, когда увидела, как муравьишки собирают рассыпанную пудру, потом пожаловалась на своего кавалера, и они с Ольгой душевно пообщались, разобрав в подробностях, какие мужики гады и почему именно. В процессе обсуждения врожденных недостатков противоположного пола они приказали подать бутылку сорельского красного и быстро ее приговорили, что, впрочем, ничуть не мешало обеим дружно осуждать мужиков за пьянство. Когда тема была исчерпана, вино выпито, а трудолюбивые насекомые, как и было обещано, исчезли, Ольга ощутила к подруге беспредельное доверие, пожаловавшись на утреннюю лекцию королевы и на пропавшую служанку. Эльвира тут же воспылала праведным гневом, выложила еще штук восемь показательных историй о нерадивости прислуги и изъявила желание помочь дорогой подруге восстановить справедливость. Изрядно подогретые сорельским красным, доблестные дамы немедленно отправились в поход, на поиски упомянутой служанки, поддерживая друг дружку на поворотах и представляя себя героями, идущими на подвиг. Это оказалось вовсе не так сложно, как думала Ольга.

Дело было в том, что она, как человек новый, еще не была знакома с половиной дворцовой прислуги, в отличие от Эльвиры, прожившей здесь уже полтора года. Загадочно пропавшая служанка нашлась в течение десяти минут, с должным трепетом предстала перед госпожой и огребла за себя и за того парня. Под действием все того же сорельского Ольга позабыла о смущении и дала волю языку, так что Эльвира только успевала поддакивать. По окончании воспитательной процедуры бедная служанка в полуобморочном состоянии ринулась исполнять свои обязанности, ни минуты не сомневаясь в реальности всего, что ей только что было обещано. А обещано было много. Помимо таких банальностей, как уволить, высечь или доложить лично королеве, увлекшаяся Ольга посулила пристрелить бедняжку из того самого пистолета, о котором так много говорили при дворе, продать в рабство в Белую Пустыню и отдать на поругание трем дюжинам мистралийцев. Затем подруги переместились к Эльвире, куда приказали подать еще бутылку сорельского, а проникшаяся должным уважением к своей госпоже служанка принялась в поте лица отрабатывать жалованье. Попутно она ломала голову, пытаясь понять, как выглядит «плод любви шимпанзе с чебурашкой», которым ее обозвали, кто такой «ударник коммунистического труда», коего из нее обещали воспитать, и какова на вкус загадочная «хлорка», которой ее грозились накормить.

Глава 5

Вы, малыши, только и думаете, как бы кого-нибудь стукнуть, а когда вас самих стукнут, вам это не очень-то нравится.
Н. Носов

– Что-то невеселая у нас вечеринка получается, – заметил Толик, неодобрительно оглядывая заплаканного Пассионарио, сердитого Кантора и все еще испуганного Мафея.

– А с чего ей быть веселой? – шмыгнул носом расстроенный вождь. – Эльвира меня бросила, Кантор осыпал оскорблениями и чуть не побил, да еще с Ольгой поругался, не мог промолчать, скандалист! Ты бы к ней еще драться полез!

– Молчи! – с досадой огрызнулся Кантор. – Молчи, а то не выдержу!

– Можно подумать, ты до сих пор выдерживал! – не смолчал безутешный товарищ. – Из-за тебя все!

– Из-за меня? – Возмущению Кантора не было предела, и даже Мафею было ясно, что лучше с ним сейчас не заводиться, но товарищ Пассионарио почему-то полностью игнорировал сей очевидный факт и не замедлил подтвердить:

– Конечно, из-за тебя! Ты же скандал затеял! На твои вопли полдворца сбежалось! Совсем совесть потерял, чуть короля не укрыл похабными словами!

– Тише, тише! – вмешался Толик, предостерегающе вздымая ручки. – Ребята, не надо все начинать сначала! А то чертополохом накормлю! Лучше объясните, что такое с Ольгой? Прямо на себя непохожа! Ты ее точно ничем не обидел?

– Я сильно подозреваю, – проворчал Кантор, – что ее обидел король, о котором так заботится почтительный Плакса. Но это же не причина так набрасываться на меня!

– Ты сам, когда набрасываешься на окружающих, очень разбираешь, кто тебя обидел, а кто нет? – немедленно перебил его Пассионарио. – Ты что, сам понять не мог, что ей плохо, что она хочет побыть одна? Пусть ты амулет носишь, но это же твоя девушка, ты без всякой магии должен понимать…

– Я тебе ничего не должен! – взорвался Кантор. – Уж кому-кому, но не тебе! Скажи спасибо, что морду твою бесстыжую не набил, работорговец паскудный, мать твою!

– Уж кто бы там мою мать, – вспыхнул обиженный принц, – но без тебя там точно как-то обошлось! На своих родителей посмотри!

– По крайней мере, у них потомство получилось нормальное, а не идиот вроде тебя!

– Это ты нормальный? Ты нормальный? Нет, вы слышали? Он нормальный, а я идиот!

– Еще какой! Таскался по борделям, не предохранялся, а теперь слюни распустил: его Эльвира бросила! Так тебе и надо!

– Эй, ребята, ребята… – встревожился Толик, чувствуя, что чертополох тут не поможет. Готовых сцепиться драчунов колючки во рту не успокоят, а только сильнее разозлят. Он торопливо подхватился с места и протиснулся между неугомонными мистралийцами. – Да что с вами такое, ничего же крепче пива не пили!

– Отойди! – хором рявкнули оба, а Кантор добавил: – Кто посмеет опять на меня колдовать без спросу, на этот раз не прощу! Насрать мне, что вы маги!

– Может, все-таки обездвижить их обоих? – с опаской предложил Мафей. – Или усыпить? А в случае чего я улечу…

Занятый предотвращением назревающей драки, Толик не услышал, как за его спиной отворилась дверь. И панический ужас в глазах Мафея неосмотрительно списал на происходящий скандал. Только когда юный принц, беззвучно разевая рот, указал пальцем на дверь, а оба мистралийца одновременно сделали шаг назад, оглянувшись в ту же сторону, Толик

сообразил, что в комнату кто-то вошел без стука, и поспешил убраться. Но было поздно. Хотя его величество никогда не славился ловкостью, реакция у него была отменная, а руки ой какие длинные…

Мафей только пискнул, беспомощно наблюдая, как кузен исчезает в зеленом облачке, мертвой хваткой вцепившись в рукав Толика. А воюющие стороны, избавившись от преграды, опять пошли на сближение.

– Полюбуйся, что ты натворил! – произнес Кантор, обличительным жестом указуя на то место, где только что был король.

– Это натворил ты, – возразил Пассионарио, оторопело пялясь на висящие в воздухе остатки зеленого тумана.

– А кто орал как ушибленный?! – разъярился Кантор. – Наворотил дел – и теперь тихо смоешься, а нам что делать? Я же вроде как телохранитель! А у меня охраняемый король пропал! Исчез! Растворился! Что я скажу королеве? Врезать бы тебе как следует…

– Смотри, как бы я тебе не врезал! Опять я виноват! – разобиделся доблестный вождь. – Иди ты в задницу, Кантор! Сам орал громче меня, а теперь нашел на кого все свалить! Вот и думай теперь, что ты скажешь королеве, и что тебе скажет Амарго!

– Ты лучше сам подумай, что тебе скажет твоя Эльвира, когда тебе припрут всех твоих бастардов! – ядовито отозвался Кантор, переходя с ругани на более утонченные оскорбления.

– По крайней мере, – не менее ядовито парировал оппонент, – у меня они есть. И еще будут, если захочу.

– И если не захочешь, все равно будут, – не остался в долгу Кантор. – Потому как ты не то что до тринадцати, до двух считать не умеешь, тупица! Твоя Эльвира и так толстая, представляю, какой она станет, когда родит тебе пяток детей!

– Эльвира не толстая, – злорадно огрызнулся Пассионарио. – У нее просто есть грудь.

Кантор ударил коротко, не замахиваясь и не тратя время на предупреждения. Друзья и соратники, сцепившись, покатились по полу под возмущенные требования Мафея немедленно прекратить недостойный мордобой.

Шеллар III в этот момент также был возмущен и чрезвычайно расстроен. Одежда таинственного господина Толика оказалась далека от эталонов качества, и в настоящий момент в руке короля находился только рукав, который его величество не преминул изучить и осмотреть за неимением самого Толика. Как оказалось, причиной досадного недоразумения было не качество одежды, а ее покрой – рукав был не пришит, как подобает, а пристегнут некими металлическими приспособлениями и от резкого рывка отстегнулся. В результате Толик оказался там, куда и направлялся, а незадачливый охотник за эльфами теоретически мог выпасть из телепорта в любой точке пространства. Оставалось только радоваться, что эта точка была обитаема и пригодна для жизни. О последнем ясно свидетельствовали мебель и немытые тарелки на столе. А еще они свидетельствовали, что проживал в этом помещении несусветный неряха, до коего Ольге еще расти и расти. И уж конечно это был не эльф, разве что эльфы окончательно деградировали и вернулись в первобытное состояние.

Король отложил в сторону бесполезный рукав и принялся изучать обстановку. Расцветка дивана и кресел могла объясняться тремя возможными причинами: а) хозяин этого жилища начисто лишен вкуса, б) он дальтоник, в) здесь принято обивать мягкую мебель ярко-голубой тканью в огромных белых ромашках. Валявшаяся на диване гитара наводила на мысль, что проживает в этом свинарнике бард, это вполне могло объяснить беспорядок на столе и явиться четвертой причиной приверженности хозяина к экзотическим расцветкам мебели. Замызганный зеленоватый столик с дырой посередине немедленно напомнил его величеству подарок Орландо, отчего Шеллар III несколько воспрянул духом. Приятно было видеть хоть что-то знакомое. А если Орландо узрел сей дивный предмет мебели именно

здесь, то можно считать себя в гостях у знакомых. По крайней мере, есть на кого сослаться, когда явятся хозяева и потерянного между мирами короля не примут за грабителя. В том, что он находится на родине своего шута, его величество даже не сомневался. Такие предметы, как монитор, музыкальный центр, кондиционер и пылесос были легко узнаваемы по описанию, и все эти предметы король в настоящее время наблюдал. В особенности пылесос, который лежал посреди комнаты и ощутимо повонивал паленым. Кроме того в комнате ощущались запахи курева, кофе, грязных носков, отвратительного пива, сушеной рыбы и той самой «натуральной конопли», которую так любил покойный Шанкар.

С трудом подавив страстное желание немедленно пощелкать кнопками монитора и напомнив себе, что он в чужом доме и трогать без спросу чужие вещи недостойно, король переключился на изучение висевшей над монитором картины. Картина утешила его окончательно. Молодой человек с гитарой, третий справа, имел несомненное сходство с пропавшим Толиком – следовательно, никаких проблем с хозяевами дома не предвидится. По всей видимости, оливковый озорник выронил пассажира в некой точке, где сам часто бывает и где его хорошо знают. Скорей всего, здесь проживает его человеческая родня. Несомненно, человеческая. У чистокровного эльфа не может быть такого пуза и таких щек. «Замечательно, – подумал король. – Осталось только дождаться этих самых родственников, и можно без проблем разыскать Толика. Если повезет, еще успею на коронацию Пафнутия. Только бы Кире не сказали, что ее супруг потерялся, а то ведь переживать будет, хотя переживать совершенно не из-за чего… ну да ничего, как только о происшедшем доложат мэтру Истрану, он немедленно настроит свое зеркало и увидит, что любимому воспитаннику ничего не грозит. Нотации о недопустимости подобных рискованных приключений, конечно, избежать не удастся, но это можно пережить, не в первый раз… и не в последний».

Успокоившись, таким образом, касательно своей участи, король преспокойно закурил и предался созерцанию незнакомого мира за окном. Небольшой, уютный дворик жил своей незамысловатой жизнью. На скамейке в тени сиреневых кустов самозабвенно чесали языки две молодые мамаши, не замечая, как их чада подбираются к явно недозволенным игрушкам. Неподалеку чинил повозку пожилой господин в мятых штанах и грязной исподней рубахе без рукавов. На расстеленной прямо на земле холстине рядом с ним лежали какие-то металлические детали и инструменты. Блестящие железки, судя по всему, и являлись предметом стремления двоих крохотных карапузов. Пользуясь временной занятостью матушек, маленькие шкодники неуверенными шажками двигались в направлении этой манящей россыпи инструментов в надежде ухватить что-нибудь интересное до того, как их противоправную деятельность заметят взрослые. Во всяком случае, сам Шеллар III на их месте и в их возрасте именно так бы и поступил.

Чуть поодаль выясняли какие-то проблемы двое подростков немного моложе Мафея. Проблемы носили явно личный характер, что было понятно без слов, по одной только мимике. Девушка часто и опасливо оглядывалась на окна, что позволяло предположить потенциальную угрозу для юной парочки со стороны бдительных родителей. Юноша, судя по всему, был твердо намерен любой ценой договориться о свидании или хотя бы урвать поцелуй, и никакие родители для него помехой не являлись.

Пока его величество рассматривал повозку, пытаясь классифицировать сей механизм, как вид транспорта, малыши добрались-таки до расстеленной холстины и пустили в ход свои шкодливые ручонки. С радостным хихиканьем они ухватили в каждую руку по железяке и с восторгом замахали своей добычей. Затем мальчик в желтых штанишках сунул железку в рот, а его приятель в синих штанишках, продолжая радостно хихикать, огрел подельника по голове. Не со злобы, разумеется, а просто от полноты чувств. Внезапный рев заставил всех подпрыгнуть и встрепенуться. Зазевавшиеся матушки с аханьем бросились ловить и утешать

своих мелких вредителей, так как виновник переполоха, увидев результат своих действий, бросил железку и тоже заревел – как обычно бывает в таком возрасте, из солидарности.

Этажом ниже хлопнули створки окна – и в спектакль включилась пожилая дама с неприятным визгливым голосом. Судя по реакции присутствующих, досталось всем – и юной парочке, и нерадивым мамашам, и рассеянному господину, который не следит за своими вещами. Девушка закраснелась и шмыгнула в подъезд, ее кавалер сердито ругнулся, подхватил сумку и направился к воротам, поминутно оглядываясь и громко огрызаясь на упреки сварливой женщины. Ахающие мамы волокли своих чад прочь от места преступления, силком отнимая похищенные игрушки и утирая запачканные мордашки. Пожилой господин в мятых штанах флегматично подобрал свое имущество и как-то совсем уж неподобающе для столь почтенного возраста показал крикливой соседке оттопыренный средний палец, что король полностью одобрил. Крик перешел в откровенный визг, но это нимало не тронуло старого охальника. Одарив мир довольной и счастливой улыбкой, он вернулся к прерванному занятию. Молодые мамы, видимо не желая связываться с визжащей потерпевшей, подхватили своих детишек и направились прочь со двора. Их сменила средних лет дама, которая вошла во двор, чуть не столкнувшись с малышом в синих штанишках. Крупная, полногрудая пышка, одетая весьма прилично даже на взыскательный вкус короля. Да и, что там греха таить, дамы таких пропорций его величеству всегда нравились…

Оценив обстановку и прослушав пару трелей из окна, дама укоризненно покачала головой и заговорила с непочтительным мастером примерно таким тоном, каким обычно увещевал своих воспитанников старый придворный маг. Воспитательный процесс дама успешно совмещала с изучением развороченных внутренностей повозки.

Крикунья вскорости утихомирилась, и окно захлопнулось. Воспитуемый господин собрал инструменты и вкатил наполовину разобранную повозку в сарай, что-то виновато объясняя даме, которая недвусмысленно стучала себя пальцем по лбу, одновременно кивая на раскуроченный транспорт.

На этом королю пришлось прервать познавательные наблюдения, так как, заперев сарай, последние действующие лица скрылись в подъезде и двор опустел. Но опасения, что теперь его величеству придется скучать, оказались беспочвенны. Едва он отошел от окна, защелкал замок входной двери, и помятый господин со своей спутницей вошли в квартиру, не прекращая что-то горячо обсуждать.

Увидев в доме постороннего человека, дама ничуть не удивилась, только высказала очередное нравоучение, хозяин же квартиры изумленно воззрился на короля, как бы не веря своим глазам.

– Прошу простить мне это невольное вторжение, – как можно дружелюбнее начал король, понимая, что важны не столько слова, сколько тон, ибо собеседники все равно не в состоянии его понять. – Не подскажете ли вы, как можно найти господина Толика?

Судя по тому, как вытаращился на него хозяин, подобающий по этикету поклон был… э-э… лишним. Дама разразилась долгой возмущенной тирадой, из которой король понял только одно слово «Толик», произнесенное с явным неодобрением, и что-то спросила.

– Простите, я не понимаю, – красноречиво развел руками Шеллар III, приглашая господ к общению на языке жестов, но выяснилось, что языковая проблема в развитых мирах решается намного проще. Путем несложных манипуляций с приборчиком, умещающимся в ладони. Странно, Жак ни о чем подобном не упоминал…

Как бы то ни было, повертев упомянутым предметом около уха, хозяева дома вдруг заговорили на чистейшем ортанском. Дама – с изысканным столичным произношением, помятый господин – с келсийским акцентом.

– Ага, вот так лучше! – жизнерадостно изрек хозяин дома, возвращая даме прибор. – А то непонятки какие-то, выходил из пустой квартиры, возвращаюсь – а тут уже гости… Это, значит, Толиковы штучки?

Король повторно извинился за вторжение и причиненные неудобства, объяснил, что потерялся при телепортации и в доказательство предъявил рукав, оставшийся от господина Толика. Дама осталась очень недовольна.

– Чему тут удивляться, – завела она, сердито указывая на захламленный столик. – Это у вас наследственное! Что ты, что Толик – два раздолбая! Машину раскурочить, пылесос спалить, приятеля потерять по дороге – это как раз по-вашему! А это вот что такое, опять у тебя «гости» гуляли? Папа, когда же ты вырастешь! Глянь, что у тебя в доме делается, разве сюда можно гостей приводить? Господи, что у тебя грязные носки делают на столе? Как подросток, ей-богу! Каждый божий день газ-квас и дым столбом, хоть топор вешай… опять шмаль курил в доме! Что про тебя незнакомый человек может подумать?

– Да какая разница, – ничуть не унывая, отозвался почтенный родитель и проворно смахнул со стола упомянутые носки. – Всего-то пару косячков… Эльфы сами не дураки насчет травки. А носки это вовсе не мои, а Витькины. Позвони Толику да скажи, где он своего хахаля потерял, ищет же, наверное…

Король не нашелся сразу что ответить на подобное предположение и тут же упустил возможность повернуть разговор в нужное русло.

– Папа! – негодующе возгласила дама, неловко косясь на залившегося краской гостя. – Надень очки! Это человек!

– В таких-то покрышках? – Хозяин дома с явным недоверием достал из кармана очки с одной дужкой и треснувшим стеклом, протер их подолом и водрузил на нос. – И правда… а я подумал, эльф, из-за покрышек, наверное, люди так не одеваются…

– Нормальные люди, может, и нет, а ваши с Толиком друзья – в самый раз, – огорченно махнула рукой любящая дочь, отчаявшись призвать к порядку непутевого папеньку, и обратилась к королю: – Вы не обращайте внимания, у папы тут всегда балаган и помойка – то по очереди, то одновременно. А без очков он действительно человека от эльфа не отличит. Толик иногда приводит с собой эльфов, чтобы попугать папиным жилищем. Это он так над ними шутит.

– Да, я заметил, что он большой шутник, – согласился король, откладывая рукав, который так и держал в руках. – Могу ли я рассчитывать на вашу помощь, достопочтенная госпожа… э-э…

– Софья Гавриловна, – охотно подсказала дама, застеснявшись, как молодая крестьянка перед сватами. Король тоже представился, предусмотрительно опустив титулы. Пожилой господин, поминутно роняя очки, протянул руку и сообщил, что он «просто Гаврюша».

– Вы присаживайтесь, – пригласила Софья Гавриловна, – погуляйте пока, с папой пообщайтесь, а я попробую найти Толика, если он к эльфам не сбежал. Вы обедали?

– Благодарю вас, я не голоден, – поспешил отказаться король. Разумеется, он не обедал, но принимать пищу в обществе чьих-то носков у него не было никакого желания. – Не извольте беспокоиться, я и так причинил вам массу неудобств. Единственное, о чем я осмелюсь вас попросить, уважаемая Софья Гавриловна, помогите мне найти Толика, чтобы я мог вернуться домой. Супруга моя, наверное, беспокоится, и кроме того, у меня завтра важная встреча.

Судя по удивленному взору Софьи Гавриловны, она сильно сомневалась что у людей, одетых подобным образом, могут быть важные встречи, но вслух она своих сомнений не высказала, а тут же переключилась на неряху-родителя.

– Папа, что ты стоишь? Прибери сейчас же со стола! А носки эти – в мусоропровод немедленно! Куда ты их в карман суешь! Мне одно непонятно, Витька что, босиком от тебя ушел?

– Да что я, помню? – досадливо отмахнулся папа и поспешил ретироваться. Вслед ему полетели риторические вопросы о причинах столь плачевного состояния пылесоса и предположения, что несчастный прибор элементарно надорвался, не в силах справиться с вековой грязью в папином жилище.

Король опустился на диван и принялся набивать трубку, предварительно испросив у дамы разрешения курить в помещении. Исключительно из вежливости, так как этому помещению еще некоторое количество табачного дыма уже не могло повредить никоим образом. Все складывалось как нельзя лучше – местные обитатели оказались славными, безобидными людьми, а розыски Толика и возвращение домой – только вопросом времени.

Хозяин дома вернулся с ведром, в которое не мудрствуя лукаво смахнул все, что было на столе, включая собственные очки, свалившиеся с носа во время уборки. Софья Гавриловна удалилась в другую комнату и тут же вернулась в крайнем возмущении.

– Папа! Ты хоть знаешь, что в твоей студии спит Витька?!

– Да? – удивился господин Гаврюша и, выудив из ведра очки, принялся опять в нем копаться. – Вроде он собирался вчера уходить, говорил, ему сегодня на работу… Тогда я его носки выкидывать не буду…

– Так, может, его разбудить?

– А он уже проспался? Если нет, будить бесполезно. Смотри сама, я не помню, сколько он вчера выпил. А на работу он, наверное, все равно опоздал. Соня, будь другом, проверь, там точно никого больше нет? Такой кучерявый с бритой макушкой и в сутане поблизости не валяется?

– Нет! – разгневанно прорычала Софья Гавриловна и скрылась за дверью.

– Значит, ушел, – невозмутимо рассудил непутевый хозяин и, добыв из ведра носки вчерашнего собутыльника, все-таки сунул их в карман. – Жаль, а то бы мы его за пивом послали…

– Танюшка, а где папа? – донеслось из соседней комнаты. Поскольку ответные реплики отсутствовали, король заключил, что разговор ведется посредством телефона или иного технического приспособления. – К вам Толик не заходил? Ну позови папу… Дорогой, привет, ты давно дома? – Шеллар невольно позавидовал «дорогому», который уже дома и которого не ждет в ближайшем будущем долгое нравоучение от придворного мага. – Я у папы. Да как всегда, ты же знаешь папу. В доме бардак, пылесос сгорел, на столе Витькины носки, машина разобрана на запчасти, в студии спит вдрабадан пьяный Витька… Да не попал он на работу, видно, вчера они с папой укушались до потери памяти, еще и священника какого-то споили. Так это не все, я зачем звоню. Кроме Витьки в доме сидит какой-то молодой человек, которого растяпа Толик выронил из телепорта. Откуда я знаю, человек как человек, вежливый, обходительный, трезвый. Одет как-то странно, изъясняется высоким слогом, и папа его сослепу вообще за эльфа принял. Толик к тебе не забегал, потерю свою не искал? – Король отметил про себя, что вопрос не совсем уместный, искать пропажу Толик станет лишь в том случае, если его принудят к этому рыдающий Мафей и разгневанный Кантор. – Дэн, а как бы его найти, а? Человек переживает, говорит, жена волноваться будет… ему домой надо… Ну откуда я знаю, может, он ненадолго собирался, что я, допрос ему должна устраивать. А где Толика можно поискать? Ну хоть в каком мире? Сам поищешь? Вот спасибо, поищи, пожалуйста. Он у папы, как найдешь, пусть Толик его заберет. Ну все, целую, мне еще надо на лекцию успеть…

Сочувственно обнадежив короля, что растеряху Толика скоро найдут, и наказав папе развлекать гостя и вести себя прилично, Софья Гавриловна удалилась. На этом первое дей-

ствие безумной комедии завершилось, и последовал небольшой антракт. При более близком знакомстве господин Гаврюша оказался человеком простым и открытым, а также любителем выпить и поговорить. Короче, находкой для шпиона. Он немедленно прибрался в комнате, включил для гостя свои любимые мультики, притащил откуда-то дюжину бутылок пива и охотно ответил на все вопросы, которые король счел возможным ему задать. В течение разговора его величеству пришлось раза три отказываться от обеда, пять раз от предложения выпить чего-нибудь крепче пива и восемь раз от неизвестных науке наркотиков. Каждый раз он с ужасом ожидал, что ему сейчас еще и женщину какую-нибудь предложат, как принято у некоторых варварских племен, но с этим обошлось.

Время Шеллар III, по обыкновению, не терял даром и через час уже обладал массой полезных сведений о новом мире вообще и о новом знакомом в частности. Как он и предполагал, общительный хозяин действительно был бардом, так сказать, в отставке, а исчезнувший Толик приходился ему внебрачным сыном. Его величество от всей души согласился с утверждением, что отказаться от предложения переспать с оливковой эльфийкой свыше сил любого нормального мужчины, даже если он трезв и четко представляет себе возможные последствия, и на этом расспросы о Толике пришлось свернуть. Поскольку король представился как знакомый Толика, вопросы вроде «кто он такой» и «чем он занимается» звучали бы подозрительно.

Старый бард со странным именем Гаврюша, похоже, вообще не знал, что такое «подозрительно», судя по тому, с какой легкостью он откровенничал с незнакомым человеком. Сами посудите, господа: приходит человек домой, застает там подозрительного вида незнакомца и безоговорочно принимает на веру все, что этот странный господин находит нужным насовать хозяину за уши. Слыхано ли подобное! Уж сам Шеллар III на месте такого хозяина первым делом допросил бы этого не внушающего доверия гостя как следует, проверил бы всевозможными методами, и даже после этого поостерегся бы отвечать на его вопросы правдиво и искренне.

С Толика разговор плавно перешел на прочих родственников словоохотливого барда, и господин Гаврюша долго и влюбленно расхваливал дочурку Сонечку, красавицу, умницу, доктора наук, примерную жену и мать трех очаровательных девочек. Видимо, в отличие от брата, она не унаследовала батюшкиных дурных наклонностей. Король был потрясен сообщением, что добродушная толстушка Софья Гавриловна изобрела тот самый лингводекодер, при помощи которого они в настоящий момент общаются. Можно сказать, его величество был сражен наповал. Но не настолько, чтобы забыть поинтересоваться принципом действия сего удивительного прибора. Как оказалось, принцип действия лингводекодера был основан на том самом феномене, который позволял переселенцам понимать коренных жителей с первого произнесенного слова, а объяснить подробнее Гаврюше не позволил недостаток образования.

Путешествие по генеалогическому древу отставного барда продолжилось восхвалением самого лучшего в мире зятя, который обожает дочурку Сонечку, как мало кто в наше время способен. А также примерный семьянин, блестящий врач, умнейший человек и выпить со стариком не отказывается… Словом, полный комплект всевозможных достоинств, где б себе взять такого золотого зятя, если вдруг боги вместо наследника подсунут дочерей.

И тут на самом интересном месте, когда любознательный король уже навострил уши и вознамерился поподробнее расспросить о шархийской родне бесценного зятя, антракт закончился и начался второй акт. Те же и Витька.

Пробудившийся гость предстал в дверях во всем великолепии похмельного синдрома, чем вызвал у короля нечто вроде умиления – так живо напоминал сей всклокоченный, мускулистый тип дорогого кузена Элмара утром после возлияний. На всякий случай король поже-

лал страдальцу доброго дня, хотя и не был уверен, что его поймут. Секундное удивление мелькнуло на непроспавшейся, конопатой физиономии вошедшего, затем он хлопнул себя по уху, тряхнул головой и заговорил по-ортански без всяких манипуляций с прибором.

– Ага, добрый день… а который час? – поинтересовался гость, по-детски протирая глаза огромным кулаком. – И где отец… этот… как же его, вот блин… а, Жан! Где он?

– Витя, четыре уже, с хвостиком, – отчитался хозяин. – А когда ушел твой приятель в сутане, я не помню, уже спал, наверно.

– Так он ушел? – возмутился Витька, пытаясь призвать к порядку торчащие во все стороны огненно-рыжие кудри. – Вот свинья! А ты что, разбудить меня не мог?

– Я думал, ты тоже ушел! А если бы и нет, сам знаешь, тебя будить – себе дороже.

Король отметил про себя, что с Элмаром этот Витя нашел бы общий язык с полуслова.

– Тебе попадет от начальства? – сочувственно поинтересовался хлебосольный хозяин, имеющий свойство сбиваться в счете своих пьяных гостей и забывать их в соседних комнатах.

– Да нет, Жан прикроет, – махнул рукой Витька. – Если он пошел домой, а не по бабам… Пойду умоюсь…

– Твои носки на туалетном бачке! – крикнул ему вслед Гаврюша, на что из коридора ворчливо откликнулись:

– Мои носки на мне!

– А чьи же это тогда? – задумался хозяин. – Неужели священник забыл?

– Кто этот господин? – полюбопытствовал король и получил исчерпывающий ответ:

– Это Витя Кангрем, сын моего друга Криса… – Бард кивнул на групповой портрет над монитором, и король тут же выделил из разношерстной команды досточтимого предка похмельного Вити, такого же рыжего и мордастого, только выглядел предок более одухотворенно – бард все-таки.

– Он тоже… артист? – поинтересовался король и получил в ответ странное объяснение, что артист из Витюши не получился, и сейчас он работает «в какой-то греческой лавочке». Вот уж работничек кому-то достался… Что такое «греческая лавочка», король не понял, но от души посочувствовал бедному лавочнику. Такого работника, который пьет и прогуливает, не грех и выгнать…

Выяснить подробнее, что собой представляет эта самая лавочка, король не успел. Процедура умывания у Витьки протекала столь стремительно, что в тот момент, когда его величество задал свой вопрос, «неполучившийся» бард уже стоял в дверях с бутылкой пива.

– А это еще кто? – произнес он, уставившись на короля, и тот понял, что вопросы закончились. И возможно, предстоит серия неприятных ответов.

Порой один взгляд может сказать о человеке больше, чем целое досье, собранное командой исполнительных агентов. Взгляд Витьки, тяжелый, подозрительный, не по-бардовски внимательный и оценивающий, в одно мгновение заставил короля подавиться очередным вопросом и всерьез обеспокоиться. Этот господин не имел ничего общего с наивным хозяином, из которого можно было без особых усилий трясти информацию, отделываясь ничего не значащими репликами. Этот видел все и делал выводы. Король сразу почувствовал, что одежда, в которую он был облачен, сшита лучшим портным из самых дорогих тканей, что общий вес видимого золота и драгоценностей на его августейшей персоне (не включая скрытых под одеждой амулетов) приближается к трети стоуна, что пистолет под камзолом невозможно скрыть от наметанного глаза… И что все это сейчас видят.

Воры так не смотрят. Вор видит все, но делает это незаметно для изучаемого объекта. А так, как этот Витька, смотрят воины. Если быть точнее, так бы мог смотреть тертый, бывалый наемник, подозревающий подставу со стороны потенциального нанимателя. И еще так изучают возможного противника, оценивая его способности в случае чего.

Кроме уже упомянутого Шеллар III ясно чувствовал, что господину Витьке его королевское величество решительно не нравится. Но отступать и смущаться было не в его принципах, поэтому он достойно ответил на взгляд. Так, чтобы этот полуголый верзила тоже почувствовал, какие жеваные на нем штаны, сколько лет он не чистил свою обувь и где вообще его рубашка. А также что его величеству в высшей мере наплевать, нравится он этому нахалу или нет.

– Это приятель Толика, – пояснил ничего не заметивший хозяин. – Представляешь, этот оболтус выронил его, когда телепортировался!

– М-да? – Особого доверия в Витькином голосе не прозвучало. Более того, уязвленный ответным взглядом короля, рыжий громила немедленно сообразил маленькую месть. – А я думал, Толик только эльфов трахает…

– Совершенно верно, – не моргнув глазом, заметил Шеллар. – Только эльфов. Простите, маэстро Гаврюша, мы с вами не договорили… Вы собирались объяснить мне, что за лавочку вы только что упоминали.

– Сколько раз тебе говорить, – перебил его Витька, с негодованием воззрившись на болтливого хозяина, – не трепись направо и налево о моей работе! Особенно людям, которых впервые в жизни видишь! И где моя куртка?

– Вить, ты на ней сидишь.

Король с сожалением отложил вопрос о лавочке на дальнюю полку своей безразмерной памяти, намереваясь уточнить потом у Жака. Пока же Шеллар занялся изучением Витькиной куртки, которую тот вытащил из-под задницы и расправил, намереваясь надеть прямо на голое тело.

При встряхивании из куртки вывалился здоровенный пистолет, раза в полтора крупнее лондрийского образца, так любимого его величеством.

– Опять ты эту гадость ко мне в дом притащил! – возмутился хозяин.

– Я забыл! – ворчливо отозвался Витька, пристраивая выпавшее оружие на место. – Я к нему так привык, что не замечаю. Да что оно тебе, мешает, в самом деле?

– Какой любопытный образец! – Король с величайшим интересом наклонился вперед и безукоризненно любезно испросил разрешения посмотреть поближе. Ему и в самом деле было любопытно осмотреть невиданное ранее оружие, но все же не настолько, как он это демонстрировал. Сама куртка рыжего Витьки вызывала гораздо более жгучий интерес, чем пистолет, но король воздержался от слишком явных проявлений любопытства. Да и вряд ли можно было считать обычным любопытством вопрос такой важности.

На рукаве вытертой до блеска, грубой холщовой куртки имелась поперечная нашивка. А на ней – один-единственный знак, при виде которого сердце его наблюдательного величества подпрыгнуло, словно поморский придворный от удара королевского посоха о стол.

Такой же знак был на шприце неизвестного злоумышленника с эгинского пляжа. И по логике вещей означал он цифру «пять».

Пронзительный визг, раздавшийся где-то поблизости, грубо прервал задушевное общение придворных дам. Конечно, причиной этого неприятного звука могла быть самая обычная мышь, но Ольга все же поспешила выглянуть в коридор, ибо никакая депрессия не могла быть помехой здоровому любопытству. Остальные обитатели и гости близлежащих комнат, видимо, рассуждали так же, и первое, что увидела Ольга, был ряд открытых дверей и толпа зрителей. Звездой представления была ее нерадивая служанка, которая с воплем и визгом неслась по коридору в направлении лестницы, ведущей к черному ходу.

«Господи, она что, еще и дура, ко всему прочему?» – подумала Ольга и полезла за пистолетом, намереваясь сходить проверить, что же так напугало несчастную труженицу. А то мышь мышью, но вдруг в комнату и в самом деле заползло что-то опасное…

Когда официальная обстановка предписывала надевать платье (а во дворце она редко бывала другой), Ольга носила пистолет на бедре в специальной кобуре, пристегнутой к ноге. Все бы хорошо и удобно, только, чтобы его достать, приходилось задирать подол. Зрителей это позабавило еще сильнее, чем вопящая служанка, и кто-то даже с одобрительным присвистом высказался насчет прелестных ножек. Небось забыл очки в будуаре у Камиллы…

Припомнив, как это делали крутые полицейские в кино, Ольга живописно распахнула дверь ногой и ворвалась в комнату, водя пистолетом по сторонам. Страшный монстр, так напугавший служанку, стоял у двери в ванную и как раз намеревался туда войти.

– Ольга, ну что я тебе сделал? – устало и печально произнес он. – Сначала ты на меня наорала, как на прислугу, теперь с пистолетом кидаешься, как на врага. Неужели все настолько плохо?

Безутешный возлюбленный походил на убитого горем погорельца, только что спасенного из-под развалин героическими пожарными. Он был весь в саже и оставлял на паркете лужицы грязной воды. Распущенные волосы, подпаленные с одной стороны, свисали мокрыми сосульками. От него ощутимо воняло горелым.

– Ой… – Ольга опустила пистолет, чувствуя себя полной дурой. Особенно учитывая тот факт, что любопытные придворные не замедлили сунуть носы в дверь, дабы полюбоваться, как неизвестное чудовище будет ее потреблять на полдник. – Я же не знала, что это ты… Ну чего уставились? Вас приглашал кто-то? – Беспардонно захлопнув дверь, она с уже откровенным сочувствием бросилась к несчастному погорельцу: – Диего, что случилось? Был пожар?

– Ничего не случилось, – угрюмо ушел от ответа погорелец. – Ты так и не объяснила, зачем весь этот цирк с пистолетом.

– Я думала, тут что-то опасное, – пояснила Ольга. – Служанка так визжала…

– Если бы тут было что-то опасное, оно бы десять раз успело тебя убить, пока ты входила. Или потренируйся, или больше так не делай. Можно я у тебя умоюсь?

– Да на здоровье умывайся, только ты тоже не объяснил, что тут горело.

Диего скрылся в ванной и уже оттуда, сквозь шум воды, неохотно, как от сердца отрывая каждое слово, объяснил:

– Я подрался с Плаксой.

– И кто кого? – Вопрос был дурацкий, но не скажешь же вслух то, что на самом деле подумала. Что они придурки оба и что ей невыносимо стыдно за свою провокационную роль в конфликте. Некоторые дамы вроде Вероники только и мечтают, чтобы из-за них кто-то подрался, но Ольге такое выражение мужского внимания ничуть не льстило. Напротив, жутко неловко и неприятно сознавать, что ты являешься причиной, из-за которой двое хороших друзей рассорились и набили друг другу морду.

– Мафей нас обоих, – лаконично и честно признался доблестный дуэлянт. – Холодной водой. У тебя не найдется лишнего полотенца?

– Сейчас поищу… – Ольга бросила так и не понадобившийся пистолет на кровать, разумеется позабыв о подобающих мерах безопасности.

Ба-бах!

Брызнули осколки от флакона с духами, из ванной выскочил полураздетый кабальеро, на лице которого была написана моральная готовность увидеть свою возлюбленную в виде остывающей тушки.

– Ольга! – простонал он, бросая на пол мокрую рубашку. – Разве ж можно так пугать! Ты бы его еще в кобуру сунула!

– Диего, пожалуйста! Не надо! Я нечаянно! – перебила его Ольга, торопливо пытаясь спасти остатки духов. – Блин, жалко! Такие духи были классные!

– Сделай еще раз вот так – и будешь вспоминать, какой у тебя был классный я! Потому что меня кондратий хватит на месте! Когда ты научишься ставить пистолет на предохранитель? Через пять минут весь дворец будет говорить, что горячий мистралиец застрелил тебя из ревности к королю.

Ольга тихо прыснула и, подумав, перелила остатки духов в пустую бутылку из-под поморской пшеничной, которую не успела выбросить перепуганная служанка.

– Через десять минут они все равно узнают, что я жива. Ты иди, я сейчас соберу осколки и принесу тебе полотенце.

– Тогда они решат, что я застрелил короля, опять же из ревности, найдя его под твоей кроватью, – проворчал «горячий мистралиец», направляясь в ванную.

– Так ведь король тоже живой!

Диего ничего не ответил и скрылся за дверью.

Сбор осколков занял некоторое время, в течение которого Ольга успела даже пожалеть об отсутствии Толика. Может, он бы опять призвал какую-нибудь мелюзгу для сбора мусора – и дело пошло бы энергичнее. А служанка эта в самом деле какая-то ненормальная, она что, грязного человека никогда не видела? Или увидела, что мистралиец, да приняла за первого из обещанных трех дюжин? В любом случае это не причина так орать.

– Витька, ты грубиян! – укоризненно вычитывал Толик, с пафосом вздымая пухлые ручки и потрясая ими где-то на уровне Витькиного подбородка. – Ты примитивен, как инфузория, и агрессивен, как носорог с кактусом в заднице! Пять минут как познакомился – и уже драться! Ты хоть имеешь понятие, кого ты только что стукнул?

– Господин Толик, – поспешно вмешался король, все еще пытаясь восстановить дыхание, – прошу вас… Без титулов…

Витька угрюмо произнес, что ему плевать на титулы, и продолжил массировать запястье.

– Что он тебе сделал, скажи ты мне, неандерталец нестираный? – не унимался Толик.

– Абсолютно ничего плохого, – заверил маэстро Гаврюша, которого, как всякого убежденного пацифиста, огорчил факт мордобоя в его присутствии. – Наверно, Витьке не понравилось, что он такой вежливый. Ты ж знаешь Витьку…

– Да знаю, – ухмыльнулся Толик. – Что, Витя, ты правда не любишь, когда люди вежливы, трезвы и одеты в чистое? Они тебе напоминают адвоката твоей бывшей жены?

– Я не люблю, когда люди задают такие вопросы! – взорвался Витька. – Они мне напоминают шпионов!

– Извините, – с достоинством отозвался король и наконец смог разогнуться. – Мне ваша нашивка на рукаве тоже что-то напоминает, но я не называю вас убийцей только по этой причине.

Оскорбленный Витька выпятил челюсть и высказался насчет некоторых вредных гадов, которые с вежливой миной говорят людям пакости, чем действительно напоминают того самого гребаного адвоката. Драться, однако, больше не стал – то ли внушения подействовали, то ли решил поберечь оставшиеся конечности.

Толик скользнул взглядом по его куртке и столь же укоризненно обратился к королю:

– К твоему сведению, это всего лишь цифра «пять», и какое надо иметь воображение, чтобы делать такие выводы…

– Разумеется, только на этом основании нельзя. Это был теоретический пример, призванный иллюстрировать абсурдность заявлений моего оппонента. А это действительно цифра «пять»? Можно полюбопытствовать, в каком мире люди пользуются такими цифрами?

– Нельзя! – прорычал Витька. – Что за манера все вынюхивать и выспрашивать!

– Обычное здоровое любопытство, – пожал плечами король. – Это абсолютно естественно – когда вы видите что-то вам незнакомое, вы спрашиваете у окружающих, что это такое.

– Мать-природа! – закатил глаза Толик. – Ну ты действительно зануда! Это каппийские цифры, если тебе хоть что-то говорит название! И отцепись от Витьки! Он тебя побьет-таки!

– Это вопрос спорный, – упрямо возразил король, – поскольку побить меня он уже пытался…

– Где учился? – ворчливо поинтересовался Витька, аккуратно пробуя пошевелить кистью. По всей видимости, вопрос следовало воспринимать как шаг к примирению. – Винтиловка, спецназ, контора? Или просто армия? Был бы ты из наших, так не спрашивал бы, что такое «греческая лавочка»…

– Контора, – чуть улыбнулся король, надеясь, что определил правильно.

– У-у! – с некоторым уважением протянул сотрудник неведомой лавочки. – Тогда понятно… А что у Толика за дела с конторой?

– Никаких, – снова улыбнулся король. – Я там давно не работаю.

– Прощайтесь! – решительно заявил Толик. – Мне эта беседа полоумных конторщика и лавочника действует на нервы!

– Как пожелаете. – Король выбрался из кресла, вызвав у Витьки откровенную ухмылку, и протянул руку хозяину: – Примите мою глубочайшую благодарность за гостеприимство, маэстро Гаврюша. Чрезвычайно приятно было с вами познакомиться, равно как и с вами, уважаемый Витя.

– Серьезно? – усмехнулся «уважаемый Витя», но руку все же подал. – Ну ты заходи, если что. Водки выпьем, за жизнь потреплемся. Ты не боксируешь? Жалко. Но все равно. Заходи. Я тебя матом ругаться научу.

– Благодарю вас, – отозвался король, разлепляя сдавленные пальцы, ибо рукопожатие господина Вити вполне могло заменить небольшие тиски. – Я умею.

– По тебе не скажешь, – ухмыльнулся Витька.

– Зайдет, зайдет, интеллектуал ты наш… – оборвал долгое прощание Толик. – Ты лучше сам к Дэну зайди, он тебя зачем-то искал. Пошли, расхититель рукавов.

– А куда мы отправляемся? – уточнил король.

– Ко мне, – пояснил эльф. – Следовало б тебя, конечно, домой отослать, но дядя велел привести и представить.

– Матери привет передавай, – вздохнул маэстро Гаврюша, сразу вдруг погрустнев.

– Обязательно. – Толик посмотрел на бесславно погибший пылесос и добавил, хитро подмигивая: – А еще подарю тебе волшебную метлу и посмотрю, ухитришься ли ты и ее спалить.

Глава 6

Кое-кому из собравшихся известно, что в самом начале нашей эпохи я рискнул посетить Чародея в Дул-Гулдуре и, тайно разведав, чем он занимается, понял, что наши опасения подтвердились.
Дж. Р. Р. Толкиен

Умытый и причесанный, Диего перестал походить на жертву пожара, приобретя некоторое сходство с жертвой банных воров. То есть чистый, мокрый и с полотенцем на бедрах вместо одежды. Дополняла образ убийственно трагическая мина, с которой он не расстался, даже умывшись. То ли до сих пор переживал из-за ссоры с девушкой, то ли стыдно было за драку с товарищем. В любом случае Ольга чувствовала себя виноватой, но не знала, с какой стороны подойти к пострадавшему, чтобы утешить. Ей-богу, распитие пива в ее комнате не стоило такого скандала. Можно же было просто попросить…

– У тебя где-то должна быть моя рубашка, которую я в прошлый раз забыл, – сообщил Диего, поправляя сползающее полотенце.

– Должна, – согласилась Ольга. – Сейчас попробую найти. Она лежала вон в том кресле под моими штанами, но теперь служанка все убрала.

– Кстати, отчего твоя служанка так перепугалась при виде меня? Ты что, мною прислугу запугиваешь?

– Нет-нет, – поспешила заверить его Ольга, оставляя три дюжины мистралийцев где-то на задворках совести. – Наверно, она тебя не узнала. Или вида твоего испугалась.

– М-да… – грустно согласился Диего, заглядывая в зеркало и приподнимая пальцами свои паленые сосульки. – Есть чего испугаться…

Ольга тут же ухватилась за возможность сделать для него хоть что-нибудь утешительное.

– Их надо подстричь. В смысле подровнять.

– И на что это будет похоже?

– На то, что и было. Ну подумаешь, раньше были до лопаток, а теперь до плеч будут. Зато можно будет при желании распущенными носить. Давай садись, я тебя подровняю.

Диего заколебался, поглядывая то на свое отражение в зеркале, то на ножницы в руках самозваной парикмахерши. Видимо, прикидывал, что страшнее.

– Да чего ты над ними, в самом деле, трясешься, как красна девица над своей девичьей косой? Не будешь же ты так ходить.

– Да нет, конечно… – с сомнением протянул Диего, по-прежнему косясь на ножницы. – Но я подозреваю, что ты раньше никогда не пробовала стричь и намерена на мне учиться.

Ольга заверила его, что собирается не стричь, а только ровнять, а уж это плевое дело, она сама себе неоднократно концы ровняла, и девчонкам в общаге тоже. А если кабальеро желает, то можно и челочку сделать.

– Вот этого не надо! – неожиданно агрессивно отказался кабальеро. – Ты мне еще макушку выстриги, как у мистика!

– А что, челка что-то значит? – вздохнула Ольга, не разделявшая его национальной привязанности к распределению причесок по классам. Ее давно подмывало спросить, что делают со своими опознавательными стрижками мистралийцы, когда лысеют с возрастом, но все к слову не приходилось. Да и неловко – вдруг на свой счет примет, обидится, начнет бить себя в грудь и доказывать, что настоящие кабальеро не лысеют, а кто не согласен, тот хочет его обидеть…

– Значит, – мрачно ответил Диего и все-таки занял предложенный стул. – Ладно, давай, только не очень коротко.

– Уж как подпалил, так и получится. Главное – не вертись.

Клиент послушно замер и просидел как изваяние все то время, что Ольга сражалась с его испорченной прической. А сражаться пришлось чуть ли не в прямом смысле. Она как-то выпустила из внимания, что собственные волосы, так же как и Люськины, легко было ровнять из-за того, что они тонкие и мягкие. А вот любимый мужчина подобной скудостью прически не страдал. Его густые, жесткие патлы постоянно норовили выскочить из пасти ножниц, извернуться, перекоситься и не дать обрезать себя ровно. Хотя Ольга старалась изо всех сил, прямой линии добиться не удалось. Зато получилось не слишком коротко.

Повертев головой перед зеркалом, жертва ее парикмахерского искусства с философским смирением изрекла, что могло быть и хуже. А также что пьяный Элмар мечом сделал бы это ровнее.

– Ну что, напоим Элмара и попросим подровнять? – предложила Ольга, надеясь хоть немного развеселить угрюмого мистралийца. Но тот только отмахнулся:

– Так сойдет.

Что-то с ним было не так, просто сам на себя был непохож бедный кабальеро, а спрашивать язык не поворачивается. Сама ведь наехала и расстроила…

Пока Ольга обдумывала, чем еще утешить и развеселить унылого возлюбленного, в дверь требовательно забарабанили, и все покаянные мысли тут же вылетели из головы. Нет, ну обнаглели совсем! Как к себе домой! Вот сейчас обматерить бы как следует, чтобы полчаса обтекали, кто бы ни стучал, хоть сама королева! Эх, и почему их в институте учили только литературному языку? Жак, который понимает мистралийский как русский, от души восторгается непереводимыми монологами Диего, а Ольга ни слова разобрать не может! Изложить сии непревзойденные перлы в письменном виде, чтобы она хоть прочесть могла, Жак отказывается под идиотским предлогом, что бумага этого якобы не выдержит…

За дверью обнаружился незнакомый господин весьма солидного и благопристойного вида, на породистой физиономии которого ясно читались негодование и стремление к скандалу.

– Где этот недостойный, бесчестный негодяй? – возмущенно возгласил почтенный кавалер, не утруждая себя даже элементарным приветствием.

– Кто? – тут же ощетинилась Ольга, решив, что любимый Диего опять кому-то не тому нахамил. Ответ возмутил ее до глубины души. Породистый господин имел в виду короля!

Нет, что он обозвал его интеллигентнейшее величество развратником и растлителем, Ольга еще могла понять – мало ли что могут о человеке сказать из политических соображений. Но чтобы короля искали в ее комнате?!

Змея, которая, по уверению непревзойденного БГ, должна быть у каждой женщины, в мгновение ока пробудилась и недвусмысленно зашипела, роняя с зубов капли яда.

– Что? – угрожающе переспросила Ольга, надеясь, что ей удалось скопировать тот холодно-высокомерный тон, каким Эльвира разговаривает с прислугой. – Я не ослышалась?

Любопытные головы, высунувшиеся из всех ближайших дверей, придали ей уверенности – как-никак благодарная публика! – и она с воодушевлением продолжила:

– Какой-то хам имеет наглость врываться в покои к даме и утверждать, будто его величество должен находиться здесь в столь неподобающее время?

Почему четыре часа дня было неподобающим временем, Ольга объяснять не стала. Зато ее речь прозвучала очень эффектно!

Слегка ошарашенный таким агрессивным отпором, неизвестный господин не сразу нашелся что сказать, и Ольга с еще большим воодушевлением поспешила выплеснуть на беднягу все то, что не досталось перепуганной служанке.

– Вы, значит, намекаете, что я принимаю у себя по вечерам женатого мужчину? Вы что, специально тут ломились в мою дверь, чтобы нанести мне оскорбление? Нет, вы слышали, господа и дамы, это хамло, которое врывается в чужие спальни, имеет наглость рассуждать о моем моральном облике! Пользуется тем, что любой уважающий себя мужчина побрезгует вызвать на поединок такую убогую, старую калошу!

Угрожающее сопение за спиной и полнейшее падение боевого духа, отразившееся на лице посетителя, еще больше укрепили Ольгину уверенность в себе, и она уже совершенно внаглую объявила:

– Я не намерена терпеть подобные оскорбления от каждого задрипанного придворного!

Дверь хряпнула перед носом охреневшего визитера как залп «Авроры». Коридор взорвался аплодисментами и одобрительным свистом.

Ольга развернулась и решительным толчком в грудь остановила грозного кабальеро, двигавшегося спасать ее честь:

– Не надо! Живой и посрамленный он мне больше нравится! Тем более ты без штанов!

Диего, который был не только без штанов, а и полотенце успел потерять, остановился. Агрессивное выражение на его лице медленно расползлось в улыбку.

– Браво, – наконец сказал он, медленно отмеривая свою долю аплодисментов. – Ты была бесподобна! Запомни это! Вот так с ними и надо! Со всеми!

– С кем? – не вполне поняла Ольга. Можно подумать, к ней каждый день такие придурки в дверь ломятся…

– Со всеми, кого ты обычно стесняешься и боишься. С зажравшимися придворными, с надутыми аристократами, с их стервозными дамами. Когда они смотрят на тебя, не надо думать: «А вдруг у меня прическа не в порядке, а вдруг я как дура выгляжу, а вдруг они что-то скажут». Надо смотреть в глаза вот так и думать: «А мне начхать, что вы думаете о моей прическе и что вы скажете, потому что вы все пыль и грязь, а я…»

– Диего, – укоризненно перебила Ольга, – и чем же я тогда буду лучше них?

– Да всем, – уверенно заявил мистралиец. – Потому что об их прическах ты не думаешь и вообще внимания не обращаешь, во что они одеты, не говоря уж о том, чтобы их наряды обсуждать.

– Да, наверно, я такая… И нет мне цены… Но ты все-таки надень что-нибудь. Хоть мои штаны. А то вдруг зайдет Кира, а ты тут нудизм развел.

– Не хватало еще, чтобы я в женских штанах расхаживал! Уж лучше я свои мокрые надену. Мафей обещал мне принести что-нибудь переодеться – и пропал. Забыл, наверное. Кстати, ты не знаешь, эльф так и посещает по вечерам свой священный забор?

– Я там давно не была, но, судя по поведению Элмара, посещает. А зачем тебе?

– Может, и не понадобится… но… – Доблестный кабальеро замялся. – Ты сможешь с ним поговорить?

– Смогу, конечно, а зачем? – поинтересовалась Ольга, понимая, что Диего, как и все остальные, не посмеет открыто общаться с непутевым прадедушкой, опасаясь, как бы о нем чего не подумали. Даже если необходимость будет самой насущной.

– Поклянись, что никому не скажешь, – тяжко вздохнул мистралиец.

– Даже королю? – подозрительно уточнила Ольга.

– Да нет, король-то как раз спрашивать не станет. Всем остальным.

Ольга торжественно поклялась и выжидающе уставилась на бедного возлюбленного, который не торопился с объяснениями, будучи занят натягиванием мокрых штанов.

– Понимаешь, – наконец объяснил он, сопровождая чуть ли не каждое слово тяжким вздохом, – король пропал.

– То есть как – пропал?

– Он Толика все-таки застукал. Толик тут же удрал, но его величество успел сигануть за ним в телепорт. Никто не знает, только я, Мафей и Плакса. Мафей берет на себя мэтра Истрана, а мне достался этот извращенец на заборе… Надо бы, конечно, было Плаксе это поручить, но он после ссоры с Эльвирой и драки со мной до сих пор немного не в себе. Как стемнеет, сходи с эльфом поговори, будь другом. Пусть поищет, где этот Толик и куда он короля дел.

– Хорошо, схожу обязательно, – пообещала Ольга, потрясенная сенсационной новостью. – Да ты не переживай, найдется король. Что ему Толик сделает, он же мухи не обидит…

Она собиралась привести еще несколько утешительных доводов, но, похоже, день сегодня был полностью пропащий. Понедельник, что еще скажешь. Очередные вопли и топот в коридоре могли быть просто следствием ее наезда на породистого господина, но укротить любопытство Ольга все-таки не смогла.

Мимо нее, шурша юбками, трусцой проскакали Вероника и Селия, изо всех сил стараясь не мчаться сломя голову и не терять достоинства. За ними, смешно подпрыгивая и роняя туфельки, пыталась угнаться Сюань. Детская мордашка хинской невольницы излучала восторг и любопытство.

– Что случилось? – окликнула ее Ольга. Сюань на секунду остановилась, подобрала туфельки и, прижав их к груди, радостно сообщила:

– Госпожа Акрилла утопилась!

После чего босиком припустила по коридору, в три секунды догнав и перегнав впереди бегущих.

– Как – утопилась? – оторопела Ольга, на всякий случай тоже скидывая туфельки. – В ванне, что ли?

Камилла, которая только что выплыла из своей комнаты, величественно покачивая плечами и на ходу поправляя прическу, невозмутимо пояснила:

– Вечно наши дамы панику создают. Не утопилась, а только побежала топиться.

– Зачем? – Ольга пристроилась рядом с Камиллой, едва поспевая за ее размашистым шагом. Краем уха она услышала, как Диего вполголоса выругался и тоже двинулся за ними как был – в мокрых штанах и босиком. Даже, кажется, без оружия.

– К нашей Акрилле приехали родители, – невозмутимо мурлыкнула Камилла. – Это как раз ее батюшка, кавалер Танта, ломился к тебе в комнату. Какая-то сволочь ему доложила, что дочурка не уберегла свое хваленое целомудрие, да еще наплели, будто она беременна от короля. Старый недоумок поверил.

– Так что, из-за этого топиться?

Ольга, конечно, понимала, что за такие вещи можно грести от родителей по первое число, раз уж они настолько суровы в подобных вопросах. Но не до такой же степени, чтобы топиться! Нет, действительно Средние века! Тупость и мракобесие!

– Совершенно с тобой согласна, – чуть усмехнулась непробиваемая Камилла. – Подобный идиотизм и мне не особенно понятен.

– Не особенно понятен? – вдруг отозвался сзади Диего с неожиданной злостью в голосе. – Злорадные, лицемерные стервы! А кто бедную девчонку долбал всю последнюю неделю за этого эльфа? Как она раньше не утопилась!

Невежливо оттолкнув Камиллу, он прибавил ходу и скрылся за углом.

– Чего это он? – без особых обид поинтересовалась дама. – Можно подумать, это ты топиться побежала… он что, спасать ее собрался?

– По-твоему, ее не надо спасать? – обиделась Ольга. – Я и сама спасу, если больше некому окажется. Тоже повод нашла прикалываться!

– Я к тому, – невозмутимо пояснила Камилла, – что спасать ее не понадобится. Либо у этой романтичной девицы не хватит духу прыгнуть с моста, на который она так решительно направилась, либо там без вас будет толпа желающих ее спасать.

Ольга не особенно поверила в такое обилие потенциальных спасателей, но, как оказалось, житейская мудрость Камиллы не подвела и в этот раз. Выбравшись из дворцовых коридоров на огромный балкон, плавно переходящий в тот самый мост, с которого зимой свалился король, дамы стали свидетелями захватывающего зрелища. Акрилла стояла за перилами моста и, видимо, набиралась духу, а к ней с разных сторон бежали кандидаты в герои. Два стражника, один из придворных магов, незнакомая пожилая дама, вездесущий кавалер Лаврис в одних трусах и Диего, который на фоне Лавриса выглядел вполне прилично. Со стороны библиотеки бежали несколько студентов и лично господин смотритель, но они были еще далеко. Как раз в тот момент, когда Ольга протолкалась сквозь толпу зрителей с намерением выбежать на мост и тоже вмешаться, Акрилла наконец набралась смелости (или испугалась толпы спасателей) и с оглушительным визгом полетела в темные воды Риссы. Зрители издали дружное «ах!», пожилая дама, которая пыталась угнаться за спасателями, рухнула на колени и разрыдалась.

– Смотри-ка, все-таки прыгнула, – заметил кто-то за спиной у Ольги.

В следующий момент зрелище превратилось в чемпионат по прыжкам в воду. У Диего это получилось лучше всех – грациозной птицей перемахнув через перила, он безукоризненно, без брызг, ушел в воду вниз головой. Громадный, тяжелый Лаврис решил не выпендриваться и спрыгнул солдатиком. Молодой маг, путаясь в мантии, полетел вниз как мешок с картошкой. Один из стражников последовал за ним, забыв в своем героическом порыве, что комплект доспехов не способствует повышению плавучести.

– Ставлю десять на Лавриса, – негромко и деловито произнес в толпе мужской голос, показавшийся Ольге знакомым. Она обернулась и узнала мэтра Мельди, одного из телепортистов.

– Двадцать на мистралийца, – тут же отозвалась его соседка, старушка из личной королевской охраны.

– Совести у вас нету, господа! – укоризненно заметил начальник стражи. – Нет чтоб помочь!

– А чем тут помочь? – пожал плечами маг. – Левитировать я не умею, ходить по воде тоже… Да и в пятой стихии не силен. Единственное, чем тут можно помочь, это сбегать за мистиком, но он и так уже здесь.

– А где он, кстати? Этого недоумка, который собрался утопиться за компанию с дамой, точно придется откачивать, если его кто-то вытащит…

– Преподобный Чен отправился на первый этаж, чтобы выйти на берег, – сухо пояснила старушка. – Пострадавших будут выносить туда. Не думаю, чтобы кто-то вспорхнул обратно на мост.

Тем временем спасательные операции в воде разворачивались самым успешным образом. Диего все-таки добрался до утопающей дамы первым и теперь направлялся к берегу со своей добычей. Акрилла не сопротивлялась – либо здорово ушиблась, либо, по обыкновению, пребывала в обмороке. За ним следовал Лаврис, таща за шиворот стражника – обладателя призового третьего места по прыжкам с моста. Маг благополучно бултыхался, неуверенно пытаясь грести. Похоже, он вообще не умел плавать. Чем только думал?

Бабулька-волшебница усмехнулась и протянула коллеге сухонькую ладошку:

– Гони деньги.

– И как вы догадались?..– вздохнул Мельди, отсчитывая монеты.

Мастер щитов снисходительно похлопала молодого коллегу по плечу:

– Мистралиец легче, проворнее и лучше плавает.

– Но откуда вы это узнали?

– Ты бы и сам увидел, если бы в тот момент, когда прыгали мужчины, не таращился на девицу в надежде разглядеть что-нибудь интересное под задравшимся платьем.

Сдав несчастную даму придворному мистику, Диего вернулся к третьему утопающему и, непочтительно ухватив за мантию, поволок к берегу, на ходу оглашая окрестности краткими, отрывочными характеристиками умственных способностей некоторых господ, которые прыгают в воду не раздеваясь и не умея плавать. Лаврис тем временем тоже доволок до берега несостоявшегося кандидата в Чапаевы и во всеуслышание прошелся по его родословной. На самом деле седьмой паладин был жутко расстроен, что такой выдающийся подвиг, как спасение девицы, увели у него из-под носа, и сорвался на первого, кто попался под руку.

Зрители потихоньку стали рассасываться и перемещаться ближе к месту событий. Для этого надо было вернуться в здание, спуститься на первый этаж и пробежаться немного по парку. Вроде бы и недалеко, но, пока Ольга преодолевала указанный маршрут, влекомая растущей толпой зрителей, она явно пропустила что-то важное. Знакомый разгневанный голос, без напряжения заглушавший все остальные, она услышала еще издали. И даже слова некоторые узнала. Неужели стоило так поливать несчастного мага только за то, что он не умеет плавать?

Протолкавшись ближе, Ольга поняла, что день сегодня поистине паршивый, и не только для нее. На берегу разгоралось второе действие безумной драмы о несчастной утопленнице. Сама главная героиня истерически рыдала в мантию собрата по несчастью, чуть не утопшего горе-спасателя, и никакая опасность ей, по-видимому, не грозила. А рядом группа мужчин во главе с Лаврисом и придворным мистиком пытались растащить взбешенного мистралийца и не менее взбешенного папеньку утопленницы. Что они не поделили, издали было не понять, поскольку почтенный кавалер на данный момент рычал что-то невразумительное, а Диего, как всегда в подобных случаях, изъяснялся на родном языке теми самыми словами, значение которых Ольга не знала. Надежда утихомирить разгневанного возлюбленного была довольно хрупкой, но девушка все же решила попытаться и, непочтительно распихивая впереди стоящих зрителей, заторопилась к эпицентру скандала.

Кавалер Танта безуспешно пытался обогнуть шустрого мистика, который все время ухитрялся преградить ему дорогу. Срывающимся от злости голосом почтенный отец утопленницы требовал, чтобы его пропустили к «этому негодяю», который мешается в чужие дела, оскорбляет порядочных людей и без зазрения совести лапает спасаемых девиц. Два стражника и Лаврис с трудом удерживали за обе руки буйствующего дона Диего. Ольга даже испугалась, увидев его лицо, – таким своего возлюбленного она еще не видела. Яркие, выразительные глаза мистралийца пылали такой безумной ненавистью, словно перед ним был не случайный незнакомый невежа, а как минимум кровный враг, спаливший родную хату. И ни капли здравого разума не было в этих глазах, ни проблеска мысли – все застилала слепая ярость.

– Пустите! – кричал он, выдирая правую руку из кольчужных перчаток стражников. – Таких уродов надо убивать на месте! Пустите, я этого выродка самого утоплю!

– Отойди, презренный варвар! – не унимался оппонент, делая попытку оттолкнуть придворного мистика. – Я покажу этому низкородному оборванцу, как оскорблять дворянина!

Преподобный Чен стерпел подобное обращение с поистине монашеским смирением, но оттолкнуть себя не позволил. Этот невысокий, худощавый человек, как уже замечали многие, обладал запасом прочности, которому мог бы позавидовать любой королевский паладин. С легкой руки Ольги к придворному мистику прилипло прозвище Шаолинь, поскольку это было первое, что всплыло у нее в памяти при знакомстве. Так же как и в случае с Флавиусом, никто не знал, что это такое, но всем нравилось это необычное слово.

Тем временем один из стражников упал и теперь висел, вцепившись в бьющегося мистралийца мертвой хваткой.

– Уберите руки! – Диего добавил несколько слов, которых Ольга не смогла перевести, и продолжал: – Я этому дворянину недоделанному растолкую, что честь – это не деталь женской анатомии!..

Ольгу довольно бесцеремонно толкнули в спину, и знакомый властный голос холодно поинтересовался, какого демона она стоит столбом и что за непотребство здесь вообще происходит. Похоже, Кира как была не в духе с самого утра, так до сих пор и не успокоилась. Зато появление королевы благотворно подействовало на происходящие события. Зрители почтительно затихли, кавалер Танта споткнулся, подбирая слова для вразумительного и краткого объяснения своих претензий, даже бесстыжий Лаврис немного смутился, вспомнив о своем неподобающем виде. Только расходившийся мистралиец, уже ничего не соображавший, продолжал вырываться из рук добровольных миротворцев, крича что-то уж совсем несусветное.

– А ты бы сразу ее на дворцовых воротах повесил, живодер! Уж чести бы прибавилось!

– Ольга, ты можешь его заткнуть? – деловито поинтересовалась Кира.

– Я не знаю как… – растерянно призналась Ольга. Королева пожала плечами, бесстрашно подошла вплотную к невменяемому кабальеро и парой личных королевских затрещин оборвала его познавательную речь на полуслове.

– Вот так, – с легким раздражением прокомментировала она. – А они еще что-то говорят о женских истериках… Господин Красс, вы можете мне объяснить, что происходит?

– Так точно, ваше величество, – браво отрапортовал начальник стражи. – Госпожа Акрилла намеревалась утопиться, и этот достойный кавалер ее спас.

– Этот мерзавец… – начал затихший было отец утопленницы, но королева неожиданно рявкнула командирским голосом:

– Молчать! И не сметь перебивать, когда королева слушает доклад старшего офицера! Господин Красс, почему здесь толпа? Чем заняты ваши подчиненные? Почему допустили беспорядки?

– Будет исправлено, ваше величество! – не моргнув глазом пообещал начальник стражи. – Сию же минуту!

– Всех участников этого безобразия доставить в кабинет его величества, – продолжала распоряжаться Кира. – И пусть объяснят свое поведение лично ему. Кстати… – Она обвела взглядом зрителей, которые уже начали рассасываться. – Почему я его здесь не вижу?

– Действительно. – Преподобный Чен слегка просветлел лицом, словно до него наконец дошло, чего ему до сих пор не хватало. – Скандал уже не первую минуту продолжается, а его величества до сих пор нет… Обычно он прибегает в первых рядах, как верно заметил почтенный мэтр Истран…

Ольга уже знала, что король не почтит своим присутствием это неподобающее зрелище, но влезать в разговор не стала. Пусть сами разбираются.

– Должен сообщить, ваше величество, – продолжал между тем мистик, – что четверым из упомянутых участников требуется медицинская помощь. Вы не возражаете, если они подойдут позже?

Диего злобно проворчал, что ему никакая помощь не требуется, спасибо ее величеству за нежное обхождение, пусть только попробует еще раз так сделать… А вот кое-кому помощь очень скоро потребуется. Если этот «кто-то» не прикусит язык, то ответит за свои слова как подобает мужчине.

– Марать фамильный меч о каждого зарвавшегося хама недостойно дворянина! – гордо возгласил тот самый «кто-то».

Угасший было взор мистралийца снова ожил, засветился недобрым, хищным огоньком. Ольга вдруг невольно вспомнила первый вечер их знакомства, когда Диего объяснял, как

напугать человека одним взглядом, и ей показалось, что это она, а не предполагаемый противник, видит в глазах мистралийца свою смерть, и ничего более. И голос его, ритмичным речитативом отбивающий каждое слово, прозвучал как тот самый «стук судьбы в дверь».

– Круг не знает сословий. Круг не знает классов. Все равны перед правом круга и долгом круга. Каждый, кто смеет называть себя мужчиной…

– Прекрати! – резко перебила Кира. – Я запрещаю. Он мой подданный, ты у меня на службе, и я запрещаю вам обоим! Отменить мой запрет может только король.

– Я обязательно его об этом попрошу, – не смолчал упрямый кабальеро.

– Никто и не сомневался, – поджала губы королева. – Мэтр Мельди, займитесь делом. Переправьте в кабинет придворного мистика всех, кого укажет преподобный Чен, и в первую очередь дона Диего. Нет, Диего, возражения не принимаются. Твои объяснения будут выслушаны только после хорошей дозы успокоительной микстуры.

– Это еще если я стану что-то объяснять, – проворчал неисправимый Кантор, но протестовать больше не стал.

Агентство «Каппа» из всех аналогичных контор считалось самым убогим, невостребованным и бесперспективным. Мир, переживший ядерную войну, был интересен только с теоретической стороны, так как материальная его ценность приближалась к нулю. По уровню развития техники Каппа отставала от Альфы века на два, если не на три. Полезные ископаемые местные жители успели пристроить к делу без посторонней помощи, а добывать то, что осталось, в опасных для жизни условиях желающих не находилось. Контакт с остатками погибающей цивилизации постоянно откладывался. Каждый год такой вариант рассматривался специальной комиссией, и каждый же год благополучно и единогласно проваливался. Официально объявлялось, что соседи еще не готовы к контакту, на самом же деле ни у кого не было желания сажать себе на шею бедного родственника.

В настоящее время из солидных организаций участие в судьбе невезучего мира принимали всего две, да и то частично. Институт прикладной генетики, единственный достойный упоминания спонсор, и святая католическая церковь. Генетиков интересовали нестандартные мутации, а святых отцов – потенциальная паства. Ежеквартально на католическую миссию учиняли набег контролирующие органы, опасавшиеся преждевременного контакта, и каждый раз удалялись несолоно хлебавши. Различных религиозных сект на Каппе было множество, местные жители весьма смутно помнили собственную историю и культуру, а заодно и географию, так что до сих пор никто не высказал сомнений, существовали ли вообще в их мире город Иерусалим и прочие библейские достопримечательности.

Помимо упомянутых организаций интерес к миру Каппа проявляли несколько особо фанатичных энтузиастов – экологи, археологи и этнографы. Наведывались и некоторые коллекционеры, которые всегда обижались, если их называли мародерами. Настолько сильно обижались, что оказывали вооруженное сопротивление полевым агентам, пытавшимся пресекать их полулегальную деятельность.

Нелегкий, опасный и вредный для здоровья труд агентов оплачивался довольно скудно – насколько могло себе позволить учреждение с ограниченным бюджетом. Однако кого попало с улицы и господ с сомнительным прошлым туда все же не брали. В результате сотрудники агентства «Каппа» представляли собой сборище бедных, но честных неудачников, хронически обиженных на судьбу и свято убежденных, что жизнь – дерьмо и нет в жизни не то что счастья, а элементарной справедливости.

Великолепный образец этой части человечества восседал в настоящий момент на кухне у Дэна, неприязненным взором исподлобья изучая только что вошедшего регионального координатора.

Если верно утверждение, что на детях великих людей природа отдыхает, то на Викторе Кангреме, единственном чаде знаменитого барда, она не просто отдохнула, а выспалась на три поколения вперед. И не дала бедняге ни таланта, ни везения, ни легкого характера, помогающего первые два несчастья презреть и радоваться тому, что есть. А сказать, что обленившаяся природа не дала Витьке совсем ничего, было бы несправедливо, ибо ни здоровьем, ни умом он обделен не был.

Хотя на первый взгляд старинный друг Дэна производил впечатление мордастой и мускулистой гориллы, был он очень даже не дурак, и из академии его выгоняли четыре раза отнюдь не за плохие оценки. Прославленный скандалист и забияка, он все же никогда не отличался черствостью и жестокостью. Напротив, каждый раз очень тяжело переживал очередную несчастную любовь, что иногда выливалось в недопустимые крайности. Например, на втором курсе он чуть не наложил на себя руки именно по этой причине. А вот десять лет спустя отчаянный Витька после развода сел на полтора года в тюрьму за нанесение побоев адвокату бывшей жены, ее новому избраннику и заодно собственному адвокату. А чего он, в самом деле, – сначала дело просрал, а потом под руку подвернулся не в тот момент…

В работе Витьке везло еще меньше, чем в личной жизни. Начав свой трудовой путь с грандиозной авиакатастрофы, за что его тут же выгнали с лишением лицензии, младший Кангрем сменил множество профессий и занятий, начиная с боев без правил, стоивших ему зубов и селезенки, и заканчивая фантастической прозой, над которой до сих пор потешались все знакомые.

Годам к сорока он остепенился и прибился к агентству «Каппа», где и трудился по сей день. То ли понравилось, то ли махнул рукой на свою непутевую жизнь и решил, что ничего лучшего все равно не светит. Но даже там ему постоянно попадало от начальства за перерасход казенных средств. Прикрытием агента Кангрема служила убогая лавочка, торговавшая чем попало – от сигарет до боеприпасов, и лавочка эта постоянно пребывала на грани разорения, так умело Витька вел свой нехитрый бизнес. Пожалуй, если бы на должность полевого агента «Каппы» было хоть одним претендентом больше, незадачливого лавочника уволили бы и отсюда.

– Вот ты просил, – кратко сообщил Дэн, кивая на это угрюмое создание. – Витька Кангрем. А это Макс, мой двоюродный брат. Вы наверное, знакомы, только не очень друг друга помните.

Тяжелая, квадратная челюсть Витьки несколько раз шевельнулась, – видимо, так у него протекал мыслительный процесс.

– Не, – произнес наконец он. – Не помню. У тебя этих двоюродных огромная орава, и я в них путаюсь. Макс – это который актер?

– Актер – это его отец, а Макс – твой коллега из агентства «Дельта».

– А-а! – возрадовался «коллега», достигнув наконец согласия со своей памятью. – Дошло! Ты чем-то похож на своего предка в старых фильмах, вот я и спутал. Ты тот Макс, у которого Ресс вечно права одалживает? Ну здорово.

Рукопожатие Витьки полностью подтверждало первое впечатление. А первой мыслью Макса при виде Дэнова дружка было: «Если б этого Витьку да лет двадцать назад в нашу службу, мы б его пропихнули в корпус паладинов…» К сожалению, когда они виделись в последний раз, Витьке было лет восемнадцать и задатков будущего паладина в нем тогда не было заметно. Сейчас же перед региональным координатором сидел массивный дядька полутяжелого веса, вполне способный управиться как с полным комплектом боевых доспехов, так и с подобающим жеребцом.

– Ты, я вижу, даже не потрудился переодеться, – заметил Дэн, демонстративно поддев пальцем прореху на Витькиной вытертой кожанке. Из-под куртки выглядывала замусоленная трикотажная майка, криво зашитая в нескольких местах неумелой мужской рукой. –

Вить, а ваше начальство не перегибает палку, заставляя вас выглядеть не богаче коренного населения? По-моему, даже коренное население свои тряпки стирает и штопает.

– Иди на фиг! – огрызнулся Витька. – Много б ты понимал в обычаях коренного населения! Толком выстиранная и заштопанная одежда означает наличие в доме женщины, а если мою гипотетическую женщину никто не видит, значит, я ее прячу. А если прячу, то она либо мутантка третьей степени или выше, либо, наоборот, полностью здорова и подлежит сдаче в городской генофонд… Там знаешь какой дурдом, на этой гребаной Каппе… Мне только конфедератов с обыском не хватало! Чтоб приперлись искать спрятанную женщину и нашли контрабандное бухло да прикрыли к чертям мою лавочку.

– Это что, серьезно насчет городского генофонда? – подивился Макс, присаживаясь. – А если она будет против?

– А кто ее спрашивать будет? Единственный выбор, который есть у здоровых, – это выбор партнера из предложенных таких же здоровых. Круто, конечно, но конфедератов тоже можно понять – человечество вымирает как вид, и надо хоть как-то с этим бороться.

– А ты тоже… – хихикнул Дэн, – пополняешь генофонд?

– Щас, разбежался.

– А вас там что, не проверяют? Ты же здоровый как бульдозер. Пара анализов – и да здравствует Витек, лучший производитель Пятого Оазиса!

– А вот! – Грубиян Витька торжествующе продемонстрировал отсутствующему здесь городскому генофонду крупную и увесистую фигу. – Я официально признанный мутант. С меня даже взяли подписку о неразмножении.

– И сколько тебе это стоило? – вежливо поинтересовался Макс, ожидая, когда же ему дадут завести разговор о том, ради чего он и попросил Дэна свести его с Витькой.

– Абсолютно легально, – засмеялся агент. – Ты ж видишь, я рыжий.

– И что?

– Я единственный рыжий на Каппе. Уж не знаю, то ли они там все вымерли и никто не помнит, что они вообще были, или их и до Падения не было. Меня проверили, обнаружили, что рыжесть у меня наследственная, а во всем остальном я нормальный, и выдали документ, где значится, что я мутант первой степени. Все законно. Я могу жить на окраине города с наружной стороны стены и не имею права размножаться. А начни я стирать свои шмотки каждый день, мигом заподозрят, что я завел себе бабу и незаконно размножаюсь.

Региональный координатор в душе согласился, что такого беспредела нет даже в Мистралии, и порадовался, что с него самого никто не догадался в свое время взять подписку о неразмножении, после чего перешел к делу:

– Я вот что хотел спросить. Помнишь монету, которую ты привез с Каппы и подарил Рессу?

– Не припоминаю… – начал Витька, но Дэн тут же на него наехал:

– Не ленись, напряги память, это важно!

– Да вы что, припухли? – возмутился друг детства. – Я вам каждую проходящую через мою кассу монету должен помнить?

– Вот эта, – продолжал настаивать Дэн, предъявляя упомянутый образец каппийской валюты. – Ты сказал, что тебе ее кто-то дал… кто-то странный.

– Убей не помню… Помню только, Ресс пощупал и сказал, что в ней присутствует нехорошая аура от прежнего владельца.

– И все? Больше ничего о прежнем владельце?

– Ничегошеньки. Я хотел выкинуть, а Ресс сказал, что лучше он спрячет, вдруг кто-то несведущий найдет и беду на себя накличет. И больше мы об этой монетке не вспоминали. А на кой оно вам понадобилось, лет пять уже с тех пор прошло. Раньше спросить не могли?

– У тебя есть какие-нибудь гипотезы о ее происхождении? – без особой надежды поинтересовался Макс и, разумеется, никаких гипотез не услышал. Зато услышал, что они с Дэном точно-таки припухли, как и вся их ненормальная семейка, раз думают, будто простой смертный по одному виду несчастной монетки, которых на Каппе пруд пруди, что-то им об этой самой конкретной монетке может рассказать. Разумеется, Макс не смолчал и ехидно заметил, что лично знает одного господина, который без всякой магии способен высказывать гипотезы и делать выводы, хотя от агента Кангрема отличается только коэффициентом интеллекта.

– Брек! – весело закричал Дэн, тут же подхватываясь с места. – На этом ругню закончим и пьем чай. Да, Витек, чай, не смотри на меня так. Хочешь спиться – твое дело, но без моего участия. Мало тебе вчерашнего бардака у Гаврюши? Совесть бы имел, алкаш несчастный, мой бестолковый тесть и без твоего дурного влияния не особо следит за здоровьем…

– Да понимаешь… – Витька сокрушенно взъерошил огромной пятерней свои огненные кудри. – Я, собственно, и не собирался… Один мужик из католической миссии меня попросил познакомить, он еще в молодости фанател от «Вредных ископаемых»… А он такая пьянь, этот Жан, даром что священник… Вот и получилось… Я на работе, чтоб ты знал, вообще не пью. То, что они там на Каппе из своих радиоактивных опилок гонят, пить невозможно, печень отваливается. А дома всем почему-то кажется, будто я спиваюсь, потому что только дома и пью.

– Могу предложить два варианта, – тут же сообразил Макс. – Сбегать за бутылкой или же создать для тебя полную иллюзию опьянения. Второе безвреднее.

– Да нет, спасибо, мне на работу, – вздохнул Витька, мгновенно забыв о недавнем обмене шпильками. – Я просто так сказал. Чай пойдет.

– И стоило выпендриваться, – пожал плечами Дэн, расставляя перед гостями чашки. – Кстати, Макс, раз уж речь зашла о здоровье… Поговори с дядей Байли, если сможешь.

– На предмет чего?

– На предмет его здоровья, чего ж еще. Совсем твой старик из ума выжил, меня уже не слушает.

– Ну это еще не признак безумия, – чуть усмехнулся Макс.

– Ничего смешного, тебе реально светит остаться сиротой в ближайшие месяцы, если твой озабоченный папенька не прекратит шляться по девкам. Я тебе как врач говорю, попытайся его вразумить. Он рад без памяти, что у него до сих пор стоит, и не может понять, что кроме этого самого у людей бывает еще голова и весь прочий организм. Ты бы видел скан его мозгов! Сосуды как сопли, а он трахается…

– Хорошо, поговорю, – неохотно согласился региональный координатор и сосредоточенно уставился в свою чашку. Как же, послушает папа хоть кого-нибудь… Если уж Дэна не слушает, а Дэн все-таки врач… бесполезно и пробовать. Угробит себя дорогой папа, но ни за что не согласится отказаться от любимого дела ради каких-то там сосудов.

– Вить, – продолжал между тем кузен, – а может, ты все-таки попробуешь вспомнить? Мы с Максом тебе помогли бы. Память такая штука, что ее можно подправить. А нам действительно позарез надо выяснить, что это за денежка и откуда взялась. От нее у Ресса такие видения покатили, что надо обязательно разобраться, а то вся эта фигня сильно попахивает Апокалипсисом…

– В каком мире? – невесело ухмыльнулся бывший хозяин загадочной монеты.

– Трудно сказать, но Максу кажется, что пострадает в первую очередь Дельта. Да какая, в сущности, разница? Там тоже люди живут. Подумай. Вот ты взял эту монетку из своей кассы. А кто к тебе тогда заходил?

– Да мало ли народу ко мне в лавку заходит? Половина Оазиса у меня отоваривается.

– Нет, – счел своим долгом вмешаться Макс, – если бы это был кто-то незначительный, обычный человек, тогда и монета была бы обычная. Вспомни, не заходил ли к тебе кто-нибудь настолько странный, что ты его невольно запомнил. Это очень важно.

Честный Витька задумался, даже глаза прикрыл для пущей сосредоточенности. А кузены Рельмо, украдкой переглянувшись, осторожно попробовали ему помочь. Очень бережно и ненавязчиво, чтобы сторонняя стимуляция не создала помех.

– Во! Вспомнил! – воскликнул агент Кангрем минут через десять, когда оба мага уже вспотели от напряжения и подумывали о более радикальных методах. – Заходило ко мне одно чучело, просто удивительно, как я вообще мог его забыть…

– Есть много способов, – заметил Макс, вытирая лоб. – Но на наше счастье, твое «чучело» ими не воспользовалось, и забыл ты все только потому, что был пьян, когда все произошло. Так что там?..

– Зашел какой-то мутант…

– Точно мутант? Ты проверял?

– Да что я, на глаз не вижу, что мутант? Люди настолько худыми не бывают, а если и довести человека до такого состояния, то он от ветра шататься будет. И морда у него была закрыта – точно, мутант. Зашел, постоял посмотрел, купил спички и свалил. А когда он ушел, в мою лавочку ворвался Бродяга Шварт с такой перепуганной рожей, будто за ним стая граков гонится. Он почему-то не чаял увидеть меня в живых, поскольку мое заведение почтил своим присутствием сам Повелитель. Наверно, хотел лично на меня полюбоваться и прикинуть, не подхожу ли я под описание Владыки Небесного Огня. Я еще подумал, наверно, не подхожу, раз не убил. Но на всякий случай попросил Жана мою халупу освятить, а то мало ли что. Разное говорят про этого Повелителя…

– А подробнее можно?

– Пожалуйста, Вить, – поддержал Дэн, – это действительно важно. А в Семье не треплются направо и налево о важных вещах, так что за секретность можешь быть спокоен.

– Я бы мог послать официальный запрос в вашу контору, – добавил Макс. – Но его продержат пару лун во всевозможных канцеляриях, а дело срочное. Видения Ресса уже начали сбываться.

– Ты мне не говорил, – укоризненно заметил кузен.

– Просто к слову не приходилось. Помнишь, как мы чуть не подрались с Толиком, когда Ресс упомянул о возможном участии моего сына во всем этом безобразии? Так вот, все уже случилось, причем абсолютно стихийно. Я никоим образом не мог повлиять на события и напрасно полагал, что Судьба станет спрашивать моего согласия. Короля Шеллара действительно пытались убить, и Диего смог этому помешать, случайно оказавшись поблизости. С мальчишкой ничего не случилось, как и предполагал наш ясновидящий кузен. Но, как ты помнишь, это не значит, что теперь все будет в порядке. Угроза, исходящая от чего-то, что символизирует эта монетка, осталась реальной. И до сих пор никому не известно, как эту угрозу устранить.

– Интересно… – оживился Дэн, и его азиатские глаза загорелись мальчишеским азартом. – А какой же расклад получается теперь? Если считать, что исходные изменились… Может, стоит попросить Ресса еще раз перебрать те же вещички?

– Бесполезно. Этот вариант у него уже рассмотрен. И он тоже не отличается оптимизмом. Чтобы внести какие-то изменения в уже известный прогноз, надо опять менять исходные, вводя новые факторы. Поэтому я и пытаюсь добыть хоть какую-то информацию о монете и ее владельце, чтобы понять, где эти факторы искать. Не совать же Рессу все подряд, в надежде что правильный ответ случайно найдется сам собой.

– Это, конечно, не особо вежливо… Но все же… Если Судьба настолько благосклонна, что потрудилась обеспечить случайное спасение этого твоего короля… кстати, интересно, какова была вероятность такого благополучного поворота дел?

– Не знаю. Но Судьба обычно бывает благосклонна к ворам чаще, чем к людям, не наделенным Тенью. Помимо всяких прочих полезных свойств Тень дает своему владельцу удачу и воровской фарт. А если учесть, что у его величества проблемы с нюхом, то это должно компенсироваться усилением других воровских качеств, в том числе удачи. Он действительно очень везучий человек, я уже не раз замечал. Но это не делает его абсолютно неуязвимым, особенно в случае каких-либо глобальных катастроф.

– Слышал, Вить? – тут же обратился Дэн к своему приятелю. – В твоих силах предотвратить глобальную катастрофу. И может, оно так и получится, если ты поведаешь нам подробнее о загадочном Повелителе, который забредал в твою лавку.

– Ага, – неприветливо фыркнул Витька. – Сейчас я вам расскажу всю эту муть, и вы мне еще додумаетесь торжественно объявить, что я действительно избранный герой и моя миссия – спасти мир от Черного Властелина и прочего вселенского зла…

– А ты ответишь, что в моем возрасте несолидно играть в фэнтезийные ролевухи, – жизнерадостно ухмыльнулся почтенный доктор Рельмо. – Знаю, Вить. Но ты все-таки поделись с Максом информацией об этом мутанте, дело действительно важное. Обещаю не снаряжать тебя на битву со злом в качестве главного героя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.